

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

HD WIDENER

Hw RRM8 4

Изъ библиотеки

P. 254

Я. I. Турлянда

№ 365

ТД

Я. I. Turlynda

**Jewish
Cultural Reconstruction**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1885 ГОДЪ
НА ЖУРНАЛЪ

„ВОСХОДЪ“

И „НЕДѢЛЬНУЮ ХРОНИКУ ВОСХОДА“.

Въ 1885 году „Восходъ и Хроника“ будутъ издаваться безъ предварительной цензуры, по той же программѣ и при участіи тѣхъ же сотрудниковъ, какъ въ предыдущіе четыре года. «Хроника», по прежнему, будетъ посвящена интересамъ дни, между тѣмъ какъ журналъ будетъ заниматься вопросами общественными, требующими обстоятельной обработки, и исторіей, литературой и наукой.

Въ 1885 г. журналъ нашъ вступаетъ въ пятый годъ изданія. Поэтому относительно его направленія вамъ, кажется, уже нѣтъ надобности распространяться. Мы можемъ повторить только, что нашъ девизъ, по прежнему, будетъ — прогрессъ внѣ и внутри русскаго еврейства, нашъ лозунгъ — тономъ самоуваженія и самосознанія, не потворствуя ни вышнимъ, ни низшимъ, твердымъ, свободнымъ словомъ бороться противъ всѣхъ внѣшнихъ и внутреннихъ преградъ, мешающихъ правильному развитію русскаго еврейства, и такимъ путемъ служить интересамъ послѣдняго, а внѣстѣ съ тѣмъ и интересамъ самой Россіи.

Что же касается способа изданія, то редакція и нынѣ воздерживается отъ всякихъ обѣщаній и предоставляетъ самимъ читателямъ судить, насколько стремленія ея къ улучшенію своихъ изданій дѣйствительно осуществляются.

Въ „Хроникѣ“ издающейся съ 1882 года, въ каждомъ № публикуются.

I.—Передовыя статьи: обзоръ выдающихся событій за недѣлю. II.—Небольшія статьи по разнымъ текущимъ вопросамъ. III.—Отголоски печати: обзоръ мнѣній и сообщеній русской и еврейской печати. IV.—Официальныя извѣстія: правительственныя постановленія, назначенія, сообщенія и т. д. V.—Петербургская лѣтопись. VI.—Внутренняя хроника: корреспонденціи, сообщенія и газетныя извѣстія изъ разныхъ пунктовъ Россіи. VII.—Заграничная хроника: корреспонденціи и извѣстія изъ разныхъ заграничныхъ центровъ. VIII.—Замѣтки литературныя, библиографическія, художественныя и т. д. IX.—Фельетонъ: юмористическіе очерки и замѣтки. X.—Объявленія.

Подписная цѣна за годовое изданіе «Восхода» съ «Недѣльной Хроникой» съ доставкою и пересылкою — 10 р., на 1/2 года 6 р.,

на три мѣсяца 3 р. Отдѣльная подписка на журналъ или „Недѣльную Хронику“ не принимается. Каждая книжка «Восхода» отдѣльно стоитъ—за 1881 годъ 1 р. 50 к., остальныхъ лѣтъ 1 р., двойныя книги—2 р. Каждый № Хроники 10 коп., для иногородныхъ — 15 к. За границей: на годъ 12 р. на $\frac{1}{2}$ года — 7 р. на три мѣсяца—4 р. 50 к. Полугодовая и трехмѣсячная подписка допускаются только: съ 1-го Января, 1-го Апрѣля, 1-го Юля и 1-го Октября.

Разсрочка подписной платы допускается только для лицъ, подписавшихся съ Января на годъ, на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ 4 р., къ первому Марта 3 р. и къ 1-му Юля 3 р.

Съ требованіями благоволятъ обращаться въ редакцію журнала «Восходъ», въ С.-Петербургъ, Офицерская, 17, и во всѣ книжные магазины.

Въ виду того, что поштомъ не отвѣчаетъ за исправную доставку журнала лицамъ, получающимъ таковой на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ, Контора покорнѣе проситъ при подпискѣ указывать на ближайшее почтовое учрежденіе, черезъ которое можетъ быть посланъ журналъ.

Объявленія для напечатанія въ «Восходѣ» принимаются по слѣдующей таксѣ: за 1 страницу—15 р. за $\frac{1}{2}$ страницы — 8 р. за $\frac{1}{4}$ страницы— 4 р. За помѣщенія объявленій въ «Недѣльной Хроникѣ» взимается 15 коп. за строчку петида или за занимаемое ею мѣсто; при повтореніи дѣлается уступка отъ 10% до 30%, смотря по числу разъ.

Новые подписчики на 1885-й годъ получаютъ **бесплатно** первую часть романа изъ современной жизни извѣстнаго писателя Генриха Лаубе, начавшагося печатаніемъ въ 1884 году.

Подписчики на 1885 годъ имѣютъ право получать всѣ изданія редакціи «Восхода» и многія находящіяся у нея въ складѣ съ **значительной** уступкой, обозначенной при каждомъ изданіи.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры журнала за прошлые, 1881, 1882, 1883 и 1884 годы уступаются конторой редакціи по 7 р. за каждый годъ. За всѣ четыре года выстъ 24 р. Годовые подписчики на 1885 годъ могутъ получить журналъ за всѣ пять лѣтъ (считая въ томъ числѣ и 1885) за 32 р. По соглашенію съ редакціей деньги эти могутъ быть разсрочены.

Духовныя лица, учителя и учащіеся, желающіе приобрести съ **большою уступкою** нѣкоторыя изданія редакціи «Восхода» и находящіяся у нея въ складѣ, могутъ входить объ этомъ въ соглашеніе съ конторой редакціи.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

I. О подпискѣ на 1885 г.	
II. ПАМЯТИ ДРУГА. Стихотвореніе. С. Г. Фруга	3
III. ПОСЛѢДНЕЕ СЛОВО ПОДСУДИМАГО ЕВРЕЙСТВА. Статья третья и послѣдняя Экстернуса	8
IV. ИСТОРИЯ ОДНОГО СЕМЕЙСТВА. Повѣсть. Часть вторая. (Окончаніе). Цсевдонима	29
V. РУВИМЪ. Современный романъ. Генриха Лаубе. (Продолженіе) Перев. Э. К. Ватсона.	54
VI. ЕВРЕИ И ИХЪ ЗНАЧЕНІЕ ВЪ ДѢЛѢ МУЗЫКАЛЬНАГО ИСКУССТВА. (Окончаніе). М. Лабуцкой.	86
VII. ДѢТИ РАНДАРА. Повѣсть Комперта. (Окончаніе). Перев. Петра Вейнберга	99
VIII. НЕОПАЛИМАЯ КУПЕЛЬ. Изъ библейскихъ мотивовъ. Стихотвореніе. К. Фюфанова.	122
IX. МОИСЕЙ МОНТЕФЮРЕ. По поводу его столѣтняго юбилея. (Окончаніе). Л. Г.	124
X. ПѢСНИ ДНЯ. Стихотвореніе. М. С. Абрамовича.	163

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ:

XI. ПРАЗДНИКЪ ЖАРГОННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. С. М. Абрамовичъ и его 25-лѣтняя литературная дѣятельность. Льва Бишшока.	1
---	---

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ:

XII. КАВКАЗСКІЕ ЕВРЕИ. (Путешествіе по Кавказу и Закавказскому краю І. Я. Чернаго <i>ספר המסעות בארץ קוקו ובמדינות אשר סביב לקרק</i>) С.-Пб. 1884). Г.-б.-Г.	33
XIII. ЕВРЕЙСКІЕ СТУДЕНЧЕСКІЕ КРУЖКИ въ Вѣнскомъ университетѣ. (Письмо изъ Вѣны) Л. А. Даулева	55
XIV. ОБЪЯВЛЕНІЯ.	

При этой книгѣ разсылается гг. подписчикамъ объявленіе объ изданіи журнала „Нива“.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ВОСХОДЪ

ЖУРНАЛЪ

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

Издаваемый А. Е. Ландау

Д е к а б р ь.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія А. Е. Ландау. Офицерская. 17.
1884.

4395 ✓

Δ
KSF 458 ($\frac{1884}{12}$)

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
SEP 9 1960

kc * 2

2634

ПАМЯТИ ДРУГА.

Вечерняя заря спокойно догорала;
Унылымъ шопотомъ былъ полонъ дальній лѣсъ,
И блѣдная луна печально выплывала
    На тихій, темный сводъ небесъ...
Я вспомнилъ блѣдный ликъ страдающаго друга.
Подъ гнетомъ долгаго, упорнаго недуга
Онъ быстро угасалъ; но ни одной слезой,
Невольнымъ ропотомъ иль жалобой случайной
Не выдавалъ онъ той тоски и муки тайной,
Что закипали въ немъ губительной грозой.
И лишь въ предсмертный часъ, покорно допивая
    Послѣднихъ музъ послѣднюю струю,
Онъ подозвалъ меня и, горестно рыдая,
    Повѣдалъ исповѣдь свою...

* *
*

«...На шумномъ-ли пиру, межъ добрыми друзьями,
На ясной-ли зарѣ, надъ синими струями
    Спокойно дремлющей рѣки,
Въ тяжелые-ль часы бессонницы угрюмой,
Когда, бродя одинъ съ своей завѣтной думой,

Слагаль я пѣснь печали и тоски,
 И въ тѣ отрадныя и свѣтлыя мгновенья
 Безмолвной радости и сладкаго забвенья
 Подъ лаской женщины любимой и родной,—
 Вездѣ все тотъ же духъ, угрюмый, блѣдный, строгій,
 Стоялъ упорно предо мной,
 И я внималъ ему съ мучительной тревогой
 Въ душѣ усталой и больной:
 — Порывы юности, горячей, прихотливой,
 Къ таинственнымъ вратамъ обители святой,
 Созданія мечты и грезы горделивой—
 А рядомъ — образъ Правды роковой...
 Идетъ онъ за тобой съ какой-то злобой жадной
 Черезъ тихій, свѣтлый рай души,
 И вянуть подъ его стопою безпощадной
 Цвѣты завѣтные твои;
 И вянетъ молодость съ убитыми мечтами;
 Развѣнчанная жизнь—безъ цѣли, безъ конца;
 Скупой, тяжелый трудъ съ безсонными ночами,
 Съ надеждой пахара, безъ радостей жнеца;
 На жизненномъ пиру — обглоданныя кости;
 У двери Славы — жалкіе гроши;
 Да старость дряхлая съ осадкомъ жгучей злости
 На днѣ измученной души...
 И конченъ долгій путь; безъ слезъ, безъ состраданья,
 Наложить смерть свою холодную печать...
 Что-жъ другу доброму промолвить на прощанье?

Что сыну завѣщать?! . . . . .

. . . . .

И если тамъ, за роковою гранью
 Земныхъ тревогъ и радости земной,
 Предстанеть предъ тобой съ карающею дланью
 Судья всесильный, грозный и нѣмой, —
 Какимъ отчаянемъ, какою болью жгучей
 Должна исполниться душа твоя въ тотъ мигъ!
 И не воспрянешь-ли, свободный и могучій,
 Не бросишь-ли ему отважный, громкій крикъ:
 „Зачѣмъ послалъ меня ты въ этотъ мѣръ презрѣнный?
 Кто право далъ тебѣ судить?
 Не ты-ли предо мной держалъ свой стягъ священный,
 Не ты-ль училъ меня любить?!
 Въ часы глубокаго и свѣтлаго раздумья —
 Не ты-ли слабый мозгъ до боли, до безумья,
 Томилъ огнемъ чарующей мечты,
 Являя мнѣ тотъ мѣръ, свѣтлѣй, прекраснѣй рай,
 Что пышно расцвѣтало отъ края и до края
 Въ лучахъ любви, добра и красоты?
 Я видѣлъ тамъ судью: въ порывѣ мести властной
 Онъ не срывалъ съ очей повязки безпристрастной,
 Онъ не бросалъ изъ рукъ вѣсовъ добра и зла;
 Завѣтный мечъ его, карающій, но правый,
 Служилъ не дикой, безумною забавой,
 Не злобой рѣчь его исполнена была...
 Я видѣлъ славнаго учителя-пророка:
 На буйныхъ торжищахъ разврата и порока

Господнимъ громомъ гласъ его звучалъ;
 Онъ шелъ на встрѣчу зла, измѣны, лицемѣрья;
 Во тьмѣ невѣденья, во мракѣ суевѣрья

Онъ свѣточъ правды зажигалъ...

Я видѣлъ женщину: въ душѣ остервенѣлой
 Улыбкой кроткою и ласкою несмѣлой

Она гасила пылъ проснувшейся вражды...

Я видѣлъ тамъ отца: онъ рѣчью миротворной
 Сжиралъ въ душѣ дѣтой, довѣрчиво-покорной,

Безумный бредъ опасной клеветы...

Когда-жъ мечты туманъ летучій испарялся,

И миръ, какъ есть, являлся предо мной, —

Какою мукою и болью наполнялся

Мой умъ осиротѣлый и больной!...

Я тщетно потрясалъ тяжелыми цѣпями,

Напрасно угрожалъ, напрасно я молилъ —

Слѣпой орелъ съ разбитыми крылами,

Ладья безъ весель и вѣтриль...

Въ безсильи устремлялъ я къ небу взоръ молящій —

Я звалъ тебя! Я ждалъ: сверкающій, разящій,

Изъ пасти огненной отверзтыхъ черныхъ тучъ,

Подобной глубинѣ чудовищнаго зѣва,

Ударить ты бичемъ карающаго гнѣва,

Ты будешь грозенъ и могучъ!..

Но ты молчалъ!.. Молчалъ, богъ гнѣва и возмездья!

За тихій сводъ небесъ, за мирныя созвѣзды,

Въ бездонномъ хаосѣ безчисленныхъ мировъ,

Сокрытый отъ меня услужливою тучей,

Ты робко прятался, скупясь на гнѣвъ кипучій,
Жалѣя молній и громовъ...

Зачѣмъ-же ты не мстилъ? Зачѣмъ... или, быть можетъ,
Безсмертный, всеблагой, всеильный!—ты не могъ?...

Тотъ червь отчаянья, что мозгъ мой жадно гложеть,
Заползъ и въ той лазоревый чертогъ?

Перуны, что металл ты мощнымъ, гнѣвнымъ взоромъ,
Погасли, замерли въ безсиліи нѣмомъ, —

Ослабли, порвались тѣ струны, по которымъ

Ты гордо ударялъ властительнымъ перстомъ?...

Зачѣмъ же ты меня послалъ въ тотъ міръ презрѣнный?

Зачѣмъ, зачѣмъ училъ меня любить?!...

.....

Я вспомнилъ блѣдный ликъ, послѣдній стонъ недуга,

Холодный взоръ, уста съ угрозою нѣмой!

Въ душѣ моей звучалъ прощальный голосъ друга,

Туманный умъ кивалъ безумною вещью, —

А надо мной заря спокойно догорала,

Безсвязнымъ шопотомъ былъ полонъ сонный лѣсъ,

И блѣдная луна безмолвно выкликала

На тихій, темный сводъ небесъ...

С. Фругъ.

ПОСЛѢДНЕЕ СЛОВО ПОДСУДИМАГО ЕВРЕЙСТВА.

-Статья третья*.

VI.

Когда рѣчь заходитъ о правовой эмансипаціи евреевъ, противники послѣдней всегда выдвигаютъ противъ нихъ цѣлый арсеналъ стараго варжавѣлаго оружія, такъ сильно притупившагося отъ долгаго употребленія, что оно теперь можетъ только на время оглушить, но не опасно ранить. Но бываютъ времена, когда большинство людей такъ плохо вооружено умственно, такъ угнетено духомъ, что ихъ легко запугать даже холостыми зарядами и дѣтскими погремушками. Въ такое время, дѣлать нечего, приходится считаться и съ такого рода противниками, — и не столько для того, чтобы противъ нихъ защищаться, сколько для того, чтобы показать всю фальшивость и недобросовѣстность ихъ «военныхъ» пріемовъ.

Обвиненій, сыплющихся на евреевъ, не оберешься. Но есть между этими обвиненіями нѣкоторыя, чаще всего повторяемыя, даже въ официальныхъ актахъ. Они не разъ опровергались защитниками евреевъ, и мы не станемъ здѣсь повторять эти апологетическіе доводы, ставшіе уже общими мѣстами. Мы только намѣрены здѣсь сдѣлать краткія общія возраженія и указать на тѣ существенныя стороны защиты, на которыя до сихъ поръ обращено было, можетъ быть, слишкомъ мало вниманія.

* См. «Восходъ» 1884, кн. XI.

Разсматривая сущность приписываемых евреямъ недостатковъ и классифицируя ихъ по группамъ, мы приходимъ къ заключенію, что недостатки эти, по своему происхожденію, бываютъ двухъ родовъ: а) недостатки, составляющіе прямыя послѣдствія нынѣшняго неравноправнаго положенія евреевъ и необходимо должныя исчезнуть съ уничтоженіемъ этого праваго неравенства; б) недостатки и социальныя аномаліи, являющіеся результатомъ отдаленныхъ историческихъ причинъ и могущіе, подъ вліяніемъ гражданской эмансипаціи и другихъ факторовъ (на которые укажемъ ниже), постепенно сглаживаться и впослѣдствіи исчезнуть. Къ первой изъ этихъ группъ относятся преимущественно недостатки общественно-экономическіе, ко второй—религіозныя и бытовыя. Говоримъ: *преимущественно*, ибо рѣзкое разграниченіе между этими двумя группами провести невозможно; вопервыхъ потому, что при извѣстной ступени развитія евреевъ, духовныя и социальныя факторы очень тѣсно связаны между собою и вліяніе того или другаго на гражданскую жизнь евреевъ весьма трудно опредѣлить; во вторыхъ потому, что сама историческая эволюція еврейскаго народа складывалась подъ постояннымъ вліяніемъ гражданского рабства и праваго неравенства, — и въ этомъ пунктѣ лежитъ точка сліянія двухъ упомянутыхъ группъ. Несмотря на это, наша классификація тѣмъ не менѣе имѣетъ весьма важное практическое значеніе, какъ выяснено будетъ въ слѣдующихъ строкахъ.

Раздѣлимъ главныя обвиненія, направленные противъ евреевъ, по ихъ непосредственному содержанію. Они сводятся къ слѣдующимъ: 1) обвиненіе евреевъ въ ненормальной и вредной экономической дѣятельности, въ такъ называемой «эксплуатаціи»; 2) обвиненіе въ недостаточномъ патріотизмѣ; 3) обвиненіе въ обходѣ законовъ и, въ частности; 4) въ уклоненіи отъ исполненія воинской повинности; 5) обвиненіе въ религіозномъ фанатизмѣ и бытовой замкнутости.

На разсмотрѣніи перваго изъ этихъ обвиненій мы не будемъ долго останавливаться: подробный анализъ этого, безспорно самаго важнаго, обвиненія сдѣланъ уже нами во второй главѣ этой статьи (Восходъ, 1884, Январь, стр. 87—97), при опредѣ-

леніи еврейскаго вопроса. Здѣсь поэтому намъ остается только примѣнить результаты этого анализа къ занимающему насъ теперь пункту. Въ упомянутомъ анализѣ мы разложили обвинительный тезисъ о вредности экономической дѣятельности евреевъ на два частныхъ положенія: а) экономическая дѣятельность евреевъ вредна *государству*, и б) эта дѣятельность вредна *коренному населенію*. Основательно перваго изъ этихъ положеній, мы доказали, что оно безусловно ложно, такъ какъ государству, т. е. цѣлому экономическому строю государства, экономическая дѣятельность евреевъ, посредническая или производительная, не можетъ нанести ущерба по той простой причинѣ, что общая сумма богатствъ и выгодъ, доставляемыхъ государству разработкою тѣхъ или другихъ отраслей промышленности, нисколько не зависитъ отъ того, разрабатываютъ ли эту отрасль «коренные» русскіе, евреи, нѣмцы или татары; величина этой суммы зависитъ лишь отъ степени энергіи лицъ, занимающихся данною отраслью промышленности,—а въ энергіи и промышленныхъ способностяхъ евреямъ никто никогда не отказывалъ. Что же касается избитаго довода о вредности евреевъ коренному населенію, т. е. той части населенія, съ которымъ они приходятъ въ соприкосновеніе,—то этотъ доводъ сводится въ сущности къ тому (да онъ такъ и формулируется), что евреи обыкновенно «захватываютъ» въ свои руки почти всю торговлю и ремесла того края, гдѣ они живутъ, и христіане не могутъ съ ними конкурировать. Еслибъ даже допустить, что эти сѣтованія основательны до извѣстной степени, то все-таки никто не станетъ утверждать, что евреи «захватываютъ» въ свои руки промышленность какими-нибудь противузаконными способами, ибо въ такомъ случаѣ тѣ, коимъ евреи стоятъ поперекъ дороги, могли бы бороться съ ними силою существующихъ общихъ законовъ и не имѣли бы надобности призывать на ихъ головы кары особыхъ законовъ. Если же евреи въ «чертѣ осѣдлости» сосредоточиваютъ въ своихъ рукахъ главныя отрасли промышленности, то это происходитъ исключительно отъ практическаго ума и промышленныхъ способностей евреевъ, которыхъ не имѣется въ той же степени у ихъ конкурентовъ-христіанъ; но въ такомъ случаѣ, какое же основаніе имѣютъ

последніе сѣтовать? Вѣдь законодательство не можетъ и не должно карать энергію и торговыя способности однихъ для того, чтобы облегчить средства конкуренціи другимъ, лишеннымъ этихъ способностей. Вѣдь еврей не задается цѣлью во что-бы то ни стало вытѣснить христіанина изъ рынка; онъ, пользуясь своими способностями, борется за свое матеріальное существованіе, не мѣшая другимъ, болѣе или менѣе его способнымъ, бороться за свое; если же эти «другіе» оказываются недостаточно умѣлыми въ этой борьбѣ, то въ этомъ не евреевъ вина, а виноваты тутъ, съ одной стороны, неподготовленность этихъ „другихъ“ къ борьбѣ за существованіе, а съ другой—ограниченность предѣловъ рынка, вызывающая сильную конкуренцію.

Мы конечно не настолько односторонни, чтобы отрицать существованіе аномалій въ экономической дѣятельности евреевъ. Аномаліи эти существуютъ, и онѣ-то даютъ извѣстное фактическое основаніе упомянутому обвиненію противъ евреевъ. Но прежде чѣмъ обвинять и требовать карательныхъ мѣръ въ видѣ правовыхъ ограниченій, нужно тщательно разобрать *corpus delicti*, нужно фактически выяснить, что аномаліи, существующія въ экономической жизни евреевъ, свойственны *только* последнимъ и, слѣдовательно, могутъ быть искоренны не общими, а особыми законами. Спросимъ же себя на самомъ дѣлѣ: въ чемъ заключаются вредныя стороны экономической дѣятельности евреевъ? А вотъ въ чемъ: въ *торгашествѣ* или мелкомъ посредничествѣ, въ *ростовщичествѣ* и въ *кабачничествѣ*. Всѣ эти занятія, хотя и не запрещены закономъ, но несомнѣнно предосудительны въ нравственномъ отношеніи, экономически вредны и нежелательны. Евреевъ обвиняютъ въ особенной склонности къ этого рода занятіямъ. Посмотримъ, насколько такое обвиненіе основательно и насколько цѣлесообразны карательныя мѣры, требуемыя обвинителями.

Во-первыхъ: торгашество или мелкое торговое посредничество. Промышленное посредничество въ *нормальныхъ* предѣлахъ есть важный и необходимый экономической факторъ, имѣющій цѣлью: перемѣщеніе продуктовъ отъ производителей къ потребителямъ и временное ихъ сохраненіе. Но посредничество ста-

новится вреднымъ, лишь только выходить изъ нормальныхъ предѣловъ, т.-е. если число посредниковъ больше, чѣмъ сколько необходимо для требуемаго перемѣщенія продуктовъ страны изъ однихъ рукъ въ другія. «Излишекъ посредническихъ рукъ—говорили мы выше—вреденъ какъ потому, что отъ него безъ нужды дорожаютъ продукты, переходящіе лишнія посредническія инстанціи, такъ и потому, что эти руки могли-бы съ большей пользой служить производству и увеличивать богатство страны». Среди евреевъ, въ чертѣ ихъ осѣдлости, торгашество и лавочничество дѣйствительно развиты въ безобразныхъ размѣрахъ. Но что же толкаетъ этихъ людей въ омутъ торгашества, обеспечивающаго обыкновенно лишь самое жалкое, нищенское существованіе? Разумѣется, отсутствіе или недостаточность другихъ источниковъ для пропитанія. Чѣмъ же вызвано послѣднее? Двумя причинами: ограниченіемъ евреевъ въ правѣ жительства и ограниченіемъ ихъ правъ на занятіе нѣкоторыми промыслами. Еврейская масса сдавлена въ сравнительно узкой «чертѣ», тѣснится на сравнительно маломъ рынкѣ, гдѣ, вслѣдствіе излишка посредническихъ рукъ, возникаютъ торгашество и факторство. Стремленію же евреевъ къ занятію торговымъ посредничествомъ способствуетъ ограниченіе ихъ имущественныхъ правъ (правъ землевладѣнія и земледѣлія и т. п.). Отъ взаимодѣйствія этихъ факторовъ и происходитъ та экономическая аномалія, которая называется торгашествомъ. Уничтоженіе «черты осѣдлости» разрѣдило-бы посредническій элементъ среди евреевъ и направило-бы излишекъ этого элемента на болѣе производительныя и болѣе выгодныя занятія; то же самое сдѣлала-бы отмѣна запрещеній о покупкѣ земли евреями въ самой «чертѣ». Въ худшемъ случаѣ, разрѣженіе черты осѣдлости перемѣстило-бы излишекъ торговыхъ посредниковъ изъ «черты еврейской осѣдлости» въ такіе пункты, гдѣ торговое посредничество еще весьма мало развито и гдѣ услуги евреевъ могли бы оказаться и нужными и полезными: такими пунктами мы считаемъ наши сѣверныя, восточныя и юговосточныя губерніи, гдѣ евреи могли-бы сдѣлать очень многое для развитія торговли и промышленности, находящихся тамъ въ зачаточномъ состояніи.

Къ вреднымъ сторонамъ экономической дѣятельности евреевъ относятся также ростовщичество и шинкарство. Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что эти двѣ аномаліи развиты не только среди евреевъ, но и въ Великороссіи, гдѣ евреевъ нѣтъ. Относительно торговли горячими напитками, статистически доказано, что въ великорусскихъ губерніяхъ эта торговля развита больше, нежели въ «чертѣ еврейской осѣдлости», да и пьянство тамъ сильнѣе распространено чѣмъ въ послѣдней. Что же касается ростовщичества, то и оно сильно развито въ мѣстахъ, лежащихъ внѣ черты осѣдлости евреевъ, и представителями этого низкаго промысла являются преимущественно тѣ же цѣловальники, которые столь усердно опаиваютъ своихъ братьевъ—христіанъ. Въ русскомъ, коренномъ «кулакѣ» или «міроѣдѣ» чаще всего совмѣщаются кабатчикъ и ростовщикъ. Но еслибы мы даже допустили, что ростовщичество среди евреевъ больше развито, чѣмъ въ другихъ сферахъ, то и это вполне объяснялось бы настоящимъ правовымъ положеніемъ еврейской массы. Ростовщичество, или мелкая и недобросовѣстная торговля деньгами возникаетъ необходимо при двухъ главныхъ условіяхъ: нуждѣ въ мелкомъ кредитѣ и сравнительной выгодности торговли деньгами. Послѣдняя же оказывается выгоднѣе другихъ видовъ торговли при слѣдующихъ случаяхъ: если производительный трудъ, какъ ремесла и др., не удовлетворяетъ минимума потребностей занимающихся имъ; если прибыль отъ торговли продуктами (лавочничества) доведена до минимума; если въ обращеніи находятся масса мелкихъ разрозненныхъ капиталовъ, не находящихъ себѣ помѣщенія иначе, какъ въ мелкой процентной ссудѣ. Всѣ эти условія неоспоримо существуютъ въ чертѣ осѣдлости евреевъ, и въ общемъ мотивируются скученностью еврейскаго населенія и ограниченностью въ выборѣ занятій.—Какъ-бы то ни было, но если государство признаетъ, что питейная торговля и ростовщичество составляютъ зло, то оно должно будетъ признать также, что это зло общее, а не свойственное однимъ только евреямъ. И если правительство задается благою цѣлью бороться противъ этого зла, если оно проникается стремленіемъ къ нравственному облагороженію народа,—то оно должно будетъ съ неменьшею энергіею бороться противъ русскаго

кабачничества и ростовщичества, чѣмъ противъ еврейскаго, и бороться придется ему *одинаковыми* мѣрами, какъ противъ одного, такъ и противъ другого. Слѣдовательно, не можетъ быть вопроса о специально-еврейскомъ ростовщичествѣ, или специально-еврейскомъ шинкарствѣ, но можетъ быть вопросъ о ростовщичествѣ вообще и о шинкарствѣ вообще. Если такъ, то вопросъ объ искорененіи этихъ вредныхъ формъ экономической дѣятельности не имѣетъ ничего общаго съ еврейскимъ вопросомъ, а есть составная часть общерусскаго экономического вопроса. А слѣдовательно нѣтъ никакого основанія выставлать правовыя ограниченія евреевъ средствами для борьбы со зломъ, которое удручаетъ весь русскій народъ и которое требуетъ *общихъ* мѣръ противодѣйствія.

И такъ, если подъ «еврейскою эксплуатаціей» подразумѣвать сравнительное преобладаніе евреевъ на торговомъ рынкѣ «черты осѣдлости», то это едва-ли можетъ быть вмѣнено евреямъ въ вину, такъ какъ преобладаніе достигнуто евреями не противузаконными средствами, а вполне законными и похвальными качествами: энергіей и промышленной ловкостью, обнаруживаемыми при самыхъ неблагоприятныхъ обстоятельствахъ. Если же подъ «эксплуатаціей» подразумѣвать предосудительныя занятія торгашествомъ, ростовщичествомъ, которымъ предаются евреи, — то первое изъ этихъ занятій, т. е. торгашество или мелкое посредничество, вызванное скопленіемъ огромнаго излишка посредническихъ рукъ въ «чертѣ», можетъ быть значительно или совершенно парализовано уничтоженіемъ «черты осѣдлости», вслѣдствіе чего излишекъ посредническаго элемента направился-бы на болѣе полезныя и выгодныя занятія, или же перемѣстился-бы въ такіе пункты, гдѣ его посредническія услуги нужны и полезны; другія же два занятія, шинкарство и ростовщичество, составляютъ не специально-еврейское, а общерусское экономическое зло и, какъ таковое, не имѣютъ ничего общаго съ еврейскимъ вопросомъ, т. е. съ вопросомъ объ уравненіи евреевъ въ гражданскихъ правахъ съ кореннымъ населеніемъ, съ которымъ оно совершенно уравнено во всѣхъ гражданскихъ обязанностяхъ. Слѣдовательно, обвинять евреевъ въ какой то *особой* эксплуатаціи и на

этомъ основаніи поддерживать ограниченіе принадлежащихъ имъ, какъ подданнымъ, гражданскихъ правъ,—нѣтъ ни малѣйшихъ разумныхъ основаній. Наоборотъ, если какая нибудь общая экономическая аномалія и проявляется въ еврейской средѣ болѣе, чѣмъ въ христіанской, то это проистекаетъ отъ искусственнаго замыканія и отчужденія евреевъ, тѣснящихся внутри узкой «черты»,—и, съ уничтоженіемъ послѣдней, эта аномалія могла-бы быть ослаблена или совершенно искоренена.

Перейдемъ теперь ко второму обвиненію. Евреевъ обвиняютъ въ недостаткѣ патріотизма, въ недостаточной любви къ ихъ отечеству — Россіи, и этимъ пытаются оправдывать неравноправное ихъ положеніе въ государствѣ. Говорятъ, что еврей не имѣетъ отечества, что онъ исповѣдуетъ принципъ «ubi bene, ibi patria», а потому и на него слѣдуетъ смотрѣть вездѣ какъ на чужестранца. Нѣтъ ничего безосновательнѣе и нелѣпнѣе этихъ обвиненій. Въ разсужденіяхъ обвинителей проглядываетъ такой явный логическій *hysteron proteron* (принятіе слѣдствія за причину и причины за слѣдствіе), что только слѣпая ненависть или недобросовѣстность не могутъ этого замѣтить. Не недостатокъ патріотизма оправдываетъ гражданское неравенство евреевъ, но это неравенство поддерживаетъ и питаетъ патріотическій индифферентизмъ. Для доказательства этого, всѣ историческіе факты къ нашимъ услугамъ. Намъ, конечно, нечего обращаться за примѣрами къ среднимъ вѣкамъ: въ то время христіанскіе «сыны отечества» почитали-бы для себя оскорбительнымъ, еслибы нехристь дерзнулъ заявить о своей любви къ «ихъ» отечеству; религія тогда рѣшала все; еврей-патріота или война (еслибъ таковой могъ являться въ то время) оттолкнули бы съ презрѣніемъ; еврей, любящій свое «христіанское» отечество и остающійся въ еврействѣ,—такое понятіе не могло умѣститься въ умѣ средневѣковаго человѣка. Въ еврейхъ видѣли паріевъ общества, ихъ не считали даже способными питать какія нибудь возвышенныя чувства, да и вообще ихъ чувствами не интересовались внѣ религіозной сферы. Отвергнутые и оттолкнутые, еврей замкнулись въ себя и, за неимѣніемъ дѣйствительнаго отечества, создали себѣ отечество идеальное и питались патріотизмомъ духовнымъ, соверцатель-

нымъ: они возвели мессіанскій культъ въ основной религиозный догматъ... Но вотъ наступило новое время: французская революція положила конецъ гражданскому рабству евреевъ въ нѣкоторыхъ странахъ; наше столѣтіе довершило великое дѣло эмансипаціи евреевъ во всѣхъ другихъ странахъ западной Европы, — и теперь ни одинъ добросовѣстный антисемитъ (на сколько въ антисемитѣ можетъ быть добросовѣстность) не посмѣетъ бросить въ лицо западноевропейскимъ евреямъ упрекъ въ отсутствіи патріотизма. Вся исторія нашего столѣтія блестяще доказываетъ, что не было ни одного патріотическаго движенія въ новѣйшее время, въ которомъ-бы евреи не принимали дѣятельнаго участія. Невозможно, конечно, исчислить, сколько евреевъ воиновъ обогрили своею кровью поля брани новѣйшей Европы, сколько евреевъ самоотверженно шли на смерть ради блага тѣхъ странъ, которыя ихъ усыновили; называть же еврейскія имена великихъ государственныхъ людей и народныхъ вождей, которые въ новѣйшее время служатъ гордостью и украшеніемъ тѣхъ странъ, которымъ они посвятили всю свою жизнь и весь свой гений, — едва-ли тутъ есть надобность. Никто не станетъ оспаривать, что между патріотическими чувствами нѣмецкаго и французскаго еврея лежитъ такая же пропасть, какъ между чувствами нѣмца и француза изъ христіанъ. Да зачѣмъ далеко ходить за примѣрами? Наблюдательный глазъ могъ-бы отыскать подобныя явленія и у насъ. Въ 70-хъ годахъ, когда обрусеніе евреевъ и слияніе были лозунгомъ дня, уровень патріотизма среди еврейской молодежи былъ такъ высокъ, что многіе молодые люди изъ евреевъ пополняли собою ряды волонтеровъ, шедшихъ въ Сербію и Черногорію. а еще больше къ этому стремились, да не могли попасть; еврейскія образованныя дѣвушки мечтали о роли сестеръ милосердія и, вѣроятно, многія осуществили свои мечты во время послѣдней турецкой войны. А сколько еврейскихъ воиновъ пало подъ Плевною, на Шипкѣ, сражаясь за славу Россіи!.. Правда, въ невѣжественной еврейской массѣ, вся духовная жизнь которой сосредоточена въ религіи, патріотическія чувства плохо развиты (даже въ русской темной массѣ патріотизмъ только въ исключительные моменты выходитъ изъ со-

стоянія пассивности); но что же поддерживает невѣжество и замкнутость этой массы, если не исключительные законы, если не низкое гражданское положеніе евреевъ? Въ интеллигентныхъ слояхъ русскаго еврейства уровень патріотизма былъ всегда очень высокъ, несмотря на то, что гнетъ ограничительныхъ законовъ давилъ еврейскую интеллигенцію также, какъ и темную массу, и даже первую сильнѣе, чѣмъ послѣднюю, такъ какъ еврейская интеллигенція всегда испытывала, кромѣ матеріальныхъ, и нравственные страданія отъ гражданского неравенства. У всѣхъ еще свѣжо въ памяти, какой горячій откликъ нашелъ себѣ въ еврейской интеллигенціи 70-хъ годовъ лозунгъ обрусенія и ассимиляціи!.. Къ несчастью, въ данную минуту мы можемъ говорить объ этомъ великомъ патріотическомъ движеніи евреевъ лишь въ прошедшемъ времени. Ужасныя событія послѣднихъ лѣтъ — нужно-ли скрывать? — сильно понизили уровень патріотизма даже среди интеллигентныхъ евреевъ. Да и кто могъ-бы устоять противъ такого удара?... Мы теперь замѣчаемъ среди евреевъ реакцію благотельнымъ стремленіямъ 70-хъ годовъ. «Мессіянскія времена настали» — набожно твердитъ темная еврейская масса, пораженная погромнымъ движеніемъ; а многіе изъ образованныхъ евреевъ и взаправду задались какими-то химерическими мессіянскими стремленіями. Мы не думаемъ, чтобы это такъ называемое палестинофильское движеніе могло пустить глубокіе корни въ русскомъ еврействѣ и считаемъ его движеніемъ эфемернымъ, но лишь постольку, поскольку дикое антиеврейское движеніе послѣднихъ лѣтъ окажется эфемернымъ... Какъ бы то ни было, но послѣднее обстоятельство можетъ только служить прекраснымъ «доказательствомъ отъ протввнаго» нашему положенію. Замѣчательный теперь отливъ патріотическихъ стремленій среди евреевъ есть только правильное послѣдствіе прилива враждебныхъ къ евреямъ чувствъ и тенденцій, знаменующаго наше время. Русское общество еще очень мало сдѣлало съ своей стороны для того, чтобы патріотическія стремленія могли себѣ найти благоприятную почву среди евреевъ, и событія послѣднихъ лѣтъ могли многое повернуть въ прямо противоположную сторону. Но правительство еще можетъ преду-

предить и пресѣчь дальнѣйшее развитіе этого зла. Гражданская эмансипація русскихъ евреевъ могла-бы поднять уровень патріотизма среди нихъ до чрезвычайной высоты. Евреи вовсе не исповѣдуютъ принципа: «ubi bene, ibi patria»: они считаютъ своимъ отечествомъ не ту сторону, гдѣ имъ матеріально хорошо живетъ, но ту, гдѣ на нихъ смотрятъ, какъ на равныхъ и полноправныхъ гражданъ, гдѣ они не страдаютъ нравственно. Уровень патріотизма среди евреевъ прямо пропорціоналенъ степени ихъ гражданской эмансипаціи и праваго равенства въ данной странѣ. Жаловаться же на недостаточный патріотизмъ евреевъ и въ силу этого требовать усиленія праваго неравенства ихъ — значитъ требовать именно усиленія и упроченія того явленія, на которое жалуются, которое признаютъ вреднымъ. А вѣдь такую колоссальную нелѣпость совершаютъ тѣ, которые мотивируютъ исключительные законы о евреяхъ недостаткомъ въ послѣднихъ патріотизма и любви къ Россіи.

Третье обвиненіе гласитъ, что евреи составляютъ вредный государственный элементъ, такъ какъ въ ихъ средѣ болѣе всего развито стремленіе къ обходу государственныхъ законовъ; надѣлать же ихъ большими правами, чѣмъ тѣ, которыя они теперь имѣютъ, значитъ дать имъ въ руки опасное орудіе для усиленія своихъ злоупотребленій. Опредѣлимъ точнѣ обвинительный тезисъ. Въ чемъ состоитъ «обходъ законовъ» евреями? Подразумѣвается ли подъ этимъ, что евреи болѣе всѣхъ другихъ склонны къ нарушенію *общегосударственныхъ*, уголовныхъ и гражданскихъ законовъ? Такое утвержденіе было бы должно и недобросовѣстно. Евреи выдѣляютъ изъ себя самый ничтожный процентъ уголовныхъ преступниковъ — это составляетъ почти аксіому новѣйшей статистики. Что же касается общегражданскихъ преступленій, то нигдѣ не доказано, чтобы евреи въ нихъ участвовали больше, чѣмъ другіе классы русскаго общества *. Слѣдовательно, сами обвинители евреевъ должны бу-

* Единственное общее преступленіе, въ которомъ чаще всего упрекаютъ евреевъ, состоитъ въ контрабандномъ промыслѣ. Но еслибы даже я было сра-ведливо, что евреи выдѣляютъ изъ своей среды *большой* процентъ контрабандистовъ, то кто же докажетъ, что евреи даютъ процентъ *больше* того, который могли бы дать другіе на ихъ мѣстѣ? Никогда не нужно забывать, что контрабанда—

дуть ограничить свое обвинение известными условиями и формулировать его следующим образом: евреи чаще всего обнаруживают склонность къ нарушенію законовъ, ограничивающихъ ихъ гражданскія права. Здѣсь уже сравненіе невозможно: нельзя говорить о *большей* преступности евреевъ въ этомъ отношеніи, такъ какъ евреи — единственный объектъ особыхъ ограничительныхъ законовъ; послѣдніе нисколько не касаются христіанъ, которымъ поэтому нѣтъ надобности ихъ обходить, — такъ что нельзя знать, что бы сдѣлали христіане, еслибъ известный ихъ классъ былъ въ положеніи евреевъ. Если же среди евреевъ, которые *вообще* не обнаруживаютъ болѣе склонности къ закононарушеніямъ, чѣмъ другіе классы общества, замѣчается преобладаніе такой склонности именно по отношенію къ установленнымъ, специально для нихъ, ограничительнымъ законамъ, то ясно, что причина здѣсь кроется не въ еврействѣ, а въ характерѣ тѣхъ законовъ, обходить которые они какъ-то особенно стараются. Дѣйствительно, характеръ исключительныхъ о евреяхъ законовъ таковъ, что совершеніе дѣяній, возбраняемыхъ этими законами, само по себѣ и по общимъ законамъ не составляетъ преступленія, да и въ сознаніи евреевъ, совершающихъ эти дѣянія, не можетъ складываться мысль, что они дѣлаютъ дурное дѣло, ибо они видятъ, что другіе одинаковаго съ ними положенія индивидуумы совершаютъ это безпрепятственно и на законномъ основаніи. Когда человѣкъ совершаетъ дѣяніе, явно клонящееся къ нарушенію правъ другаго человѣка, то можно еще приписывать такой актъ злой

преступленіе мѣстное, пограничное. Евреи — исконные и преобладающіе жители всей нашей западной окраины, пограничная линія которой есть главный ввозный пунктъ Россіи. Какъ въ болотѣ черти, такъ и на пограничныхъ пунктахъ водятся контрабандисты. Будь на мѣстѣ евреевъ преобладающимъ населеніемъ — коренные русскіе, контрабанда, можетъ быть, не только бы не уменьшилась, но даже увеличилась бы, такъ какъ для этого промысла требуется много значительной физической силы и отважности, которыя у евреевъ рѣже встрѣчаются, чѣмъ у другихъ. Чтобы установить *процентное отношеніе* евреевъ-контрабандистовъ, нужно вычислить процентное отношеніе евреевъ *пограничныхъ* къ христіанамъ пограничнымъ же, — а тогда выводъ можетъ оказаться и въ пользу евреевъ.

волѣ совершателя, который не могъ не видѣть вредныхъ послѣдствій своего дѣянiя; но можно ли приписать злой волѣ или закоренѣлой преступности, если человѣкъ совершаетъ дѣянiе, очевидно безвредное, но, по причинамъ независящимъ отъ него, возбраняемое почему-то именно этому человѣку? Если еврей прiѣзжаетъ по своимъ дѣламъ въ какой-нибудь великорусскiй городъ, то онъ не совершаетъ никакого преступленiя, никому не причиняетъ вреда, а себѣ и своей семьѣ можетъ быть приносить пользу,—но онъ совершаетъ нарушенiе закона, лишаящаго его, какъ еврея, права свободнаго передвиженiя по Россiи. Это нарушенiе проистекаетъ не отъ преступности еврея (ибо онъ совершаетъ законное дѣянiе), а отъ неправомѣрности закона. Здѣсь именно законъ *создаетъ* преступленiе. Еврей идетъ себѣ своей дорогою, не нарушая ничьихъ правъ, но на ея дорогѣ наставлено столько перегородокъ, набросано столько камней преткновенiя, что, при извѣстной стремительности движенiя, онъ не можетъ не опрокидывать ихъ. Среднiй еврей ищетъ честно зарабатывать свой хлѣбъ; но здѣсь ему запрещено жителство, тамъ возбраняется покупать недвижимость, въ третьемъ мѣстѣ ему запрещаютъ торговлю, и такъ далѣе до безконечности. Приходится нерѣдко выбирать между перспективою голода и бѣдности и совершенiемъ такого поступка, который не заключаетъ въ себѣ безусловно ничего предосудительнаго по чистой совѣсти его совершителя, но который послѣднему, по причинамъ не отъ него зависящимъ, возбраняется. Если, имѣя передъ собою такую альтернативу, онъ выбираетъ второй изъ этихъ путей, можно ли его считать преступникомъ или безчестнымъ человѣкомъ, склоннымъ къ дурному? Пусть гг. юдофобы *по совѣсти* отвѣтятъ на этотъ вопросъ... По нашему же мнѣнiю (которое съ нами безъ сомнѣнiя раздѣляютъ всѣ благоразумные люди), одна уже необходимость частаго обхожденiя евреями исключительныхъ о нихъ законовъ, одна эта необходимость, глубоко жизненная и естественная, свидѣтельствуесть о нецѣлесообразности и непримѣнимости къ жизни этихъ отжившихъ законовъ. Если законы до такой степени противоположны невиннымъ личнымъ интересамъ миллионовъ гражданъ и ихъ *неоспоримо-честнымъ*, безвреднымъ стремленiямъ, то такiе

законы противорѣчатъ и разуму, и жизни, и совѣсти; если эти законы, по характеру своему, на каждомъ шагѣ сталкиваются съ *нормальными* интересами жизни, то они уже eo ipso ненормальны и непрактичны,—и отмѣненіе ихъ составляетъ вопіющую необходимость. Уничтожьте причину — уничтожится и слѣдствіе.

Однимъ изъ наиболѣе популярныхъ обвиненій, направленныхъ противъ русскихъ евреевъ, является «уклоненіе евреевъ отъ исполненія воинской повинности». Это обвиненіе не разъ повторено и въ официальныхъ актахъ, и оно даже вызвало сравнительное усиленіе строгостей по взиманію съ евреевъ этой повинности. Никто, конечно, не станетъ оспаривать, что уклоненіе отъ воинской повинности есть одинъ изъ видовъ гражданской неблагонадежности. Но вопросъ въ томъ, насколько это обвиненіе справедливо по отношенію къ евреямъ. Не станемъ здѣсь разбирать фактическую сторону обвиненія; не будемъ указывать на доводы новѣйшей публицистики по еврейскому вопросу, гдѣ статистически доказывается, что обвиненіе въ уклоненіи евреевъ отъ воинской повинности до-нельзя преувеличено, что цифра ежегоднаго недобора съ евреевъ не точна, вслѣдствіе бѣльшаго сравнительно процента призываемыхъ къ военной службѣ изъ евреевъ (евреевъ въ Россіи $3\frac{1}{2}$ милліона а процентъ призывныхъ, требуемыхъ съ нихъ, соответствуетъ 5-ти-милліонному еврейскому населенію), вслѣдствіе крайней путаницы въ призывныхъ спискахъ, и въ самомъ порядкѣ отбыванія воинской повинности. Допустимъ, что стремленіе къ уклоненію отъ военной службы дѣйствительно развито среди евреевъ въ бѣльшей степени, нежели среди другихъ классовъ населенія. Но если всякое преступленіе допускаетъ возможность существованія извѣстныхъ «смягчающихъ обстоятельствъ» и защитѣ предоставляется право указывать на подобныя обстоятельства, которыя, при извѣстной степени интенсивности, могутъ даже вызвать оправдательный приговоръ обвиняемому въ этомъ преступленіи,—то да позволено будетъ и защитнику евреевъ воспользоваться въ данномъ случаѣ правомъ указывать на «смягчающія обстоятельства». Эти смягчающія обстоятельства сводятся къ двумъ главнымъ: а) ограниченіе правъ

на выслугу военнoслужащихъ евреевъ, и б) ограничительные законы о евреяхъ вообще, вызывающіе крайнюю отчужденность послѣднихъ отъ общепатріотическихъ интересовъ. Еврей, поступающій рядовымъ въ военную службу, не можетъ даже надѣяться выслужиться въ чинъ офицера; будь онъ хотъ семи пядей во лбу, старайся изо всѣхъ силъ, — офицерства онъ все таки не добьется и всегда будетъ влачить жалкое существованіе въ «нижнихъ чинахъ». Если справедливо изрѣченіе, приписываемое Наполеону I-му, что «плохъ тотъ солдатъ, который не надѣется быть генераломъ», — то еврей, не смѣющіе даже надѣяться быть офицерами, подавно должны были бы быть плохими солдатами и, вслѣдствіе этого, плохими охотниками поступать въ солдаты. Но главная причина нерасположенія евреевъ къ военной службѣ заключается въ отношеніяхъ правительства къ евреямъ, выразившихся въ цѣломъ рядѣ стѣснительныхъ законодательныхъ мѣръ. Трудно на самомъ дѣлѣ заставлять людей жертвовать лучшими годами своей жизни и нерѣдко даже самою жизнью ради блага того *отечества*, которое, во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ, обходится съ ними вовсе не какъ отечество и третируетъ ихъ нерѣдко хуже иностранцевъ. (Прусскіе нѣмцы, напримѣръ, если они христіане, имѣютъ право повсемѣстнаго жительства въ Россіи, а *русскіе* евреи лишены этого права; а между тѣмъ, первыхъ не призываютъ въ Россіи къ военной службѣ, а послѣднихъ призываютъ). Подобное явленіе замѣчается и въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ. Босняки и герцеговинцы, напримѣръ, почти ежегодно съ оружіемъ въ рукахъ сопротивляются австрійскимъ эмиссарамъ, посылаемымъ къ нимъ для взиманія установленнаго съ нихъ числа рекрутъ; то же дѣлаютъ и нѣкоторые другіе инородцы въ различныхъ странахъ. Въ Россіи же правовое положеніе евреевъ еще ниже положенія проживающихъ въ ней магометанскихъ и даже языческихъ инородцевъ. Надо еще замѣтить, что въ основѣ нерасположенія евреевъ къ военной службѣ лежатъ еще нѣкоторые другія весьма важныя причины, какъ: исторически-родовая отвычка отъ воинской жизни, отвычка, которую восемнадцативѣковъ періодъ (со времени паденія Іудей) могъ превратить въ наслѣдственное нерасположеніе къ войнѣ; тотъ

фактъ, что русскихъ евреевъ относительно недавно начали вербовать въ военную службу (съ 1827 г.); относительно физическая слабость евреевъ; наконецъ, то обстоятельство, что ужасный кантонистскій режимъ Николаевскаго царствованія неизменно запугалъ евреевъ и внушилъ имъ такой страхъ къ военной службѣ, что въ темной еврейской массѣ до сихъ поръ нерѣдко отождествляютъ военную службу съ каторгой. Всѣ эти причины однако такого рода, что со временемъ, при болѣе дружелюбномъ отношеніи къ евреямъ правительства, онѣ могли бы исчезнуть, и вмѣстѣ съ ними—нерасположеніе евреевъ къ военной службѣ. Что въ ограниченной степени это достигнуто нѣсколькими мягкими мѣрами прошлаго царствованія, доказываетъ тотъ фактъ, что размѣры уклоненія отъ воинской повинности изъ года въ годъ уменьшаются среди евреевъ, и въ настоящее время рекрутскій наборъ нигдѣ не вызываетъ между евреями того ужаса, который онъ возбуждалъ двадцать лѣтъ тому назадъ. Но къ сожалѣнію, и въ настоящее время не устранены главныя причины, нерасполагающія евреевъ къ воинской службѣ: неравноправность евреевъ и низкое гражданское ихъ положеніе въ государствѣ. Можно ли требовать отъ людей, съ которыми обходятся какъ съ пасынками отечества, такой же преданности послѣднему, какъ отъ людей, признаваемыхъ «сынами» отечества? Можно ли отъ массы людей, которыхъ правовыя ограниченія разоряютъ матеріально и оскорбляютъ нравственно, требовать искренней готовности посвящать себя служенію странѣ, создавшей для нихъ всѣ эти унижительныя ограниченія? Пусть кто нибудь станетъ на минуту на точку зрѣнія русскаго еврея, пусть войдетъ въ его положеніе, вникнетъ въ его внутренній міръ,—и тогда, если онъ найдетъ его виновнымъ, пусть публично броситъ камень осужденія въ русскихъ евреевъ! Нѣтъ, всякій безпристрастный судья признаетъ, что если обвиненіе евреевъ въ уклоненіи отъ воинской повинности и имѣетъ основаніе, то унижительное гражданское положеніе евреевъ можетъ служить могучимъ смягчающимъ обстоятельствомъ для обвиняемыхъ. Нужно устранить подобныя обстоятельства—и послѣдствія ихъ исчезнуть. Государство, уравнившее евреевъ во всѣхъ гражданскихъ *обязанностяхъ* съ корен-

нымъ населеніемъ, должно уравнить ихъ также и во всѣхъ гражданскихъ *правахъ*, — и тогда оно сможетъ и должно будетъ требовать отъ евреевъ такого же строгаго исполненія своихъ обязанностей, какъ и отъ всѣхъ остальныхъ классовъ населенія. Пока же этого не будетъ, евреи не перестанутъ во вредъ себѣ и государству пользоваться своимъ неравноправнымъ положеніемъ, какъ «смягчающимъ обстоятельствомъ» при уклоненіи отъ исполненія своихъ гражданскихъ обязанностей.

И такъ, всѣ разобранныя нами обвиненія такого рода, что недостатки, въ которыхъ обвинители упрекаютъ евреевъ, суть или непосредственныя послѣдствія нынѣшняго неравноправнаго положенія русскихъ евреевъ, или же, происходя отъ болѣе отдаленныхъ причинъ, теперь питаются и поддерживаются именно этимъ ненормальнымъ правовымъ положеніемъ евреевъ. Въ обоихъ случаяхъ, отъ правительства зависитъ устранить эти социальныя аномаліи: уравниемъ евреевъ въ правахъ съ прочимъ населеніемъ оно-бы могло поднять и нравственно-гражданскій и экономическій ихъ уровень, пониженный только гражданскимъ ихъ неравенствомъ. Но евреевъ обвиняютъ еще въ такихъ недостаткахъ, которые, будучи продуктомъ печальной исторической жизни еврейскаго народа, могутъ быть искоренены отчасти усиліями лучшихъ людей этого народа, а въ данномъ случаѣ — совокупными усиліями всей русско-еврейской интеллигенціи. Къ этому пункту мы теперь и переходимъ.

Вслѣдствіе многихъ и весьма сложныхъ историческихъ причинъ, о которыхъ распространяться неумѣстно, ходъ религіознаго и духовнаго развитія еврейскаго народа, въ теченіе всего діаспорическаго періода, представляетъ сплошную аномалію съ точки зрѣнія современнаго мыслящаго человѣка, но онъ совершенно естествененъ при томъ положеніи, которое во все это время занимали евреи въ политическомъ и социальномъ отношеніи. Съ тѣхъ поръ какъ еврейскій народъ лишился своего отечества и своей политической самостоятельности, съ тѣхъ поръ какъ онъ разсѣялся среди чуждыхъ народовъ, — онъ имѣлъ лишь одно отечество — религію, одну родину — родину духа. Отчуждаемый и презираемый всѣми, онъ тѣшился завѣтною мыслью, что онъ

все-таки—единственный богоизбранный народъ, что онъ одинъ обладаетъ религіею истинною и Богомъ завѣщанною. Эту драгоценность свою онъ старался всячески оберегать и ограждать, и она его поддерживала въ такой длинный періодъ, въ который многіе другіе народы, находясь въ такомъ же положеніи, уже давно бы исчезли съ лица земли и со страницъ исторіи. Въ теченіи семнадцати вѣковъ, религія была единственною духовною и нравственною пищею еврейскаго народа, единственнымъ предметомъ изученія его духовныхъ представителей. Изучая религію, они непрерывно развивали ее и пополняли новыми обязательными законоположеніями. А такъ какъ подобнаго рода развитію доступна не догматическая, а только внѣшне-обрядовая сторона религіи, то эта именно сторона и достигла колоссальныхъ размѣровъ. Изъ всѣхъ положеній Моисеева ученія выводились ими, путемъ казуистическаго метода, новыя положенія; изъ этихъ—еще другія, и такъ далѣе въ геометрической прогрессіи. Всѣ эти выведенныя положенія почитались, какъ и ихъ основы, равно обязательными. Складомъ этихъ положеній служить Талмудъ и вся средневѣковая раввинская литература; въ кедификаціонномъ же порядкѣ, положенія эти изложены (и отчасти приумножены) въ «Шулхонъ-Орухъ»,—огромномъ четырехтомномъ кодексѣ, заключающемъ въ себѣ исчисленіе всѣхъ религіозныхъ и житейскихъ обязанностей евреевъ. Непосредственнымъ творцомъ новыхъ религіозныхъ законоположеній былъ, конечно, не весь еврейскій народъ, а только его духовные представители и вожди, за которыми онъ слѣпо слѣдовалъ, такъ какъ такой порядокъ вещей вполне соответствовалъ его тогдашней замкнутой жизни. Для духовныхъ же вождей евреевъ, религіозное законодательство, твореніе новыхъ обязательныхъ обрядовъ и разныхъ запрещеній имѣло не только практическую цѣль—установленіе массы обязательныхъ законовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ служило и само себѣ цѣлью, какъ единственный предметъ теоретическаго изученія и умственныхъ упражненій, доступный тогда пытливымъ еврейскимъ умамъ. Результатомъ этого страннаго процесса религіознаго законодательства было то, что еврейство очутилось оцѣпленнымъ со всѣхъ сторонъ огромнымъ кордономъ, огромною цѣпью изъ религіозныхъ обрядовъ, законовъ, запрещеній,

вторгающихся во всѣ сферы умственной, нравственной, общественной и мелочно-индивидуальной жизни. Вся аномалія такого порядка вещей сдѣлалась очевидной, когда вѣянія новаго времени стали провѣтривать и затхлое еврейское гетто. Когда въ западной Европѣ, обуреваемой освободительными движеніями, иудаизмъ принялъ другое направленіе, онъ въ Польшѣ и Россіи оставался все въ томъ же положеніи. Здѣсь къ раввинизму присоединился нелѣпый хасидизмъ съ своей мистикой, цади-ками-шарлатанами и сталъ угнетать и деморализовать еврейскую массу. Это — печальная, потрясающая исторія, да, къ несчастью, это и не отошло еще въ область исторіи!.. Если исключительные законы о евреяхъ поддерживаютъ замкнутость и отчужденность послѣднихъ извнѣ, то этотъ религиозный режимъ поддерживаетъ ихъ извнутри. Еврейскій обскурантизмъ и правовое неравенство идутъ рука-объ-руку. Въ «Восходѣ» уже впрочемъ довольно обстоятельно говорилось объ этомъ, и мы можемъ только еще разъ повторить здѣсь, что еврейскій интеллигентный человѣкъ долженъ бороться одновременно и за внутреннюю, духовную эмансипацію русскихъ евреевъ, и за внѣшнюю, правовую. Только внѣшнія улучшенія въ гражданскомъ быту евреевъ (въ чемъ обязанность правительства), въ связи съ непрерывной внутренней реформой религиозно-духовнаго быта еврейской массы (что составляетъ дѣло самихъ евреевъ, или болѣе сознательныхъ ихъ представителей), — только такая двойная работа извнутри и снаружи можетъ рѣшительно подвинуть впередъ дѣло русскихъ евреевъ и сдѣлать ихъ гражданское положеніе такимъ же нормальнымъ, какимъ сдѣлалось положеніе евреевъ во Франціи и другихъ передовыхъ странахъ Европы. Этого, конечно, нельзя сдѣлать въ одинъ годъ; на это потребуются долгіе годы и усилія нѣсколькихъ поколѣній. Но когда дѣло идетъ о гражданскомъ и духовномъ перерожденіи цѣлаго народа, — о времени не можетъ быть и рѣчи.

Есть еще одно чрезвычайно важное дѣло, исполненіе котораго лежитъ на обязанности правительства и лучшихъ представителей еврейства (когда и первое, и вторые дойдутъ до сознанія своихъ обязанностей): это — преобразование традиціоннаго порядка воспитанія еврейскаго юношества. Этотъ вредный по-

рядокъ воспитанія, кромѣ своей непедагогичности, служить однимъ изъ главныхъ столповъ, поддерживающихъ религиозное невѣжество и умственный мракъ въ еврейской массѣ. Такъ называемое «хедерное» обученіе, руководимое невѣжественными учителями—«меламедами», считается у евреевъ строго-обязательнымъ для всякаго еврейскаго юноши. Десятки тысячъ еврейскихъ дѣтей воспитываются до 13—15 лѣтъ исключительно на талмудѣ, и когда они потомъ выходятъ въ жизнь, то вносить въ нее головы, наполненныя схоластическимъ хламомъ, руки, ни къ чему неспособныя,—и, не зная, что съ собою дѣлать, они увеличиваютъ собою тотъ огромный контингентъ еврейскихъ торговцевъ и мелкихъ посредниковъ, который и безъ того составляетъ язву «черты осѣдлости».—Когда правительство энергично примется за урегулированіе положенія евреевъ, однимъ изъ первыхъ его дѣлъ должно быть преобразованіе «хедернаго» порядка воспитанія. Разумѣется, для успѣшности такого шага, правительству необходимо постоянное и дружное содѣйствіе интеллигентныхъ представителей еврейства. Отъ этого шага зависить участь ближайшихъ поколѣній русскихъ евреевъ — и онъ слишкомъ важенъ, чтобы его игнорировали.

VII.

Мы заключаемъ теперь нашу статью. Всестороннимъ теоретическимъ разсмотрѣніемъ еврейскаго вопроса мы, можетъ быть, нѣсколько освѣтили этотъ сложный и запутанный вопросъ. Мы обобщили и сжато систематизировали все, что идеи справедливости и пользы могутъ сказать въ защиту гражданскихъ правъ евреевъ. Мы доказали, что правовая эмансипація евреевъ есть не только актъ справедливости, но вмѣстѣ съ тѣмъ и актъ пользы и величайшей необходимости. Наряду съ гражданской эмансипаціей евреевъ, которую должно предпринять правительство, должна идти внутреннее преобразованіе, подъ руководствомъ наиболѣе трезвыхъ и интеллигентныхъ представителей русскаго еврейства. Къ этому должна присоединиться реформа воспитанія. *Только отъ совмѣстныхъ и дружескихъ усилій правительства и евреевъ зависить окончательное рѣшеніе еврейскаго вопроса.* Прин-

цить раздѣленія труда въ этомъ дѣлѣ имѣеть неизмѣримую важность. Еврейскій вопросъ въ Россіи есть не только вопросъ экономической и общественной; онъ вмѣстѣ съ тѣмъ вопросъ религиозный, духовный, вопросъ о нравственномъ возрожденіи евреевъ. По скольку это вопросъ экономической и государственной—онъ можетъ и долженъ быть рѣшенъ правительствомъ; поскольку это вопросъ духовно-культурный—его могутъ и должны рѣшить сами евреи. Согласно этому, сумма дѣятельности и силъ, направленныхъ къ рѣшенію еврейскаго вопроса и къ урегулированію положенія евреевъ въ Россіи, должна распределиться по слѣдующимъ тремъ направленіямъ:

А. Преобразованія, зависящія отъ инициативы одного правительства: Уравненіе евреевъ во всѣхъ гражданскихъ правахъ съ прочимъ населеніемъ и отминовеніе всѣхъ исключительныхъ о евреяхъ законовъ.

В. Реформы, зависящія отъ инициативы однихъ евреевъ, или болѣе просвѣщенной ихъ части: это—реформы религиозно-бытовой и духовной жизни евреевъ.

Но тутъ необходимо замѣтить, что безъ гражданской эмансипаціи евреевъ невозможно и невысказано это внутреннее ихъ преобразование.

С. Реформы, зависящія отъ соединенныхъ усилій правительства и евреевъ: Это—преобразование нынѣ существующаго у евреевъ порядка воспитанія.

Всѣ эти разностороннія усилія должны быть направлены къ одной великой цѣли: къ гражданскому, культурному и духовному перерожденію русскихъ евреевъ.

Экстернусъ.

ИСТОРИЯ ОДНОГО СЕМЕЙСТВА.

(Повѣсть).

(Окончаніе *).

IV.

Былъ жаркій іюльскій день. Шмуель, сидя за столомъ, цинилъ что-то и въ то же время рассказывалъ Муселе, работавшей за другимъ столомъ, сказку о томъ, какъ раввинъ проклятемъ превратилъ сына въ лягушку за то, что тотъ не совершалъ омовенія рукъ за обѣдомъ, и какъ въ концѣ концовъ цадикъ, съ помощью заклинанія, возвратилъ раввинскому сыну чело-вѣческой образъ.

Муселе слушала внимательно и каждый разъ перебивала отца:

— Ой, какая жалость! Я теперь буду бояться лягушки: а можетъ это *шмель* **.

Лая, утомленная за ночь отъ печенья кухенювъ, спала. Въ домѣ было веселѣе и красивѣе, чѣмъ прежде. Это доказывало, что семья уже больше не голодаетъ.

Шмуель окончилъ свою сказку слѣдующими словами: Пони-маешь ли, что значить въ недобрый часъ чѣмъ-нибудь прого-вориться? Раввинъ проговорился, но и цадикъ былъ не кро-патель.

Онъ нагнулся надъ работой. Муселе задумалась. Вдругъ

---

* См. «Восходъ», 1884, кн. XI.

** Превращеніе, т. е. человѣкъ, превращенный въ неразумную тварь.

быстро отворилась дверь и вбѣжала, запыхавшись, барышня лѣтъ пятнадцати.

— Здѣсь живетъ... портной... Лапотникъ? отецъ Хіены?

— Здѣсь! отвѣтили отецъ и дочь съ удивленіемъ.

— Пойдемте къ намъ... Дочь ваша, Хіена, служить у насъ. Ей что-то дурно. Она говорила, что не нужно идти, но я пошла. Я едва могла допроситься, гдѣ вы живете...

Старикъ больше не слушалъ ея и стоялъ уже у двери:

— Что съ ней? Гдѣ она? Гдѣ вы живете? Доченька, дорогая, укажи мнѣ! Ахъ, несчастье!.. Пойдемъ!.. Да!.. Мусенька, разбуди Лею, скажи, чтобы пришла!.. Побѣжимъ!.. Ой!

И старикъ выбѣжалъ на улицу.

Муселе смутно поняла, что съ Хіеной что-то не ладно. Лея все задумывается, Хіена печальна... Но что съ ними дѣлается, Богъ знаетъ.

Она разбудила Лею, которая, молча, выслушала ея рассказъ и вскорѣ ушла съ тревогой въ душѣ.

V.

Въ большой очень опрятной кухнѣ лежала на кровати Хіена; лице ея говорило, какія муки она испытываетъ. Стиснувъ зубы, страдальца не издавала звука, только по временамъ изъ груди ея вырывались протяжные тяжелые вздохи.

Хозяйка и ея теща стояли у постели и смотрѣли на Хіену не то съ испугомъ, не то съ удивленіемъ.

— Отчего бы это съ ней приключилось?—недоумѣвала хозяйка:—кажется, вчера еще она была совсѣмъ здорова, только немножко разсѣяна, но эту разсѣянность я замѣчала въ ней уже давно.

— Это у нея съ дурнаго глаза,—замѣтила теща:—благодаря Бога, она здѣсь потолстѣла и похорошѣла, какъ сосна. Шутка-ли! вѣдь она толстѣетъ изо дня въ день. Какая грудь!.. Ее сглазили! Надо было бы заговорить. Пошли кого-нибудь за Янкелемъ Хлойнесъ: онъ заговариваетъ—какъ рукой сниметъ.

— Нѣтъ,—покачавъ головой, сказала хозяйка, мнѣ кажется, тутъ нѣтъ дурнаго глаза. Посмотрите, какая она синяя. Она,

должно быть, ужъ не первый день чувствуетъ себя не совсѣмъ здоровой. Но вѣдь она какая-то дикая, развѣ она скажетъ! Надо послать за докторомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, не нужно! съ испугомъ сказала больная. — Не нужно доктора! Сейчасъ пройдетъ! Это ничего! можете идти въ лавку. Рохель права: надо въ самомъ дѣлѣ заговорить.

Въ молодой дѣвушкѣ, не смотря на боли, пробудилось страстное желаніе жить; ей не хотѣлось, чтобы ея господа, любившіе ее, узнали ее страшное положеніе, ея стыдъ. Всѣ силы души вертѣлись вокругъ задачи: какъ бы сдѣлать, чтобы хозяйка съ тещей ушли отъ нея и чтобы она могла какъ-нибудь уйти отъ нихъ. Куда уйти? Куда-нибудь, чтобы они не знали, не замѣтили. Хотъ бы остаться въ полѣ, лишь бы не у нихъ.

— Ну вотъ! будто я не знаю, что такое дурной глазъ! — сказала самодовольно Рохель; — когда твой Ице, а мой сынъ, былъ еще хедерный мальчикъ, приходилось каждую минуту заговаривать ему дурной глазъ. Какъ только онъ приходилъ изъ хедера, я могла узнать по его личику, сглазили ли его или нѣтъ. Такъ я тутъ не пойму? Ясно какъ день, что дѣвку сглазили. А то, что она синяя, такъ это очень просто: ты думаешь, что дурной глазъ пустякъ? Въ «Цсена Уреена» сказано, что 99 процентовъ умирають отъ...

— Но за ея отцомъ, какъ бы то ни было, надо послать, — перебила ее невѣстка и обратилась къ дочери. — Сходи, Шейнеле, въ Пикъ, спроси тамъ Шмуеля Лапотника.

— Хозяюшка, голубушка, не надо! онъ больной, перепугается. Вѣрьте мнѣ, это пройдетъ! Сжальтесь, — плакала Хіена, но ее не послушали.

Вскорѣ явился Шмуель, блѣдный, испуганный.

— Что это?! Гдѣ она?

— Вотъ, вотъ ребъ Шмуель! Это вы вѣрно ея отецъ? Ей съ утра стало дурно. Богъ ее знаетъ, что съ ней!.. Вотъ, какъ видите, лежитъ она такъ пластомъ весь день, не беретъ ничего въ ротъ...

— Хіененка! Что съ тобой? Скажи, доченька! — обратился встревоженный старикъ къ дочери.

— Ничего, тятя, ничего, дай Богъ мнѣ такъ здоровья! Чего

ты такъ испугался: у меня немного болить голова, больше ничего. Мало что они говорятъ, это ужъ такіе люди. Не бойся, скоро пройдетъ, сказала Хіена и хотѣла улыбнуться, но отъ боли не могла.

— Что ты говоришь, дочь моя! Смотри, на тебѣ лица нѣтъ. О, мое горе великое!.. Ахъ, хозяйюшка, сжальтесь, пошлите кого-нибудь за докторомъ. Богъ вамъ за это заплатитъ.

— Послано, послано, вамъ не къ чему просить. Хіена, могу вамъ сказать, мнѣ очень дорога, потому что она честное дитя.

Хіену отъ этой похвалы рѣзнуло какъ ножемъ по сердцу.

— Къ чему вы послали?—проговорила она съ горечью.

— Потому что нужно, потому что ты упрямая,—улыбнувшись отвѣчала хозяйка.

Вошла Лея и быстро осмотрѣла мѣстность, поле битвы. Раниенная повеселѣла, увидѣвъ любимое лице. Шмуель молча указалъ новоприбывшей на Хіену.

— Надо взять извозчика и ѣхать домой, — сказала Лея, — ради нихъ (она указала на хозяйку). Это большое безпокойство.

— Какіе пустяки! Мы не разбойники! Мы ее отпустимъ домой! Какъ бы не такъ! развѣ она не человѣкъ? Вести больную! Не бойся, мы уже послали за докторомъ.

— За докторомъ!—съ испугомъ сказала Лея,—лишнее, лишнее! Возьму извозчика.

Вошелъ домашній докторъ ховяевъ: старой поклонился, молодой подаль руку. Обмѣнявшись съ ними нѣсколькими общепринятыми фразами, онъ осмотрѣлъ больную и съ удивленіемъ повернулся къ окружающимъ.

— Что, господинъ докторъ?—спросила хозяйка.

— Пожалуйте на минуту, мнѣ нужно кое-что сообщить вамъ.

Они вошли въ другую комнату.

— Слушайте, дѣвушка беременна.

— Беременна!!

— Да, беременна,—не перебивайте меня,—вотъ ея болѣзнь, понимаете? Поэтому или пошлите за акушеркой, или же отправьте ее въ госпиталь.

Хозяйка простояла нѣсколько минутъ въ оцѣпенѣніи. Ей не

хотѣлось вѣрить, что эта скромная, благородная дѣвушка—развратница.

Придя въ себя, она возвратилась въ кухню.

— Ну что? Что онъ вамъ говорилъ? — вскричалъ Шмуель, увидѣвъ разстроенное лице хозяйки.

Въ эту минуту вошла поспѣшно Лея.

— Ну, я привела извозчика. Ѣдемъ.

— Лея, — перебила ее хозяйка, — мнѣ нужно сказать тебѣ нѣсколько словъ. — И, отведя ее въ сторону, тихо сказала: Знай, если только ты этого не знала раньше меня, что Хіена беременна. Смотри, чтобъ она сейчасъ, сію же минуту, была вывезена изъ этого дома. Вези ее въ больницу или куда хочешь. И чтобы это оставалось въ тайнѣ: для васъ это небольшая честь, да и для меня небольшое удовольствіе, чтобы изъ моего дома дѣвушекъ возили родить... (А что, если въ самомъ дѣлѣ отъ кого-нибудь изъ моихъ? закралось подозрѣніе въ ея голову). Понимаешь: сейчасъ!.. Однако отъ Хіенки я бы скорѣе ожидала всякой другой напасти, только не мамзера! А!

Лея не проронила въ отвѣтъ ни звука, и какъ только хозяйка кончила, она подошла твердыми шагами къ постели лежавшей безъ чувствъ сестры, молча взяла ее на руки и вынесла изъ дому.

Шмуель не понималъ, что тутъ такое дѣлается, но когда Хіены уже не было въ комнатѣ, онъ какъ бы пробудился отъ тяжелаго сна и спросилъ:

— Что это? сжальтесь, скажите, что съ моей дочерью, съ моей зѣницей ока?

— Что съ твоей зѣницей ока? — отвѣчала съ гнѣвомъ хозяйка. — Лучше бы ты похоронилъ ее ребенкомъ, чѣмъ воспитать развратной! Твоя дочь скоро разрѣшится отъ бремени— это была ея «болѣзнь», ея «слабость». Вотъ какъ она бѣгала къ бѣдному тятѣ и къ больной сестрѣ! Лучше бы она сломала шею, прежде чѣмъ поступила ко мнѣ.

Восковое лице Шмуеля еще болѣе пожелтѣло. Онъ ухватился за стѣну, чтобы не упасть.

— Моя дочь!.. Моя Хіененька!.. говорилъ старикъ какъ во снѣ, но вдругъ вскочилъ:

— Лжете! Лжете, злодѣи, разбойники! Вы хотите сдѣлать несчастной мою дочь—этого не будетъ! Лжете! Моя дочь честная!.. честная; я это присягну на Священномъ Писаніи! Лжете, разбойники—вы сами развратные!

Онъ выскочилъ изъ дому и пустился бѣжать, не зная куда.

Лея въ это время ѣхала съ Хіеной по улицамъ, держа сестру почти на рукахъ. Прохожіе останавливались смотрѣть, но Лею это мало интересовало.

Она не боялась потерять свою репутацію; она знала одно: надо спасти Хіену.

Въ тотъ же день Хіена родила въ больницѣ дитя, которое, вслѣдствіе тревогъ и преждевременныхъ родовъ, оказалось мертворожденнымъ.

Шмуель два часа бѣгалъ по улицамъ. Дома дочерей, не было, гдѣ же онѣ могли быть?

Но потомъ онъ узналъ это отъ извозчика, который ихъ везъ. Старикъ побѣжалъ къ больницѣ.

— Ку-да?—протянулъ сторожъ.

— Моя дочь! Моя дочь здѣсь. Пусти! Сейчасъ пришла... обѣ дочери.

— А-а-а! это твои дочери.. Гм!

— Пусти!

— Нельзя. Твоя дочь родила, и тебя нельзя туда пускать. Но вторую дочь я могу вызвать, сжалился сторожъ, видя, что Шмуель измѣнился въ лицѣ—и вызвалъ Лею.

— Такъ она, Хіена, дочь моя, въ самомъ дѣлѣ распутная! Такъ они были правы? Моя Хіененька родила таки мамзера! О, Боже милосердный! за что Ты меня наказываешь?—кричалъ онъ, ударяясь головой объ стѣну.—Ай, ай, моя дочь, моя дочь!

Онъ бы упалъ, еслибъ Лея не поддержала его. Она взяла его подъ руки и отвела домой.

— Мамзеръ! Мамзеръ! Омрачила мнѣ глаза, моя дочь... бредилъ старикъ.

Муселе Лея рассказала всю правду и, разумѣется, защищала Хіену.

Скоро весь Пикеръ зналъ уже новость: одни говорили, что она родила мамзера у хозяйки въ домѣ, и ее и мамзера уведи

черезъ полицію въ госпиталь; другіе рассказывали, что она покончила съ мамзеромъ и теперь содержится въ больницѣ до выздоровленія, а потомъ ее посадятъ въ тюрьму. Никто ни однимъ словомъ не выразилъ участія къ Хіенѣ, хотя тремя днями раньше всѣ были ея лучшими друзьями.

— Вотъ тебѣ и тихоня! Скорѣе можно было ожидать, что ее похоронятъ, говорила одна еврейка.

— Въ тихомъ омутѣ черти водятся, отвѣчала другая.

— Я слышала,—замѣтила третья,—что ея сестра, вотъ что всѣмъ управляетъ, Лея, везла ее на рукахъ въ госпиталь.

— Кому же и везти,—рѣшила первая: — вѣрно Лея такъ же хороша, какъ и она.

— Ой, было бы красиво, еслибъ Лея тоже сломала шею! Ея спѣсъ просто невыносима.

— И сломить! Помянешь мое слово! Она еще имѣетъ время наплюдить пару дюжинъ.

— Вотъ тебѣ и «мои доченьки пусть долго живутъ», какъ Шмуель говоритъ.

— Нѣтъ, Шмуеля, напротивъ, жаль: онъ честный еврей. Онъ не заслужилъ этого стыда и позора.

Лея не поникла головой подъ градомъ насмѣшекъ, презрѣнія и злобы.

Она попрежнему смотрѣла всѣмъ прямо въ глаза; но съ Шмуелемъ было совсѣмъ иначе. Въ первый день онъ бѣгалъ по комнатамъ, какъ безумный, рвалъ на себѣ волосы, плакалъ и проклиналъ. Лея молчала, но на другой день, когда онъ немного успокоился, заговорила. Говорила весь день, доказывая отцу, что Хіену нельзя еще такъ строго судить, объяснила *ради чего* Хіена «это» сдѣлала и т. д. Молодая дѣвушка говорила страстно, со всей силой убѣжденія.

Шмуель сталъ другими глазами смотрѣть на этотъ «случай».

Муселе тоже повеселѣла.

Но все-таки старикъ не смѣлъ поднимать голову, показываться на улицу, встрѣчаться со знакомымъ, даже боялся смотрѣть въ окошко, чтобы кто-нибудь не увидѣлъ его.

Сора, услыхавъ о позорномъ событіи, приближала къ отцу.

— Тятя, что это я слышала на улицѣ? Что это съ Хіеной? спросила она тихо съ испугомъ.

Шмуель, вмѣсто отвѣта, расплакался.

— Ея воспитаніе! сказала Сора гнѣвно, взглянувъ на Лею. Лея молчала.

— Я всегда говорила, что она не хорошо кончить. И изъ-за кого?—только изъ-за нея. Вотъ и радуйся теперь, Леинька! Опозорила хорошо нашу семью!. Ты не огорчаешься, я вижу! Но мнѣ, мнѣ вѣдь нельзя будетъ изъ-за этой паскуды на улицу показаться, всюду будутъ мнѣ колотъ глаза моей прекрасной сестрицей, лучше бы ей не родиться. Намъ нельзя будетъ пойти въ синагогу.

— Такъ чѣмъ виновата Лея? тихо спросилъ Шмуель.

— Чѣмъ она виновата?! Вѣдь это ея драгоценная воспитанница! Она вѣдь ее наставляла! она ее развратила!

Лея, смотрѣвшая до сихъ поръ на Сору сверкающими отъ гнѣва глазами, вышла изъ терпѣнія.

— Молчать! закричала она сильнымъ голосомъ.

— Молчать? Что такое? Я, кажется, не твоя служанка, чтобы ты на меня кричала! Гм! она кричить на меня! Ты также хороша, какъ и Хіена. Тоже пойдешь по ея дороженькѣ.

Лея смолчала бы, такъ какъ видѣла, что горе говорить устами ея сестры, но боялась, чтобы отецъ, котораго она расположила въ пользу Хіены, не сталъ опять враждебенъ къ поскользнувшейся дочери.

— Молчи, прошу тебя: ты не должна говорить о Хіенѣ, когда не знаешь, какой она человекъ, когда ни о чемъ не знаешь.

— Ни о чемъ не знаю! Весь городъ звонитъ, а я ни о чемъ не знаю—какъ тебѣ это нравится, тятя? За то ты, Леинька, вѣрно хорошо знаешь. Ты вѣрно ужъ давно объ этомъ знала. Можетъ быть, была даже совѣтницей?

— Или перестань, или ступай домой! — крикнула Лея. — Подметку Хіены я не промѣняю на твою голову! Она въ тысячу разъ лучше и честнѣе тебя!

— Пусть отсохнутъ у меня ноги, если я зайду въ этотъ

домъ, пока она здѣсь будетъ! окончила старшая сестра и выбѣжала изъ дома.

Шмуель только тяжело вздыхалъ во время этой сцены.

VI.

Лея посѣтила Хіену на другой день послѣ родовъ.

Хіена лежала и куда-то задумчиво смотрѣла.

Лея тихо положила ей руку на плечо и наклонилась надъ нею.

— Какъ ты себя чувствуешь, сестрица?

Хіена нѣсколько минутъ безмолвно смотрѣла на Лею, но вдругъ, обхвативъ обѣими руками ея голову, крѣпко-крѣпко прижала ее къ сердцу.

— Сестрица! милая, золотая сестрица!.. душенька!..

Остальное она ужъ не высказала, а выплакала.

— Успокойся, успокойся!..

— Что... отецъ? Какъ онъ поживаетъ? спросила Хіена черезъ нѣсколько минутъ.

— Отецъ здоровъ и думаетъ о тебѣ тоже, что и я.

Хіена еще сильнѣе заплакала и нѣсколько разъ поцѣловала сестру.

Сердечные поцѣлуи странно звучали подъ высокими казенными сводами.

Десять дней пролежала Хіена въ больницѣ и десять разъ посѣтила ее Лея, облегчая ей сердце своими теплыми словами и снова оживляя въ немъ надежды на лучшее будущее. Лея понимала, что теперь, именно теперь, можно возвратить сестру съ пути, на который она-было ступила; надо только дать ей понять, что возвратъ возможенъ, что мысль, которою другія въ ея положеніи руководятся: «ахъ, мнѣ ужъ нечего терять, теперь все равно!» — фальшива и бесплодна, что съ такой мыслью можно только утопиться. Надо жить. Хіена не такая тяжкая грѣшница, какою считаетъ ее свѣтъ.

Повеселѣвшее лицо сестры, просвѣтленный взглядъ ея бархатныхъ глазъ, окрѣпшій голосъ—все это показывало, что по-

сѣянныя Леей зерна упали въ добрую почву, что Хіена наконецъ обновилась.

Рѣшено было, что Хіена куда-нибудь уѣдетъ. Лея ужъ не боялась за нее.

У Леи было рублей десять, скопленныхъ отъ печенья кухоновъ: съ этими деньгами Хіена поѣдетъ въ Харьковъ, гдѣ жила ихъ знакомая, и поступить въ услуженіе.

Шмуель успокоился, началъ выходить на улицу, говорить съ людьми (правда, съ опущенной головой), посѣщать синагогу.

Передъ отъѣздомъ въ Харьковъ, Хіена зашла къ отцу, Шмуель сидѣлъ за столомъ. Какъ не похоже было это посѣщеніе на прежнія! Когда-то она входила въ домъ весело, особенно когда приносила деньжонки, весело поздороваается и начнетъ говорить, рассказывать и щебетать какъ птичка. Отецъ тоже повеселѣетъ... А теперь! теперь она съ тупымъ страхомъ переступаетъ когда-то гостепріимный порогъ, тихо, дрожащимъ голосомъ произноситъ: «добрый вечеръ» и останавливается среди комнаты, съ камнемъ на сердцѣ.

Шмуель какъ-то оробѣлъ, не зналъ, что говорить, какъ начать, какъ обходиться съ ней. Гдѣ-то въ глубинѣ души у него уже зашевелилась радость при видѣ дочери, зашевелились прощеніе и любовь.

— Тятя... я уѣзжаю... простишь со мною...

Шмуель заплакалъ и отвернулся къ стѣнѣ.

Настала тяжелая минутная тишина.

— Чего ты плачешь?—угрюмо замѣтила ему Лея.—Хіена должна уѣхать въ Харьковъ, а ты долженъ проститься съ ней и забыть все, что до сихъ поръ было, потому что больше ужъ этого не будетъ, я это знаю навѣрно... Ну, поцѣлуйтесь, и дѣлу конецъ.

И взявъ Хіену за руку, она подвела ее къ отцу. Хіена обхватила руками голову отца и осыпала ее поцѣлуями.

— Тятенька! прости меня!

Шмуель совсѣмъ ослабѣлъ. Гнѣва его не осталось и слѣда, и онъ сталъ упрашивать дочь не уѣзжать.

— Этого нельзя,—сказала Лея,—Хіена должна ѣхать, а то Пикерскія Генты будутъ слишкомъ много заниматься ею. Въ тотъ же день Хіена уѣхала.

VI.

Шмуелю между тѣмъ страшно надоѣла иголка.

— Вотъ не могу, не могу,—говорилъ онъ, — какъ только возьму въ руки иголку, и примусь ставить заплаты—охватываетъ меня такая тоска смертная, что вотъ-вотъ, кажется, умру. Самая худшая каторжная работа, кажется, лучше, чѣмъ ставить эти проклятыя заплаты.

Но ничего не дѣлать и жить на заработки Леи было противно натурѣ старика. И вотъ въ одинъ прекрасный лѣтній день, когда все въ природѣ ликовало, птички пѣли и бабочки порхали и т. д., и т. д.—Шмуель лапотникъ сдѣлался Шмуелемъ носильщикомъ. Онъ вышелъ съ веревкой на рынокъ и ждалъ, не потребуется-ли отнести что-нибудь въ лавку или на вокзалъ.

И дѣйствительно ему повезло: три раза прошелъ онъ порядочное разстояніе, нагибаясь подъ тяжелой ношей и смотря всю дорогу въ землю, и заработалъ три пятачка. Эти первые три пятачка вышли ему, какъ говорится, бокомъ. Всю ночь прометался онъ на своемъ жесткомъ ложѣ: спина, привыкшая къ прежнему сорокалѣтнему порядку, теперь отчаянно протестовала противъ такого радикальнаго нововведенія, но потомъ постепенно приучилась и осваивалась съ новымъ образомъ жизни. Черезъ мѣсяцъ Шмуель сталъ уже дѣйствительнымъ носильщикомъ-плебеємъ*.

---

* Носильщиковъ можно раздѣлить на четыре категоріи: *Носильщики хозяйскіе*: каждый крупный лавочникъ держитъ одного или нѣсколькихъ носильщиковъ. *Носильщики-избранники, молодые таланты*: они рѣзко выдѣляются изъ толпы своей силой, десяти пудовой тяжестью ворочаютъ какъ палкой, неутомимо работаютъ и зарабатываютъ, только съ теченіемъ времени таланты начинаютъ меркнуть и жаловаться: «зе тѣ ужъ годы», «не та сила». *Носильщики-плебей*: обыкновенные смертные, съ тяжелой ношей, особенно зимою, долго возятся и борются, прежде чѣмъ ее одолѣютъ. *Носильщики-парии*: самые слабѣе, подбираютъ вранья, перепадающія отъ избранниковъ и плебеевъ.

VIII.

Леѣ минуло двадцать лѣтъ.

Шмуель занятъ былъ тревожными думами о ея судьбѣ, т. е. о ея замужествѣ.

— Теперь я вотъ что сдѣлаю,—строилъ планы Шмуель,—домишко продамъ и выдамъ замужъ Лею. Тѣ нѣсколько рублей, что останется, оставлю для Муселе, а самъ найду гдѣ-нибудь уголь и всегда заработаю свой хлѣбъ: много-ли мнѣ, старику, нужно? Муска пойдетъ служить, за нее нечего бояться: она тихая, набожная дѣвка, хотя и не особенно умная, но ничего себѣ. За Муску нечего бояться: она, Боть дастъ, будетъ честная.

Разъ Лея ушла со двора и возвратившись домой, подошла прямо къ отцу, съ слѣдующими словами:

— Тятя, мнѣ предлагаютъ въ женихи одного часовщика, не здѣшняго. Я видѣла его много разъ, говорила съ нимъ и узнала его покороче. Онъ мнѣ нравится. Быть можетъ, надняхъ будетъ у насъ обрученіе. Приданого онъ у меня не просить.

Съ часовщикомъ Лея познакомилась у своей подруги. Разъ онъ разсказалъ кое-что изъ своей біографіи:

— Семейство наше было большое. Чтобы освободиться хоть отъ одного лишняго рта, меня отдали къ часовому мастеру на четыре года, на хозяйскихъ харчахъ. Почему къ часовому мастеру, а не къ сапожнику, или къ кузнецу, я не знаю. Никакого особеннаго призванія къ часовому мастерству я не чувствовалъ. Да объ этомъ и не справлялись. Подвернись сапожникъ, кузнецъ, портной — меня точно также отдали-бы къ сапожнику, кузнецу, портному. Такимъ образомъ я оказался закрѣпощеннымъ на четыре года въ чужомъ семействѣ, хозяинъ употреблялъ меня для посылки, подмастерье—для собственныхъ надобностей, хозяйка заставляла въ базарные дни носить за нею корзину съ закупками, а каждый божій день выносить лохань, дѣтскія пеленки, чистить картофель и тому подобное; у дѣтокъ я исполнялъ должность камердинера, няньки и всего что угодно, — однимъ словомъ, я имѣлъ надъ собою десять

генераль-губернаторовъ. Въ такихъ разнообразныхъ должностяхъ прослужилъ я три года и могъ считать себя мастеромъ на всѣ руки, хотя за то не имѣлъ рѣшительно никакого понятія о часовомъ мастерствѣ. Только къ концу четвертаго года сталъ я заниматься дѣломъ и пробылъ у своего хозяина еще два года, уже въ качествѣ подмастерья; потомъ, по рекомендаціи, перешелъ къ одному изъ аристократическихъ часовщиковъ, молодому франтоватому господину, окончившему гимназію. Здѣсь я проработалъ неутомимо года три; хозяинъ былъ мною доволенъ; но когда я объявилъ, что моего двухрублеваго жалованья (у моего хозяина я получалъ столъ и два рубля въ мѣсяць) не хватаетъ на самое необходимое, безъ чего и жить нельзя, и просилъ маленькой прибавки, — онъ вомутился. Какъ! Я недоволенъ честью работать въ магазинѣ, у человѣка образованнаго и порядочнаго!.. Долго мучился я въ нерѣшимости, не зная, что дѣлать. Бросить образованнаго хозяина и ѣхать въ Р.? Здѣсь полунищенское существованіе и полузнаніе, а тамъ, на чужбинѣ, можетъ быть придется голодать и быть въ положеніи человѣка, который упалъ въ море и не знаетъ, есть ли вблизи спасительный ботъ. Правда, въ Р. я имѣю богатыхъ родственниковъ, но они неособенно жаловали бѣдныхъ членовъ своей семьи.

«Наконецъ я поборолъ свою боязнь и нерѣшительность и очутился въ Р. Нѣмцы евреевъ не принимаютъ, пришлось работать у своихъ, которые немногимъ отличались отъ моего перваго хозяина. Но теперь уже руки у меня не были такъ связаны, и вотъ, заложивъ нѣкоторыя вещи, сталъ я заниматься по ночамъ нѣмецкимъ языкомъ — брать уроки у одного студента. Я ходилъ какъ можно осторожнѣе по мостовой, чтобы не такъ скоро истоптать свои, сомнительной прочности сапоги, ѣлъ какъ можно меньше, и то хлѣбъ съ селедкой—за то набрался такой массы новыхъ и важныхъ свѣдѣній въ часовомъ дѣлѣ, что прославился въ своемъ муравейникѣ. Тогда-то, считая себя ужъ не такимъ страшнымъ «партачемъ», рѣшился я постучаться въ храмы нѣмецкаго мастерства. Нѣмцы говорили со мной сначала вѣжливо, но потомъ лица у нихъ омрачались, и они срѣзывали:

— Вы изъ евреевъ?

— Да.

— О, евреевъ мы не принимаемъ!..

«Постучался къ своему собрату, содержателю лучшаго магазина въ городѣ, Трегеру:

— У меня работаютъ одни христіане.

«Быль я еще прежде знакомъ со старикомъ нѣмцемъ, тоже часовымъ мастеромъ, который давалъ мнѣ иногда спѣшную работу на домъ. Онъ обѣщаль переговорить съ Трегеромъ.

— Правда,—говорилъ онъ Трегеру, евреи — Pfuscher'ы, но гдѣ они могли научиться какъ слѣдуетъ и усовершенствоваться въ работѣ, когда ихъ гонять и чужіе, и свои, и тѣснить со всѣхъ сторонъ. Христіанинъ говорить: «убирайся! Ты еврей—слѣдовательно Pfuscher». Еврей повторяетъ: «убирайся! Ты еврей—слѣдовательно Pfuscher». Боже мой! не всѣ же евреи Pfuscher'ы и не всѣ Pfuscher'ы евреи! Das ist ein Skandal!.. Но за этого молодого человѣка я ручаюсь.

«Трегеру стало совѣстно—и онъ велѣлъ мнѣ прійти. Я пришель, поработалъ. Трегеръ былъ доволенъ, принялъ меня и назначилъ сорокъ рублей въ мѣсяцъ жалованья».

Нѣсколько такихъ разговоровъ по душѣ сблизили молодыхъ людей.

— Слушайте, Лея, вы мнѣ нравитесь, какъ дѣвушка умная и добрая. Мнѣ нужно жениться, и я былъ-бы счастливъ, еслибъ вы согласились раздѣлить со мною мой кусокъ хлѣба. Не могу поручиться заранѣе, что онъ всегда будетъ сладокъ, но любовь къ вамъ дастъ мнѣ силы взять отъ жизни все, что для меня возможно... Скажите откровенно, нравлюсь, или, лучше сказать, понравлюсь ли я вамъ?

Лея молчала нѣсколько секундъ, потомъ, съ свѣтящимися отъ радости глазами, отвѣчала:

— Да.

Выборъ этотъ показался Шмуелю довольно фантастическимъ: Помилуйте! безъ свата... да еще нездѣшній...

— Какъ это?.. совсѣмъ такъ?..

— Совсѣмъ такъ и есть, отвѣчала улыбаясь, она. — Если хочешь, я попрошу его завтра зайти.

На завтра, въ ожиданіи будущаго зятя, Шмуель предложилъ невѣстѣ «прибраться», «одолжить у сосѣдей», «поставить на столъ», но Лея возразила:

— Ничего не надо, тятя, пускай въ домѣ будетъ, какъ обыкновенно. Правлюсь я ему—домъ долженъ тутъ играть небольшую роль, не правлюсь—никакой домъ не поможетъ.

Черезъ нѣсколько времени пришелъ женихъ, Іосифъ Абрамовъ, одѣтый по еврейски. При его входѣ Шмуель поднялся съ мѣста и хотѣлъ снять передъ паномъ шапку, но дочь предупредила недоразумѣніе. Старикъ сѣлъ опять на свое мѣсто и видимо былъ не въ своей тарелкѣ. Но гость завелъ разговоръ, сталъ рассказывать свои свѣжія впечатлѣнія изъ р—ской жизни —и всѣ оживились.

Потомъ коснулись дѣла: Абрамовъ приличія ради попросилъ согласія старика на бракъ, готовый, въ случаѣ отказа, обойтись и безъ него, такъ какъ считалъ согласіе невѣсты выше всего.

Шмуель оторопѣлъ, началъ что-то и не докончилъ, наконецъ объявилъ, что завтра пришлетъ шадхена, что безъ шадхена нельзя, какъ-то неприлично... У отцовъ такъ водилось, и проч.

— Какъ видно, у васъ въ N, нельзя обойтись безъ сватовъ, улыбаясь, сказалъ женихъ.—Ну, хорошо, свать, такъ свать.

Послѣ ухода Іосифа, Шмуель сталъ плачевнымъ тономъ упрашивать Лею отказаться отъ этой партіи, которая можетъ опозорить ихъ фамилію и омрачить его послѣдніе годы. Имѣтъ зятемъ нѣмчика, съ подстриженной бородой—Боже мой!.. Какая нужда?.. Онъ, Шмуель, найдетъ ей жениха, который будетъ въ десять разъ лучше нѣмчика.

— Такого, какъ Моисей? Не дай Богъ!.. И почему ты, тятя, называешь моего жениха нѣмчикомъ! Потому что онъ говоритъ полунѣмецкимъ языкомъ? Что же тутъ худого? Вѣдь нѣмецкій языкъ научилъ его зарабатывать хлѣбъ и вывелъ въ люди... Что-же касается его подстриженной бородки, то она никому не вредитъ: не въ длинной-же бородѣ скрываются честность и способности. Я тебѣ, тятя, очень благодарна за твои заботы, но лучше предоставь мнѣ уже самой позаботиться

о себѣ и сдѣлать выборъ: не тебѣ придется съ мужемъ вѣкъ прожить, а мнѣ.

Дѣлать нечего. Шмуель далъ свое «да», но съ условіемъ, чтобы Іосифъ не стригъ бороды и соблюдалъ еврейскіе обряды.

Черезъ недѣлю было обрученіе, а черезъ три мѣсяца и свадьба, безъ музыкантовъ, безъ трезвона. Были только свои да близкіе, мирно бесѣдовали, поужинали—и конченъ балъ.

Такое нововведеніе возбудило въ Пикерѣ пѣлую бурю. Общество ругалось, общество было убѣждено, что Лея выходитъ за нееврея, что Шмуель этого не перенесетъ, что Лея послѣ свадьбы непременно выкрестится, что изъ-за нея умираютъ дѣти, что она въ тысячу разъ хуже Хіенки, что еслибы ея мать встала изъ гроба, то, посмотрѣвъ на дочку, легла бы опять... Но всѣ эти ужасныя вещи мало пугали Лею, которая вскорѣ выѣхала съ мужемъ въ Р.

Сора сначала тоже негодовала на союзъ съ нѣмчикомъ, но когда Лея пришла звать ее на свадьбу, т. е. явилась съ повинной, тогда она смягчилась, и сестры разстались друзьями.

Шмуель продалъ свою избушку за тридцать рублей, т. е. собственно не избушку, которая годилась развѣ на дрова, и то гнилыя, а землю, и нанялъ для себя и внука уголь за рубль въ мѣсяць. Муселе поступила въ услуженіе за пятнадцать рублей въ годъ, въ томъ же домѣ, и варила также для отца и племянника.

IX.

Хіена, по пріѣздѣ въ Харьковъ, тоже поступила на мѣсто, которое занимала съ честью. Хозяйка полюбила ее: «еще та-кой дѣвки поискать».

Черезъ два года она ужъ сама стала хозяйкой. Въ томъ-же домѣ, гдѣ она служила, жила старуха, къ которой пріѣхалъ племянникъ, запасной рядовой, хорошій заготовщикъ. Молодые люди часто встрѣчались и познакомились. Незлобивый, веселый нравъ дѣвушки понравился бывшему воину: онъ попросилъ тетку быть свахой.

— Мнѣ нужна простая дѣвушка, которая могла бы быть

хозяйкой, сварить обѣдъ, выкормить дитя, если Богъ благословитъ имъ, поменьше бы занималась нарядами и глупостями, и при этомъ была бы похожа на человѣка,—сказаль онъ Хіена.— Ты такая дѣвушка и я надѣюсь на Бога, что будешь жить со мною хорошо.

Три ночи не спала Хіена: то посѣщали ее надежды, то налетали черныя сомнѣнія и тяжелыя воспоминанія. Только кухонныя стѣны и темная ночь знали, какъ судорожно металась молодая дѣвушка на своемъ ложѣ, какъ мучительно краснѣло ея измѣнявшееся личико.

Наконецъ на четвертый день врожденная честность и желаніе твердой ногой вступить въ супружеско-материнскій храмъ отстранили стыдливость, и Хіена, выждавъ время, рассказала своему обожателю отъ начала до конца исторію своего паденія, не выбросивъ изъ нея ни одного словечка.

Заготовщикъ выслушалъ внимательно, потомъ обнялъ свою невесту.

— Ты честное дитя!.. Слушай, другъ мой: былъ я недавно на войнѣ.. Что такое война—боюсь тебѣ рассказывать: боюсь наполнить твою дѣвическую душу горечью и отравой... Боже мой! Боже мой! какіе ужасы тамъ совершались!.. И я долженъ былъ дѣлать тоже, что всѣ дѣлали,—такъ мнѣ-ли судить тебя!..

Послѣ свадьбы молодые посѣтили Н.

Хіена купила отцу новыя субботнія платья, а Сорѣ, съ которой также помирилась, оказала денежное пособіе, и уѣхала. Передъ отъѣздомъ она просила отца жить вмѣстѣ съ ними, но тотъ отказался:

— Лея тоже просила меня, но пока я еще могу стоять на ногахъ—буду себѣ зарабатывать хлѣбъ. Вотъ когда ужъ буду не въ состояніи, тогда...

Онъ не договорилъ и только махнулъ рукой.

Х.

Шмуель былъ ужъ четвертый годъ носильщикомъ; у него на губахъ уже являлась та льстивая улыбка, отъ которой у

человѣка, не исковерканнаго жизнью, застываетъ кровь въ жилахъ. Эта самая улыбка была когда-то у корчмарей, когда ясно-вельможные паны таскали ихъ за бороду. Шмуель долженъ былъ лѣстить, чтобы его брали предпочтительнѣе предъ другими. Даже этотъ тяжелый лошадиный кусокъ хлѣба приходится выпрашивать!..

Съ внукомъ своимъ Шмуель сначала обращался хорошо, называлъ его «сынкомъ», «сироткой». Залманъ съ своей стороны называлъ его «дѣдушкой», «дорогимъ». Никакихъ друзей у Залмана не было; лучшимъ его другомъ былъ дѣдушка. Къ товарищамъ по талмудъ-торѣ онъ не чувствовалъ особеннаго расположенія; лучший товарищ можетъ донести на него меламеду, который высѣчетъ его. А дѣдъ еще ни разу не билъ его. Дѣду онъ рассказываетъ все, что учить, всѣ свои дѣтскіе интересы, съ нимъ дѣлится своими радостями и тревоженіями.

Но спустя нѣкотораго времени отношенія эти совершенно измѣнились.

Разъ Залманъ заспался.

— Вставай, — будиль его дѣдъ, — вставай, молись: уже полдень!

Мальчику не хотѣлось слѣзать съ теплой печки.

— Гой, вставай же!

— Ветъ... вотъ... сейчасъ—говоритъ Залманъ съвозъ сонъ.

— Скорѣй же! мнѣ пора на рынокъ, а тебѣ если позволить такъ спать—такъ ты проспичь до вечера. Вставай: время идти въ талмудъ-тору.

— Встаю, встаю!—плачется заспанный Залманъ.

Проходитъ нѣсколько минутъ.

— Смотри, Хритонъ (мужикъ) еще не всталъ, онъ ждетъ, чтобы я ушелъ, потому онъ можетъ себѣ спокойно спать. Но у меня ты этого не добьешься. Встанешь или нѣтъ?

Шмуель лѣзетъ на печь и тащить внука внизъ силой.

— Кажется, молитва не трудна, напротивъ, молись очень приятно!—ворчитъ старикъ.—А ему это все равно, что землю копать. Отчего я встаю рано? Отчего меня не надо будить на молитву?

Шмуель при этомъ забывалъ, что Залману десять лѣтъ, а ему шестьдесятъ.

Залманъ все больше отдаляется отъ дѣда: любовь къ нему охлаждаетъ.

— Подожди, я ему отомщу, ужъ никогда не стану его слушаться,—думаетъ мальчикъ, когда Шмуель кричитъ на него.

Разъ Залманъ всталъ поздно, умылся, сказалъ «брохе» (первую молитву) и черезъ нѣсколько минутъ взялся за хлѣбъ.

— Ша, чего ты такъ хватаешься за хлѣбъ? Ты еще не молился,—сказалъ Шмуель.

— Я съѣмъ кусочекъ хлѣба, потомъ помолюсь: страшно ѣсть хочется.

— Что? прежде поѣсть? Нѣтъ, братецъ, ты у меня не будешь ѣсть, пока не помолишься. Ишь какія новости заводитъ!

— Ну, такъ не буду молиться!

— Нѣтъ, будешь! у меня эти фокусы не помогутъ.

По цѣлымъ часамъ продолжаются такія стычки. Шмуель выходитъ изъ терѣвнiя и прибѣгаетъ къ ругани, а потомъ и къ побоямъ... Мусе всегда при этомъ принимала сторону отца.

Но иной разъ ей станетъ жалко мальчика, и она даетъ ему, что остается отъ хозяйскаго стола. Когда кто-нибудь обижаетъ Залмана, дѣдъ и тетка, хотя бы они и были сердиты на него, вступаются за ребенка:

— Зачѣмъ ты его трогаешь? Развѣ ты ему отецъ? Нашелся тоже хозяинъ! Ему и безъ тебя довольно.

Съ другой стороны, попробуй кто-нибудь обидѣть Шмуеля или Мусе, Залманъ станетъ за нихъ горой.

Когда старикъ бывалъ въ хорошемъ расположенiи, онъ начиналъ рассказывать внуку сказки о цадикахъ, чертяхъ, лamedъ-вовникахъ, о Мессii бенъ-Иосифѣ, который заклиалъ облако и леталъ на немъ, и т. п. чудеса. Залманъ не двигался съ мѣста и внимательно слушалъ, потомъ принимался цѣловать старика.

Но все-таки все чаще и чаще стали повторяться сцены въ родѣ слѣдующей:

— Пойдешь сегодня въ талмудъ-тору, или мнѣ придется напоминать тебѣ сто разъ?—говоритъ Шмуель.

— Не пойду. Я вѣдь вамъ говорилъ, что не пойду. На дворѣ морозъ, а у меня сапогъ нѣтъ.

— А бѣгать безъ сапогъ можешь? Тутъ тебѣ не холодно?

— Ну вотъ, бѣгать! Гдѣ это я бѣгаю? Я понимаю, вы хотите, чтобъ я простудился и умеръ.

— Да, да, хотѣлъ бы, чтобъ ты умеръ. Чего ты на меня налегъ? отправляйся къ своей мамѣ! Чего ты хочешь отъ меня? Два года покормилъ тебя—довольно съ меня.

— Ага! отправиться къ мамѣ! А вы на что меня взяли? Не должны были брать! А взяли—такъ должны держать.

— Долженъ? Развѣ я твой отецъ, что долженъ? Два года продержалъ тебя. Я думалъ сдѣлать тебя человѣкомъ—стоитъ поработать: будешь хоть кадеша имѣть; но если ты не хочешь быть евреемъ—то сломай шею, провались съвозъ землю.

И диспутъ этотъ кончался обыкновенно побоями.

— Ну, скажи самъ—вмѣнивалась было Мусе мягкимъ голосомъ,—вачѣмъ ты отнимаешь у тяти здоровье? Ты вѣдь видишь, что весь день онъ работаетъ изъ послѣднихъ силъ, а когда приходитъ домой полубольной, разбитый отъ тяжелыхъ работъ, такъ ты еще не даешь ему покоя и грызешь ему сердце.

— Вотъ вы никогда не ходили въ талмудъ-тору, а попробуйте ходить—такъ узнаете. Приходишь въ талмудъ-тору. Старый холерникъ, меламедъ, уже сейчасъ бурчить, хотя его не трогаютъ. Сѣчетъ насъ каждую минуту, и сѣчетъ не съ злобой, а наслаждается во время сѣченія, точно ѣсть конфекту. Принесешь въ хедеръ игрушку — онъ ее заброситъ или присвоить... За что это? Какое ему дѣло? Вѣдь это моя игрушка! Ну и учить онъ также не учить: или сидитъ и спитъ, или чешетъ ногу. Хлѣбъ, что даютъ для мальчиковъ, беретъ онъ тоже себѣ, а насъ бьетъ, когда просимъ. Такъ для чего же я пойду въ хедеръ! Чтобы тамъ меня ребе билъ особенно, а здѣсь дѣдъ особенно? Старый песь всѣхъ дѣтей бьетъ!..

— Ахъ ты мешумедъ! Онъ называетъ его псомъ!—кричить Шмуель. — Ты не стоишь его пятки: онъ еврей, который сидитъ и учить по цѣлымъ днямъ тору — а этотъ мамзеръ зоветь его псомъ!

— Да, да, песь, песь! За что онъ насъ бьетъ? Чего онъ хочетъ отъ насъ?

— Такихъ мамзеровъ, какъ ты, надо закопать живыми.

— Ну не пойду въ хедерь—и баста!

— Нѣтъ, ты у меня пойдешь! Лопнешь, а пойдешь!

— Отдайте меня къ ремесленнику!

— Къ ремесленнику! Жуликъ, ты вѣдь не умѣешь еще молиться! Къ ремесленнику!.. Мамзеръ!

— Чтобъ я такъ слышала «шейферъ шелъ мешіахъ» (месіянскую трубу), какъ не пойду въ талмудъ-тору! И кончено! Шмуель выходилъ изъ себя.

— Вотъ тебѣ не пойдешь! Вотъ тебѣ «шейферъ шелъ мешіахъ!»

Началась обычная сцена увѣщанія.

— Нѣтъ, нѣтъ, можете меня убить—а не пойду!

— Ну, такъ не будешь у меня въ домѣ. Гоя я не хочу воспитывать. Вонъ!

— Я въ васъ не нуждаюсь! Я и безъ васъ обойдусь! кричалъ мальчикъ въ ярости.

— Ну, ну, отчего же нѣтъ? Ты совершенно правъ! Мнѣ тогда не нужно будетъ столько трудиться. Ступай, ступай себѣ съ Богомъ!

И съ этими словами дѣдъ вытолкалъ внука за дверь.

X.

Залманъ пошелъ къ одному изъ своихъ товарищей по хедеру. Они вмѣстѣ ходили нѣсколько разъ по домамъ, вмѣстѣ пробовали красть яблоки съ воровъ. На дорогѣ у него въ головѣ созрѣлъ такой проектъ:

— Днемъ я буду съ нимъ ходить по домамъ, а почевать буду на улицѣ, гдѣ нибудь возлѣ лавки, теперь не холодно.

Два дня побирался онъ, на третій — ему надоѣло. Яблоки вкусны, но бродяжничество совсѣмъ не улыбалось ему. Ночлегъ тоже не отличался удобствомъ. Голодъ его мучилъ. Онъ укралъ было нѣсколько яблокъ, но потерпѣлъ неудачу: его схватили и хорошенько вздули.

Куда идти? Къ дѣду? Но между ними лежитъ такая пропасть. Къ матери? но она уѣхала въ Харьковъ, къ Хіенѣ въ гости. Онъ прошлился и поголодалъ еще одинъ день и вечеромъ возвратился къ дѣду.

— А, а! пришелъ! Видали этотъ товаръ? Ну, почему ты не нашель себѣ другого мѣста? Ты вѣдь во мнѣ не нуждаешься! встрѣтилъ его Шмуель.

Какъ ни сердить былъ голосъ старика, но въ немъ все-таки звучала радостная нотка. Слава Богу, наконецъ-то внучекъ возвратился! Залманъ стоялъ съ опущенной головой и молчалъ, но въ сердцѣ у него кипѣла злоба.

— Ну, теперь ужъ пойдешь въ хедерь, или все еще нѣтъ?

— Пойду, отвѣчалъ Залманъ тихо.

— Вотъ такъ и говори! Ты славный мальчикъ. Учись прилежно, молись. Дурачекъ! Тебѣ же лучше будетъ.

Залманъ молчалъ.

Нѣсколько дней прошло мирно, но потомъ опять началась старая исторія и продолжалась все въ болѣе и болѣе остромъ тонѣ.

Разъ, поссорившись съ дѣдомъ и провалявшись нѣсколько дней въ городѣ, Залманъ не зналъ, что предпринять. Возвратиться къ дѣду? Ни за что на свѣтѣ! Тотъ такъ жестоко отколотилъ его, что струна родства въ сердцѣ мальчика совсѣмъ оборвалась и въ немъ кипѣла лишь злоба разбитаго дѣтства.

А пока мучить голодъ. Что дѣлать?.. Никто не протягиваетъ ему руки помощи — онъ самъ протянетъ руку. Но не для милостыни!..

Онъ подошелъ къ столику, на которомъ продавались калачи, и проворно стянулъ одинъ изъ нихъ.

Часа черезъ четыре захотѣлось еще. Но у столика уже караулила хозяйка и смотрѣла въ оба.

Онъ подошелъ къ погребку, гдѣ продавались желѣво, веревки и другая мелочь.

— Покажите мнѣ веревки отъ сахару, обратился онъ къ лавочнику, зная, что веревки находятся внизу.

Лавочникъ спустился внизъ, а Залманъ поспѣшно схватилъ замокъ и спряталъ за пазуху, но въ попыткахъ сбросить

еще нѣсколько замковъ, которые со звономъ и полетѣли на землю. Лавочникъ обернулся, посмотрѣлъ наверхъ и, замѣтивъ, что Залманъ суетъ что-то за пазуху, однимъ прыжкомъ очутился возлѣ него.

— Покажи-ка, мальчикъ, что ты тамъ прячешь?

И вытащилъ у него изъ за пазухи замокъ.

— Я... хотѣлъ... купить... Сколько?..

Лавочникъ далъ ему пощечину:

— Вотъ тебѣ цѣна. Вотъ тебѣ еще!.. Ахъ ты крыса эдакая! Такой мальчишка — и учится уже воровать! А!

Залманъ, блѣдный и ошеломленный, рвался у него изъ рукъ.

— Что онъ дерется! Чего вы отъ меня хотите?—плакался онъ. — Я посмотрѣлъ замокъ, а онъ говоритъ, что я хотѣлъ его украсть! Пустите!

— Пустить тебя? Подожди немножечко, имѣй терпѣніе, говорилъ, не торопись, мучитель.

Собиралась толпа.

— Что здѣсь такое?

Лавочникъ рассказалъ.

— Нѣтъ, — защищался Залманъ, — я хотѣлъ только посмотреть замокъ, а онъ ужъ привязался, что я хочу его украсть.

— А, это онъ! Я его знаю, этого мальчишку. Я нѣсколько разъ замѣчалъ, какъ онъ терся возлѣ столиковъ.

— Надо его отвести въ часть, чтобы тамъ содрали съ него шкуру. Пускай знаетъ, какъ воровать!

У Залмана мурашки по тѣлу забѣгали.

— Эхъ, отпустите его! Жаль, ребенокъ! заступились нѣкоторые.

— Мнѣ замокъ не дорогъ, сказалъ лавочникъ:—но такой мальчикъ, если его отпустить совсѣмъ такъ, станетъ въ самомъ дѣлѣ воромъ. Теперь онъ еще учится — такъ надо его отучить. Для него это будетъ благодѣяніе: если ему всыпать — у него пропадетъ охота впередъ воровать.

— Я не воровалъ! плакался Залманъ, которому «благодѣяніе» лавочника очень мало нравилось.

— Вотъ мы это сейчасъ увидимъ, — вмѣшался другой лавоч-

никъ, толстопузый.—Онъ говорить, что хотѣлъ купить веревки и замокъ. Посмотримъ: есть у него деньги—отпустимъ, нѣтъ—въ часть! Что вы на это скажете? обратился толстякъ къ публикѣ съ самодовольной усмѣшкой.

— Онъ правъ! обыщите его!

Праздный и скучающій торговый людъ радъ былъ всякому развлеченію и игралъ съ Залманомъ, какъ кошка съ мышью.

Обыскали и никакихъ денегъ не нашли.

— Ну, гдѣ же твои деньги? смѣялся толстякъ.

Залманъ началъ плакать и умолять, чтобъ его на этотъ разъ отпустили—и онъ никогда уже болѣе не будетъ воровать, но мольбы и клятвы ему не помогли. Правда, за прощеніе высказалось большинство голосовъ, но лавочникъ съ своимъ «благодѣяніемъ» оказывалъ сильное давленіе на умы; притомъ же вблизи случился полицейскій.

Залманъ былъ впихнуть въ темную и очутился въ обществѣ отставныхъ проститутокъ, пьяницъ и безпаспортныхъ. Онъ ихъ не видѣлъ, но различалъ по отрывочному разговору и хриплымъ звукамъ, которыми они выражали свои ощущенія. Онъ ихъ также чувствовалъ: ноги одного упирались ему въ лицо; другой легъ на него; третій сдвинулъ ему колѣна; четвертому попалась въ плѣчь его правая рука. Тѣснота, голодъ, вонь, мракъ кругомъ и мракъ въ душѣ, бессонница — все это навалилось на бѣднаго мальчика и придавило его такъ, что онъ не могъ ни охнуть, ни вздохнуть. Шесть нечистыхъ силъ, шесть злодѣевъ на одного ребенка!...

На завтра Залманъ попалъ въ полицію, а изъ полиціи черезъ нѣсколько дней выпущенъ на свободу, сильно разбитый и развинченный.

Одна мысль буравила ему голову: отплатить лавочнику за его «благодѣяніе».

— Онъ будетъ меня помнить! Я когда нибудь попаду ему камнемъ въ голову. А воровать имъ на зло не перестану... Теперь ужъ буду воровать осторожнѣе, чтобы не попасться такъ глупо.

И онъ усовершенствовался и завелъ знакомства. Онъ дол-

женъ былъ усовершенствоваться, потому что другая наука была ему недоступна.

ХІІІ.

Сора поселилась на жительство въ Харьковѣ съ Давидомъ и Ривенькой и открыла тамъ лавочку рублей въ двѣсти.

Гдѣ она взяла столько денегъ?

Иосифъ Абрамовъ завелъ съ Лейбой Беркинымъ процессъ. Дѣло переходило изъ одной судебной инстанціи въ другую и протянулось два года. Господа Беркины не дремали: сильно хлопотали, нанимали адвокатовъ, подавали аппеляціи и кассациі, протянули еще годъ; но въ концѣ концовъ судъ присудилъ Беркина къ двухсотъ рублевому штрафу въ пользу Соры.

О Залманѣ Сора мало думала: вѣдь мальчикъ воспитывается у ея отца, который безъ сомнѣнія сдѣлаетъ изъ него человѣка. Воспиталь же ея отецъ четырехъ дочерей, и всѣ четыре не хуже другихъ.

Такова исторія семейства Шмуеля-Лапотника, впоследствии Шмуеля-Носильщика.

Псевдонимъ.

РУВИМЪ.

СОВРЕМЕННЫЙ РОМАНЪ ГЕНРИХА ЛАУБЕ.

V.

Когда Моисей встрѣтилъ кавалера Нота, послѣдній дѣйствительно отправлялся на виллу Молиторе, т. е. собственно не на виллу, а на дорожку, ведущую въ горѣ за виллой. И онъ узналъ, что Камилла любила гулять по утрамъ по этой дорожкѣ и это обстоятельство заставило его подняться раньше изъ постели. Любила-ли онъ Камиллу? Этого собственно нельзя было сказать, но она нравилась ему и онъ не прочь былъ жениться на ней, тѣмъ болѣе что она была единственной наслѣдницей богатой тетки своей, госпожи Молиторе. Сестра госпожи Молиторе была замужемъ за полковникомъ Теодоро и Камилла была единственною ихъ дочерью. Мать Камиллы умерла вскорѣ послѣ ея рожденія и полковникъ, оставшись вдовцомъ, охотно отправилъ дочь свою въ Триестъ, къ теткѣ ея, обѣщавшей назначить Камиллу единственною своею наслѣдницей. Аббатъ взялся доставить ее туда, зная, что у госпожи Молиторе можно хорошо поѣсть и сославшись на денежные дѣла въ Туринѣ. Полковникъ охотно принялъ это предложеніе.

Кавалеръ Нота, жившій въ Анконѣ, не замедлилъ послѣдовать за аббатомъ и за Камиллой, въ надеждѣ добиться съ помощью тетки руки Камиллы. Происходилъ онъ изъ хорошаго семейства, и поэтому тетка благосклонно смотрѣла

* См. „Восходъ“, кн. XI.

на его домогательства, не смотря на то, что онъ успѣлъ уже прожить все свое отцовское состояніе и жить одними только долгами. Это былъ красивый человѣкъ, съ правильными, романскими чертами лица, обрамленнаго шелковистыми черными волосами и такою же бородой. Будучи живаго темперамента, хорошо владѣя словомъ, легко впадалъ въ патетическій тонъ, какъ только вопросъ касался политики; онъ разъигрывалъ въ Триестѣ роль пламеннаго итальянскаго патриота, находившаго вполнѣ естественнымъ, что Триестъ долженъ принадлежать Италиі. Въ непродолжительное время онъ сдѣлался однимъ изъ видныхъ дѣятелей партіи такъ называемой „неискупленной Италиі“, стремившейся къ воссоединенію Триеста съ Италией и дѣлавшей это довольно открыто, такъ какъ австрійское правительство относилось къ этой агитаціи какъ-то снисходительно, и даже вяло.

До сихъ поръ Камилла относилась къ нему довольно равнодушно и не обращала вниманія на его разглагольствованія. Она вообще была скромнаго, мягкаго и молчаливаго характера. Выше всего она ставила музыку, а такъ какъ Франческо-ди-Нота обладалъ красивымъ басомъ, то они часто проводили время вмѣстѣ, причемъ онъ пѣлъ, а она аккомпанировала ему на фортепіано. Но тѣмъ не менѣе настоящаго сближенія между ними не происходило, и онъ поставилъ себѣ цѣлью во что бы то ни стало добиться его. Тетка также желала этого сближенія.

Онъ и рѣшился повести аттаву именно въ этотъ день. До свѣдѣнія его дошло, что правительство наконецъ таки рѣшилось приняться за политическихъ агитаторовъ, и это могло повести къ арестованію его, или же, по меньшей мѣрѣ, вынудить его бѣжать. Поэтому онъ счелъ нужнымъ, ни мало не медля, опредѣлить отношенія свои къ Камиллѣ.

Съ такими намѣреніями онъ шелъ мимо виллы, по тропинкѣ, которая вела на гору. Пройдя сорню, другую шаговъ, онъ повстрѣчался съ аббатомъ Сальво, какъ будто поджидавшимъ его и вытиравшимъ потъ съ лица. Небольшой, толстенькій человѣчекъ только что сдѣлалъ попытку прогуляться, но попытка эта не увѣнчалась успѣхомъ: ходьба

по неровной почвѣ очень утомила его, и онъ повернулъ назадъ, съ досадою кого-то и что-то ругая въ такихъ выражѣніяхъ, которыя какъ будто-бы и не пристали духовному лицу.

— Что васъ привело въ такое расположеніе духа! — спросилъ его Нота.

— А то, — отвѣтилъ онъ по-итальянски, — что докторъ мой — осель. Онъ требуетъ, чтобъ я каждый день гулялъ по крайней мѣрѣ часъ на свѣжемъ воздухѣ, иначе я слышкомъ разостлѣю и у меня разовьется удушье.

— Ну, такъ что-же! Быть можетъ онъ и правъ.

— Правъ, какъ-же? Одышка-то еще либо будетъ, либо нѣтъ, а бѣготня эта страшно утомляетъ меня уже безъ всякаго сомнѣнія. — А что, вы придете къ намъ завтракать.

— А развѣ Камилла уже вернулась домой?

— Вернулась. Она вздумала завтракать на балконѣ и поручила мнѣ позаботиться о томъ, чтобы въ завтраку были свѣжія устрицы и свѣжая-же морская рыба.

Дѣйствительно, они застали Камиллу уже дома. Одинъ слуга спускалъ маркизы надъ балкономъ, между тѣмъ какъ другой накрывалъ столъ.

— А вы сегодня еще не гуляли? — спросилъ синьоръ Нота Камиллу.

— Какъ-же, гуляла, и при этомъ со мною еще случилось приключеніе, — отвѣтила она.

— Какое приключеніе? — спросили въ одинъ голосъ Нота и г-жа Молиторе, появившаяся на балконѣ.

— Имѣйте терпѣніе. Сперва присядьте. Джіованне, подайте г-ну аббату устрицы. Видно, что онъ сильно проголодался.

— Вѣрно, вѣрно, милая барышня, — подтвердилъ аббатъ.

Приготовляя для него устрицы, которыя онъ жадно глоталъ, она стала весело рассказывать, какъ она встрѣтила на горѣ, подъ пламановымъ деревомъ, въ то самое время, когда она разучивала новый романсъ, какого-то молодого

человѣка, который, узнавъ, что она лишь съ трудомъ разбираетъ романсъ, тотчасъ-же разобралъ ноты и пропѣлъ романсъ.

— Какъ, Камилла! — воскликнула хозяйка дома, — да вѣдь ты-же не знаешь этого человѣка!

— Да, но я тотчасъ-же замѣтила, что у него чудный голосъ и что онъ поетъ отлично, даже лучше кавалера Нота. Послѣ завтрака мы споемъ съ вами этотъ романсъ, синьоръ Франческо.

— Чортъ побери! тутъ что-то да не ладно! — воскликнулъ Нота. — Я сегодня встрѣтилъ недалеко отъ виллы этого торгаша-еврея.

— Что это можетъ значить? — сказала и г-жа Молиторе. — Сегодня утромъ, когда я была еще въ постели, я слышала черезъ дверь голосъ этого еврея.

— Да, онъ былъ здѣсь, и отъ него-то я и получила этотъ романсъ.

— Такъ и есть! — воскликнулъ Нота; — встрѣчу эту устроилъ тотъ негодяй!

— Слышишь-ли Камилла?

— Ну вотъ еще! Синьору Франческо всюду мерцаютъ мошенники и шпионы. Молодой человѣкъ тотъ сидѣлъ такъ спокойно, что даже не замѣтилъ моего приближенія. Это я заставила его заговорить и пропѣть. Ахъ, тетушка, еслибы ты слышала, какъ онъ поетъ! Да и вы также г. аббатъ! У васъ такой тонкій слухъ. Узнайте, синьоръ Франческо, кто это былъ и приведите его къ намъ.

— Этого еще не доставало! — съ неудовольствіемъ говорилъ Нота. Недоволенъ онъ былъ тѣмъ, что это порученіе должно было помѣшать ему повести предположенный „приступъ“, который долженъ былъ послѣдовать въ то время, когда они останутся одни возлѣ пианино. Камилла очень хорошо понимала это, но ей доставляло удовольствіе подразнить его.

Послѣ завтрака, онъ однако-же, замѣтивъ, что у нихъ еще останется достаточно времени, чтобы заняться музыкой,

предложилъ Камиллѣ возвратиться въ комнату и сѣсть за пианино.

Вилла была выстроена квадратомъ и была очень помѣстительна. Въ числѣ другихъ комнатъ, въ ней была музыкальная зала, посреди которой стояло превосходное пианино. Эта комната служила также гостиной и была со вкусомъ мебелирована. Диваны и кресла изъ свѣтлаго дерева составляли красивый контрастъ съ темными обоями и такого же темно-красной обивкой мебели. Въ простѣнкахъ стояли громадные зеркала, и единственное широкое окно въ комнатѣ было заставлено комнатными растеніями, доходившими почти до потолка. Вслѣдствіе этого даже и среди дня въ комнатѣ царилъ пріятный полумракъ.

Камилла тотчасъ-же усѣлась за пианино, проговорила:— „прошу садиться“ и сыграла романсъ. Послѣ того она встала и пригласила Ноту разобрать и разучить романсъ. „А тѣмъ временемъ“,—прибавила она,—я пойду въ садъ и буду ждать, пока вы меня позовете.

— Ахъ нѣтъ, останьтесь здѣсь,—проговорилъ онъ умоляющимъ голосомъ. — Я имѣю сообщить вамъ нѣчто болѣе важное, чѣмъ этотъ романсъ!

— А для меня теперь самое важное—услышать этотъ романсъ,—отвѣтила она и вышла изъ комнаты.

На балконѣ, за столомъ, аббатъ мирно задремалъ, а тетка, съ выраженіемъ досады на лицѣ, глядѣла на море. Она обыкновенно бывала не въ духѣ, чтò происходило, быть можетъ, вслѣдствіе болѣзненности ея, которая мѣшала ей собирать вокругъ себя большое общество, причѣмъ она имѣла-бы случай похвастаться своимъ богатствомъ. Она была богата, но богатство это ей ни къ чему не служило. Она съ ужасомъ замѣчала, какъ ея и безъ того худенькая и маленькая фигурка, съ каждымъ днемъ становилась все болѣе и болѣе худюю, какъ лицо ея покрывалось морщинами, а волосы сѣдѣли. Даже говорить много ей было тяжело, такъ какъ она, подобно сестрѣ своей, страдала легкими. Сидя на балконѣ въ своемъ широкомъ, ярко-красномъ капотѣ, еще болѣе оттѣнявшемъ блѣдность ея лица, она

обратилась къ проходившей мимо ея Камиллѣ съ вопросомъ:—Зачѣмъ ты опять ушла отъ кавалера?

— Чтобы не мѣшать ему въ его музыкальныхъ занятіяхъ.

— Ты negliжируешь имъ, а, между тѣмъ, это настоящій кавалеръ, и къ тому-же красавецъ.

— Да, но мнѣ не нравится рѣзкій тонъ его разговоровъ.

— Что-же, онъ имѣетъ право говорить рѣзкимъ тономъ; вѣдь онъ въ полномъ смыслѣ слова—аристократъ. Словомъ, это вполне подходящая для тебя партія; я назначу тебя наслѣдницей моей только въ томъ случаѣ, если ты сдѣлаешь приличную партію. Быть можетъ, мнѣ уже скоро придется подумать объ этомъ, ибо я чувствую себя очень слабою.

— Перестаньте, тетуща! Къ чему вы это говорите! Вѣдь ваше здоровье замѣтно поправляется.

И съ этими словами она обняла и поцѣловала свою тетку, которой это было, повидимому, не неприятно. Она стала убѣждать Камиллу болѣе ласковымъ тономъ, чтобъ она привѣтливѣе относилась къ такому красивому молодому человѣку. При этомъ она до того увлеклась и заговорила такъ громко, что аббатъ проснулся и спросилъ:—Что это, пришелъ Шмуль, мой биржевой факторъ?

— Нѣтъ, А знаете-ли что, г. аббатъ; такому благочестивому человѣку, какъ вы, какъ будто не пристало вести дѣла съ жидомъ.

— Совершенно вѣрно.

— Вѣдь они все—обманщики.

— Да, да, они—исчадія ада.

— Ада?—спросила Камилла съ выраженіемъ испуга и сомнѣнія.

— Ну, конечно-же,—подтвердила г-жа Молиторе. Она выдавала себя за ярую католичку, считая это однимъ изъ признаковъ аристократизма, хоть собственно она принадлежала къ протестантской религіи. Затѣмъ она прибавила, обращаясь къ аббату:—Такъ какъ-же это, отецъ мой?

— А вотъ видите-ли, — проговорилъ аббать, — никто не способенъ такъ на биржевыя дѣла, какъ эти евреи. Меня просто удивленіе беретъ при видѣ того, какъ быстро этотъ Шмуль высчитываетъ вамъ проценты до послѣдней полушки.

Въ это время синьоръ Нота окликнулъ изъ гостиной Камиллу.

— Ага, г-нъ кавалеръ разучилъ романсъ, — проговорила Камилла, смѣясь, и вошла въ комнаты.

— Это прескучный романсъ, — сказалъ онъ, когда Камилла вошла въ комнату и стала съ неудовольствіемъ отбарабанивать интродукцію; затѣмъ онъ сталъ напѣвать его, очевидно нарочно фальшиво.

— Да вѣдь вы поете невѣрно, — воскликнула Камилла; — вотъ какъ нужно пѣть. — И она сама пропѣла это мѣсто.

— Э, да все равно! — небрежно проговорилъ онъ. — Вещь эта мнѣ положительно не нравится; она написана въ архи-нѣмецкомъ вкусѣ, а нашему брату это не по нутру. Бросьте эту нѣмецкую канитель; садитесь-ка лучше подлѣ меня.

И при этомъ онъ указалъ Камиллѣ на стоявшее подлѣ піанино кресло, и приступилъ къ задуманному имъ приступу, т. е. къ фразистому объясненію въ любви.

Но молодая дѣвушка не раздѣляла расположенія тетки своей къ синьору Нота; не смотря на молодость свою, она обладала достаточно самостоятельнымъ характеромъ. Когда онъ кончилъ свое объясненіе, она громко расхохоталась и сказала: — Э, да вы разучили это гораздо лучше, чѣмъ романсъ. Мнѣ такъ и кажется, что я слышу искусстваго актѣра.

Въ эту самую минуту въ комнату вошелъ слуга и подаль ей письмо, со словами: „По городской почтѣ“.

— Письмо? Ко мнѣ! Это отлично! А то я совсѣмъ не получаю писемъ; никто не удостоиваетъ меня своей корреспонденціи.

Она поднялась съ мѣста, всерyla пакетъ и стала чи-

тать письмо. Читатель, конечно, догадался, что то было письмо Моисея по поводу кавалера Нота.

Прочитавъ письмо, она взглянула на все еще сидѣвшаго на томъ-же мѣстѣ съ недовольной миной кавалера и сказала: — Нѣтъ, мнѣ нужно показать это письмо теткѣ.

Она вышла на балконъ и застала тетку свою за чтеніемъ втораго письма Моисея, въ которомъ онъ изображалъ синьора Ноту въ качествѣ ирредентиста и человѣка опаснаго въ политическомъ отношеніи.

То, что онъ принадлежалъ къ партіи „Iredenta“, уже давно было извѣстно ей и нисколько ее не удивляло, напротивъ, она даже ставила ему это въ заслугу. Хотя она, по рожденію своему, и была нѣмка, однако всѣ ея симпатіи лежали на сторонѣ Италіи; мало того — она готова была покинуть родную мать свою, для того чтобы служить дѣлу чуждаго ей народа. Впрочемъ и г-жа Мюллеръ-Молиторе сама принадлежала къ этой-же категоріи людей: въ домѣ ея говорили только по-итальянски, хотя она сама могла говорить только ломаннымъ итальянскимъ языкомъ, и все итальянское казалось ей прекраснымъ, даже и „общество ирредентистовъ“. Она находила вполне достойными сочувствія этихъ итальянскихъ заговорщиковъ, стремящихся къ отдѣленію Триента и всего Адриатическаго побережья отъ Австріи. Поэтому она, прочитавъ полученное ею письмо, ограничилась презрительнымъ восклицаніемъ и протанула руку къ письму, которое подавала ей Камилла.

Прочитавъ его, она вскочила съ кресла и вскрикнула: — Все это ничто иное какъ нѣмецкія интриги, нѣмецкая клевета, анонимная подлость! Оставь меня одну! — Аббатъ уже ушелъ, и она крикнула вслѣдъ уходящей Камиллѣ: — Скажи г. кавалеру, что я прошу его придти ко мнѣ!

— Сейчасъ, — отвѣтила Камилла, и просовокупила съ шаловливою серьезностью: — «А вѣдь онъ поетъ фальшиво». — Тетка сдѣлала недовольный жестъ и направилась въ домъ въ свою комнату.

Черезъ нѣсколько минутъ Нота появился въ ея богато-

убранномъ будуарѣ, блестящемъ позолотой и шелкомъ. Она сидѣла на диванѣ и жестомъ пригласила его сѣсть подлѣ нея; затѣмъ она передала ему оба письма.

— Какая низость! — воскликнулъ онъ, пробѣжавъ ихъ.

— А все-таки вамъ не слѣдуетъ пренебрегать этими предостереженіями. Правительство, кажется, не на шутку принялось за розыскиваніе неприятныхъ ему личностей, и вамъ все равно, рано или поздно, прійдется удалиться. Поговорите поэтому о будущемъ. Вы домогаетесь руки моей племянницы?

— Да, сударыня, это пламеннѣйшее мое желаніе.

— И вы при этомъ рассчитываете на приданое, которое получить отъ меня Камилла?

— О, сударыня!

— Къ чему это «О!» Вы принадлежите къ старому дворянскому роду, но у васъ нѣтъ состоянія, я же желаю для племянницы моей приличной партіи, такъ какъ и ея семейство, Теодоросы, принадлежатъ къ старинному дворянству: предокъ ея, знаменитый философъ Теодоросъ, былъ вызванъ изъ Греціи ко двору императора Марка Аврелія и осыпанъ почестями. Итакъ вы видите, что происхожденіе семейства ея едва-ли не древнѣе вашего. Къ тому же со временемъ Камилла сдѣлается моей наслѣдницей. Значитъ она — прекрасная партія, а я — согласна на вашъ бракъ.

Онъ съ жаромъ поцѣловалъ исхудалую руку ея.

— Теперь весь вопросъ въ томъ — столковались-ли вы съ Камиллой?

— Она еще колеблется, но...

— Но она еще очень молода и сама хорошенько не знаетъ, чего желаетъ. Наше дѣло — подумать за нее. Въ дворянскихъ семействахъ принято, чтобы глава семейства рѣшалъ судьбу всѣхъ его членовъ. Въ данномъ же случаѣ главой семейства являюсь я, такъ какъ отецъ ея поручилъ мнѣ заботу о ея судьбѣ, и мое рѣшеніе принято. Между нами будь сказано, молодой другъ мой, вамъ слѣдовало бы еще нѣсколько приналечь на музыку, ибо ребенокъ этотъ

просто помѣшался на пѣни; она будетъ гораздо ласковѣе съ вами, если вы будете пѣть безошибочно.

Итакъ... да, что такое я хотѣла сказать?

— Вы сказали, что рѣшеніе ваше принято.

— Совершенно вѣрно. Итакъ я согласна на вашу союзу и прежде всего я желаю формально обручить васъ. Привезите завтра утромъ съ собою вашего нотариуса; моего я также приглашу. Мы тотъ-часъ же составимъ проектъ брачнаго контракта и торжественно обручимъ васъ.

Послѣ этихъ словъ съ нею сдѣлался сильный припадокъ кашля и и она жестомъ пригласила кавалера, снова винувшегося цаловать ея руку, оставить ее одну. Не помня себя отъ радости, счастливый женихъ вышелъ изъ комнаты.

VI.

«Сегодня не выгорѣло, но завтра мы уже навѣрное отдѣлаемся отъ этаго Нота. Нужно только чтобы онъ получилъ письмо, въ которомъ придется измѣнить число».

Съ такими словами Моисей обратился къ своимъ братьямъ, стоя передъ домомъ ихъ. Послѣ того они всѣ трое вошли въ домъ и направились въ комнату Манассе. Последний вопросительно взглянулъ на Рувима, который лаконически отвѣтилъ ему: «Пиши!» Рувимъ былъ повидимому спокоенъ, твердо рѣшившись одобрять все, что могло сблизить его съ Камиллой.

Манассе сталъ писать, все еще измѣняя изъ предосторожности свой почеркъ, измѣнивъ и содержаніе письма въ томъ смыслѣ, что синьору Нота предстоитъ быть арестованнымъ на слѣдующій день.—«А необходимо это измѣненіе потому,—пояснялъ Моисей,— что этотъ франтъ лишь поздно вечеромъ возвращается домой. А такъ какъ у господина Манассе не хватаетъ мужества на то, чтобы собственноручно передать это письмо швейцару гостинницы, то мнѣ приходится раскошелиться и отправить письмо съ посыльнымъ, Самъ же я буду издали слѣдить за посыльнымъ, что-

бы удостовѣриться въ томъ, что письмо дѣйствительно будетъ отдано».

Слово «раскошелиться» заставило Рувима тутъ же вручить Моисею ассигнацію въ пять гульденовъ.

— Ну, а дальше что?—продолжалъ Моисей,—я полагаю, что куда не слѣдуетъ даже и показываться въ виллѣ. Пусть аббатъ подождетъ до завтра съ своими биржевыми дѣлами. А завтра пусть Манассе отправляется въ виллу и расскажетъ тамъ уже не объ итальянскомъ пѣвцѣ, остановившемся въ городской гостинницѣ, а о здѣшнемъ итальянцѣ, триестскомъ уроженцѣ, который сегодня вечеромъ роскошно пѣлъ въ одномъ частномъ обществѣ и освѣдомлялся о какомъ-то аббатѣ Сальви, о которомъ ему говорили, какъ объ одномъ изъ лучшихъ знатоковъ музыки; поэтому-де онъ не раньше будетъ считать себя виртуозомъ, какъ его услышитъ и похвалитъ этотъ аббатъ.

На этомъ и порѣшили. Рувимъ довольно легко помирился съ этой отсрочкой. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ говорилъ съ Камиллой, въ немъ увѣрилась увѣренность, что она ему все, что въ ней для него сосредоточивается весь міръ, и эта увѣренность придавала ему веселости и спокойствія. Онъ считалъ излишнимъ распространяться объ этомъ въ разговорахъ съ братомъ и съ овабоченной относительно него матерью, и на тревожные разспросы послѣдней отвѣчалъ, улыбаясь: «Тревогамъ и безпокойству теперь уже нѣтъ мѣста въ моей душѣ. Я спокоенъ. Не нарушайте спокойствія моего ненужными разспросами».

Передъ наступленіемъ времени для чтенія талмуда, онъ сидѣлъ въ гостиной за фортепіано и разыгрывалъ на немъ разныя фантазіи. Когда въ комнату вошла его мать онъ, взглянувъ на нее, сказалъ:—музыка—это самое лучшее утѣшеніе. Я взялъ на прокатъ фортепіано, которое я намѣренъ поставить въ моей комнатѣ, а если оно окажется хорошимъ, я и куплю его.

Мать взглянула на него съ удивленіемъ. Ее удивило не желаніе его купить рояль, ибо она знала, что Рувимъ уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ велъ самостоятельныя дѣла

на биржѣ, и притомъ довольно успѣшно, что вообще онъ былъ весьма практичный молодой человѣкъ; но онъ въ этотъ вечеръ показался ей какимъ-то особенно взволнованнымъ и страннымъ.

Когда пришелъ отецъ, онъ поворно усѣлся за столъ и не дѣлалъ никакихъ замѣчаній по поводу очереднаго изреченія талмуда. А между тѣмъ это было именно такого рода изреченіе, которое особенно легко могло бы вызвать замѣчанія, и потому старикъ Авраамъ съ удивленіемъ поднялъ глаза отъ книги, видя, что Рувимъ молчитъ. Затѣмъ, окончивъ чтеніе талмуда и поднимаясь съ своего мѣста, Авраамъ покачалъ головою и какъ бы вопросительно поглядѣлъ на своего старшаго сына; продолжая покачивать головою, онъ вышелъ изъ комнаты, въ то время какъ Рувимъ подошелъ къ фортепіано и запѣлъ псалмы. Онъ въ этотъ вечеръ пѣлъ съ большимъ чувствомъ, чѣмъ когда-либо, и мать настояла, чтобъ онъ превратилъ пѣніе, находя, что онъ разстраиваетъ свои нервы.

Вмѣсто того, чтобы подняться въ свою комнату, онъ вышелъ изъ дому и снова направился къ виллѣ, которая притягивала его также, какъ магнитъ желѣзо. Онъ не рассчитывалъ увидѣть ее въ этотъ часъ, но ему хотѣлось быть вблизи нея. Онъ, не смотря на дождь, сталъ рассказывать по дорожкѣ передъ вилой. Домой онъ возвратился промокшій, но веселый.

На слѣдующее утро онъ не успѣлъ еще встать, какъ принесли заказанное имъ фортепіано. Онъ велѣлъ поставить его посреди комнаты и настроить его; а когда носильщики и настройщикъ ушли, онъ всталъ изъ постели и принялся играть. Вскорѣ пришелъ Манассе и объявилъ, что только что у него былъ Моисей съ извѣстіемъ, что письмо синьору Нотѣ передано по назначенію, но что онъ прочтетъ его вѣроятно только около полудня, потому что имѣетъ привычку долго спать. Поэтому сегодня еще слѣдовало остерегаться этого итальянца. Объ эту же пору Манассе собирался пойти къ аббату и объявить ему, что одинъ замѣчательный пѣ-

вещь желаетъ пѣтъ въ его присутствіи. Онъ просилъ брата подождать его возвращенія, на что тотъ и согласился.

Однако онъ не сдержалъ своего обѣщанія, а, одѣвшись, подошелъ къ полкѣ, на которой лежали ноты и выбралъ изъ нихъ одну тетрадку. Сложивъ ее и засунувъ въ боковой карманъ, онъ пошелъ по направленію,—да по какому же направленію можетъ идти влюбленный, какъ не по направленію къ жилищу его возлюбленной, единственной его цѣли.

Дождь прекратился, но такъ какъ солнце скрывалось за тучами, то онъ вывелъ изъ этого заключеніе, что Камила воспользуется благопріятной погодой для прогулки по горной тропинкѣ. Онъ поднялся на-верхъ и усѣлся на вчерашнемъ своемъ мѣстѣ, на скамейкѣ подъ платановымъ деревомъ. Онъ твердо рѣшился ждать и ждать, хотя бы пришлось прождать до солнечнаго заката. Скучать было для него невыносимо, такъ какъ мысль о возлюбленной занимала все его существованіе, и онъ не отчаявался бы, если бы Камила даже совсѣмъ не пришла бы.

Повидимому его ожиданія дѣйствительно казались напрасными. Ей въ это утро было не до прогулокъ. Наканунѣ вечеромъ тетка ея призвала ее въ свою комнату и сообщила ей, что на завтра назначена помолвка ея съ кавалеромъ Нота.

— Какъ же это такъ?—воскликнула Камила. — Вѣдь для этого требуется еще и согласіе отца!

— Отецъ твой согласенъ,—объявила тетка.

— Это мнѣ неизвѣстно. Необходимо списаться съ нимъ,—возразила Камила.

Она говорила совершенно спокойно, но твердо. Не смотря на свою молодость, она обладала необыкновенною стойкостью и не любила подчиняться чужимъ внушеніямъ и вліяніямъ.

Тетка объявила, что считаетъ отправку письма въ Анкону совершенно излишнимъ, такъ какъ ей одной, теткѣ Камиллы, предстоитъ забота о ея будущности, но Камила стояла на своемъ. Тогда тетка очень разсердилась и воскликнула: «Неблагодарное созданіе! Ты видишь, какъ я

больна, а еще сердись меня! Но тѣмъ не менѣе я не перестаю заботиться о твоей участи. Завѣщаніе мое уже составлено и завтра, въ случаѣ заключенія контракта оно окончательно обезпечитъ твою будущность. Подумай хорошенько и будь завтра умница. Ты еще слишкомъ мало знаешь свѣтъ и нуждаешься еще въ руководствѣ. Вѣдь ты же никого не любишь? Къ чему же въ такомъ случаѣ проволочки?

Съ этими словами тетя отпустила ее и Камилла ушла отъ нея въ задумчивости. Она, въ первый разъ въ жизни, провела безпокойную ночь и встала со словами: — «Нѣтъ, я его не люблю». И затѣмъ она сѣла къ письменному столу и написала отцу своему, что она не желаетъ сдѣлаться женою этого человѣка.

Запечатавъ письмо и написавъ адресъ, она подошла къ окну, чтобы посмотрѣть, идетъ-ли еще дождь, а такъ какъ дождь прекратился, то она, желая нѣсколько разсѣяться, рѣшилась выйти погулять, и она пошла по обычной своей дорожкѣ.

Рувимъ, замѣтивъ ея приближеніе, пошелъ къ ней на встрѣчу, привѣтствуя ее по итальянски: онъ убѣдился накануне въ томъ, что она не совсѣмъ свободно говоритъ по нѣмецки, а самъ онъ отлично владѣлъ итальянскимъ языкомъ. Ее, повидимому, нисколько не удивило его присутствіе. И она, улыбаясь, спросила его—о, въ какое восхищеніе привела его эта улыбка!—нѣтъ-ли у него какого-нибудь новенькаго романа?

— Какъ же, есть, и притомъ таковой, который вамъ, безъ сомнѣнія, понравится.

— Мнѣ? почему же?

— Потому что въ немъ восхваляется ваша родина, Италия, и слова къ нему написаны однимъ изъ лучшихъ нашихъ поэтовъ. И онъ опять посторонился, чтобы дать ей пройти къ скамейкѣ; на этотъ разъ онъ отступилъ назадъ не по направленію къ скамейкѣ, а по направленію къ обрыву, и споткнулся. Она вскрикнула и протянула руку, чтобы удер-

жать его. Онъ весь задрожалъ отъ счастья. Затѣмъ она прошла нѣсколько шаговъ впередъ и усѣлась на скамейку.

— Ну, заговорила она, — дайте-ка послушать вашъ новый романсъ.

— Онъ не такъ простъ, какъ вчерашній, и въ тому же для него необходимъ аккомпаниментъ, — сказалъ онъ, вынимая нотный листъ и садясь возлѣ нея.

— Хорошо, пропойте-ка!

Онъ пропѣлъ въ полъ-голоса извѣстный романсъ:

«Ты знаешь ли тотъ край, гдѣ зрѣть померанецъ,
Гдѣ золотить лимонъ зари живой руманецъ?»

— Италия! — воскликнула она, и прибавила по окончаніи куплета: — «Однако, музыка не итальянская».

— Я вамъ уже сказалъ, что здѣсь нуженъ аккомпаниментъ. Жаль, что нѣтъ фортепіано.

— Но у насъ на виллѣ прекрасный рояль, и г. аббатъ былъ бы такъ радъ...

— Какой аббатъ? Аббатъ Сальви?

— Да. А вы развѣ знакомы съ нимъ?

— Нѣтъ, не знакомъ, но я былъ бы очень радъ познакомиться. Говорятъ, что онъ — отличный музыкантъ.

— Да у него очень хорошій слухъ и онъ недурно играетъ на віолончели. Какъ разъ въ то время, когда я уходила, онъ игралъ въ гостиной. Пойдемте скорѣй, быть можетъ мы его еще застанемъ.

Еще бы не воспользоваться, такимъ предложеніемъ наивной дѣвушки! Камилла быстрыми шагами направилась къ виллѣ, а онъ шелъ за нею. Вскорѣ они очутились въ гостиной. Дорогою они почти вовсе не разговаривали, только Камилла нѣсколько разъ воскликнула, смѣясь: — «Ахъ какъ будетъ доволенъ аббатъ, услышавъ пѣніе по-нѣмецки!» Рувимъ же все время молчалъ, опасаясь, какъ бы какое-нибудь необдуманное его замѣчаніе не заставило Камиллу остановиться.

Они дѣйствительно застали аббатика сидящимъ возлѣ фортепіано и наигрывающимъ на своемъ віолончели, почти такъ-

же большомъ, какъ и онъ самъ. Приходъ ихъ не заставилъ его прекратить игру свою; онъ выводилъ каѳое-то чувствительное адажіо, помахивая въ тактъ своей головкой. Только окончивъ свое адажіо, онъ поднялъ голову къ верху и посмотрѣлъ на вошедшихъ разсѣяннмъ взоромъ.

— Нашъ вчерашній пѣвецъ, достопочтенный отецъ,— сказала Камилла.— Овазывается, что онъ горячій почитатель великаго музыканта, аббата Сальви. Онъ непремѣнно желалъ услышать вашу игру и затѣмъ пропѣтъ нѣмецквій романсъ, въ которомъ прославляется наша Италия.

— Но преждо всего онъ позволяетъ себѣ просить васъ,— вставилъ свое слово Рувимъ,— повторить это восхитительно исполненное адажіо.

— Очень охотно,— сказалъ аббатъ и снова заигралъ свое адажіо, по-прежнему помахивая головой.

Камилла и Рувимъ точно сговорившись, рассыпались въ похвалахъ и громко аплодировали, когда онъ кончилъ, и аббату даже не пришло на умъ спросить—кто этотъ незнакомецъ? Ему не было до того ни малѣйшаго дѣла: онъ упивался звуками своего инструмента.

— А теперь,— воскликнула Камилла,— теперь послушайте новый романсъ, а затѣмъ мы исполнимъ всѣ вмѣстѣ ваше послѣднее тріо для фортепіано, віолончели и голоса, которое лежитъ вонъ тамъ, на полѣ. До сихъ поръ мы не могли исполнить, такъ какъ Нота поетъ фальшиво.

— Отлично, отлично! Итакъ сперва романсъ, а затѣмъ мое тріо.

Рувимъ положилъ ноты на пюпитръ рояля, сѣмпровизировалъ интродуцію и сталъ играть текстъ. Камилла стояла слѣва отъ него, аббатъ вмѣстѣ съ своимъ віолончелемъ, пододвинулся справа. Затѣмъ Рувимъ запѣлъ: «Ты знаешь ли тотъ край» и т. д. Этотъ невѣдомый и желанный край въ настоящее время представляла для него Камилла, и поэтому онъ пѣлъ съ такимъ выраженіемъ, которое произвело сильное впечатлѣніе на обоихъ слушателей, хотя аббатъ не понималъ изъ текста ничего, кромѣ словъ «миртъ» и «померанецъ», которыя онъ не переставалъ повторять въ полъ-голоса. По

окончаніи перваго куплета онъ воспеликнулъ: «Странно, странно! Совсѣмъ не похоже на нашу музыку, а все же музыкально!»

— Продолжайте, продолжайте! — шопотомъ проговорила Камилла, очевидно сильно взволнованная. Она понимала слова, которыя, независимо отъ музыки, очевидно производили на нее сильное впечатлѣніе. При словахъ:

Портреты мнѣ въ глаза такъ пристально глядятъ;
«Что случилось съ тобой, бѣдняжка?» — говорить,

она схватила за сердце и большіе, красивые глаза ея наполнились слезами.

Когда онъ кончилъ пѣть, всѣ нѣкоторое время молчали. Онъ взглянулъ на нее влюбленными взорами и ея, полные слезъ, глаза какъ бы отвѣчали на вопросъ его. Затѣмъ она одобрительно кивнула ему головой и наконецъ проговорила: — «Восхитительно! Совершенно не похоже на наши пѣсни, а между тѣмъ такъ и хватаетъ за душу».

— Да, странно, — проговорилъ аббатъ. — Но теперь...

— Да, да, отецъ мой, теперь примемся за ваше тріо.

Она принесла ноты и разложила ихъ передъ Рувимомъ. — «Я прошу только нѣсколькихъ минутъ для прочтенія нотъ,» — сказалъ онъ, а она замѣтила: — «понятно.» — Аббатъ снова повернулъ свой стулъ въ прежнемъ направленіи, настроилъ свой виолончель, пропѣлъ въ полъ-голоса какую-то мелодію и затѣмъ кивнулъ головою въ сторону Рувима, какъ бы желая связать Камиллѣ: — «Спасибо тебѣ за то, что ты привела ко мнѣ этого исполнителя моего сочиненія».

Рувимъ сталъ потихоньку наигрывать на клавишахъ мелодію, впрочемъ очень легкую, нѣсколько разъ спросилъ, тутъ-ли долженъ вступить голосъ, и, по полученіи необходимыхъ разъясненій отъ аббата, взялъ сильный аккордъ, воспеликнувъ: «виолончель». Аббатъ заводилъ смычкомъ.

Благодаря прирожденнымъ музыкальнымъ способностямъ Рувима, пѣніе и фортепіанный аккомпанементъ шли гладко, безъ запины, а такъ какъ и аббатъ постоянно выступалъ во время съ своею виолончелью, то исполненіе прошло очень

недурно. Камилла захлопала руками, крича: «браво, браво!», а аббать, чуть не плача отъ радости, кинулся Рувиму на шею.

Въ эту самую минуту въ комнату вошелъ слуга и объявилъ, что г-жа Молиторе, которая чувствуетъ себя нездоровой и слегла въ постель, просить г. аббата и синьорину Камиллу немедленно прійти къ ней. При этомъ онъ пояснилъ, что получено письмо отъ г. кавалера Нота и что, по всей вѣроятности, это-то обстоятельство побудило ее пригласить къ себѣ господъ.

Аббать и Камилла поспѣшили исполнить желаніе г-жи Молиторе. Уходя, аббать сказалъ, обращаясь къ Рувиму:— «Вѣдь вы завтра опять пожалуйста къ намъ для совмѣстнаго исполненія тріо? Не такъ ли»? Понятно, что Рувимъ поспѣшилъ отвѣтить утвердительно. Камилла же, подавая ему руку, проговорила:— «Итакъ до свиданія».

Они до того спѣшили исполнить желаніе старухи, что вышли изъ гостиной ранѣе Рувима. При этомъ они не закрыли за собою дверь, и медленно направлявшійся къ выходу Рувимъ въ удивленіи остановился на дорогѣ, увидѣвъ въ прихожей своего брата Манассе, который поклонился аббату, вынимая изъ кармана какия-то бумаги. Но аббать, проходя мимо него, проговорилъ:— «Подождите, милѣйшій, подождите, я сейчасъ возвращусь. Вотъ-то великій талантъ»,— прибавилъ онъ, указывая на Рувима.

Манассе, не менѣе удивленный, чѣмъ Рувимъ, при видѣ своего брата, не настолько, однако, растерялся, чтобы забыть условленное имя, и переспросилъ:— вѣроятно синьоръ Самуэли?

— Да, да,— отвѣтилъ аббать на ходу;— я сейчасъ возвращусь.

Камилла, поднимавшаяся вмѣстѣ съ нимъ по лѣстницѣ, услышала имя «Самуэли» и сказала, сдѣлавъ ему привѣтливый жестъ рукою:— «Итакъ, синьоръ Самуэль, завтра, объ эту же пору».

Манассе, разинувъ ротъ, глядѣлъ на Рувима и наконецъ шепотомъ спросилъ его:— «Какимъ образомъ ты попалъ сю-

да? — Рувимъ шепотомъ же объяснилъ ему, какъ это случилось, и прибавилъ: — «Не распространяйся объ итальянскомъ пѣвцѣ, какъ предложилъ Моисей. Только если аббатъ будетъ спрашивать, отвѣчай, что это богатый диллетантъ».

Въ это время съ лѣстницы спустился лакей, чтобъ объявить Манассе, что аббатъ проситъ его на верхъ, въ свою комнату, а Рувимъ вышелъ изъ дому.

VII.

Когда аббатъ и Камилла вошли въ комнату г-жи Моли-торе, она сидѣла на своей кровати. Она держала въ рукѣ какое-то письмо и бранила австрійское правительство, не скупясь на выраженія.

— Наши глупыя власти, — обратилась она къ вошедшимъ, хотятъ сегодня же вечеромъ арестовать кавалера, какъ онъ самъ мнѣ пишетъ. Поэтому ему необходимо тотчасъ же уѣзжать и онъ не можетъ прибыть сюда для обрученія. Вѣроятно, онъ не успѣлъ еще уѣхать. Велите сейчасъ же запрягать, г. аббатъ и поѣзжайте въ Городскую гостинницу. Если вы его еще застанете, — теперь нѣтъ еще и 12 часовъ, — то привезите его сюда вмѣстѣ съ его поклажей. Онъ можетъ прожить совершенно безопасно у насъ въ мезонинѣ, хотя бы до завтрашняго дня. Пожалуйста, г. аббатъ, сдѣлайте это для вашего соотечественника.

Аббатъ сильно перетрусилъ, — онъ вообще былъ не изъ храбраго десятка, — и запинаясь, объявилъ, что онъ, будучи самъ иностранецъ, не можетъ идти напереворъ мѣстному правительству.

— Ну, такъ садитесь скорѣе вонъ тамъ, за мой письменный столъ, и напишите ему то, что я вамъ сказала.

Онъ повиновался хотя и неохотно, соображая, что его почеркъ легко могъ бы быть узнанъ. Но тѣмъ не менѣе онъ написалъ то, что она продиктовала ему.

А теперь, — продолжала она, — поѣзжайте въ городъ и отдайте письмо швейцару гостинницы съ тѣмъ, чтобъ онъ немедленно вручилъ его кавалеру, и дайте ему побольше на чай.

— Нѣтъ, и это не годится: это могло бы обратить на себя вниманіе.

— Такъ какъ же быть, г. аббатъ.

— Нашель, нашель! Тамъ внизу ждетъ меня мой биржевой факторъ. Это молодой парень, съ прыткими ногами. Я поручу ему отнести письмо.

— Ну, и отлично. Такъ скорѣе же!

Аббатъ спустился къ Манассе и попросилъ его отложить биржевое дѣло до слѣдующаго дня. — «Вѣдь оно находится въ хорошемъ положеніи?»

— Въ отличномъ.

— Въ такомъ случаѣ не ходите на биржу: а отдайте скорѣе это письмо швейцару Городской гостинницы, Манассе взглянулъ на адресъ, тотчасъ же вспомнилъ о Моисеѣ, взялъ письмо и поспѣшно удалился.

Онъ засталъ Моисея въ книжной лавочкѣ Фейтля, — самъ Фейтль углубился въ разсматриваніе своего каталога, — разсказалъ ему, въ чемъ дѣло, и попросилъ его совѣта.

— Что дѣлать? Да ничего, — отвѣтилъ Моисей смѣясь. — Развѣ что прочесть письмо.

— Ну вотъ! Развѣ это возможно! Вѣдь я же отвѣчаю за аккуратную доставку его.

— Какое тамъ доставка! Вѣдь этаго шалопа-кавалера давно уже и слѣдъ простылъ.

— Почему знать? А когда я завтра приѣду на виллу, меня спросятъ относительно письма. И если тогда Рувимъ...

— Потихе, Фейтль слушаетъ, — прервалъ его Моисей, и, выйдя съ нимъ на улицу, сказалъ съ досадой:

— Охота вамъ была распространяться о Рувимѣ и о виллѣ въ присутствіи этого стараго ханжи Фейтля! Что же касается вашихъ возраженій, то позвольте вамъ сказать, что все это вздоръ. Говорятъ вамъ, что тотъ Нота уѣхалъ. Ну хотите, я сейчасъ пойду къ швейцару, и если тотъ подтвердитъ, что кавалеръ уѣхалъ, то вамъ, понятнo, нельзя будетъ отдать письма и вы завтра отнесете его обратно на виллу. Такъ идите же!

Дорогою Манассе разсказалъ Моисею, что онъ засталъ Рувима на вилѣхъ, и притомъ въ видѣ желаннаго гостя.

— Да, любовь—это пречудная вещь! воскликнулъ Моисей.—Для человѣка влюбленнаго смазливое личико дороже милліона гульденовъ, хотя бы въ самыхъ настоящихъ ассигнаціяхъ. И тогда на нашего брата и на наши совѣты не обращаютъ ни малѣйшаго вниманія, какъ бы послѣдніе ни были благоразумны. Любовь слѣпа и знать не хочетъ никакихъ совѣтовъ. Просто хотъ съ голода умирай! Пойдите, пойдите! Швейцаръ стоитъ у подъѣзда. Отстаньте немного. Не нужно, чтобъ онъ видѣлъ насъ вмѣстѣ.

Онъ ждалъ, что тотъ отвѣтитъ ему:—«онъ уже уѣхалъ»,—но вмѣсто того швейцаръ отвѣтилъ ему недовольнымъ тономъ.

— Въ одиннадцатомъ номерѣ.

Моисей не ожидалъ такого отвѣта, и, растерявшись, онъ сразу не нашелся, что сказать и какъ поступить, такъ что, наконецъ, швейцаръ самъ окликнулъ его словами:—«Ну, такъ что же, жидъ?»

Тутъ только Моисей пришелъ въ себя и сказалъ:—«я сейчасъ пойду къ нему».—Но вмѣсто того, чтобъ войти въ гостинницу, онъ поспѣшно пошелъ дальше, а Манассе послѣдовалъ за нимъ. Когда Моисей сообщилъ ему отвѣтъ швейцара, Манассе сказалъ:—«Если онъ еще не уѣхалъ, то мнѣ слѣдуетъ отдать ему письмо».

— Нѣтъ, нѣтъ!—воскликнулъ было Моисей; но Манассе, съ добросовѣстностью дѣловаго человѣка, дѣйствительно повернулъ назадъ и передалъ швейцару письмо для врученія его по принадлежности. Швейцаръ принялъ его, не говоря ни слова, и ушелъ въ гостинницу.

Перейдя на другую сторону оживленной площади, для того чтобы снова не попасться на глаза швейцару, Моисей старался не терять изъ виду удалявшагося Манассе и догналъ его лишь невдалекѣ отъ дома Шмуля.

— А знаете-ли, что я этому не вѣрю, не вѣрю! громко заговорилъ онъ.

— А я вѣрю, и намъ слѣдуетъ предупредить Рувима.

Они застали Рувима, сидѣвшимъ въ своей комнатѣ за письменнымъ столомъ и писавшимъ что-то въ своемъ дневникѣ, который онъ завелъ себѣ наканунѣ, хотя самъ же онъ до сихъ поръ постоянно смѣялся надъ обычаемъ вести дневники. Теперь онъ заносилъ въ дневникъ всѣ ощущенія, испытанныя имъ при видѣ Камиллы, всякое, произнесенное ею, слово, всякую улыбку, всякое опусканіе или подниманіе глазъ. И все это сопровождалось самымъ подробнымъ описаніемъ ея наружности: ея, рассыпавшихся кудрями, золотистыхъ волосъ, ея большихъ глазъ съ длинными рѣсницами, ея точно выточенный, правильный носъ, ея небольшой, улыбающийся ротъ, съ ослѣпительно-бѣлыми зубами, ямочки на ея розовыхъ щекахъ и на правильномъ подбородкѣ, появлявшіяся, когда она смѣялась, ея стройный станъ, ея красивую ручку, ея мягкія движенія. И описанія всѣхъ красотъ ея онъ, никогда не писавшій стиховъ, перемежалъ стихами своего собственнаго сочиненія.

Онъ едва поднималъ голову, когда въ его комнату вошли Манассе и Моисей и объявили ему, что кавалеръ не уѣхалъ и что, значить, завтра ему нельзя отправляться на виллу. Въмѣсто всякаго отвѣта, Рувимъ всталъ, подошелъ къ фортепіано и заигралъ какой-то торжественный маршъ. Онъ былъ какъ будто не отъ міра сего, ничего не слышалъ и не видѣлъ, ни о чемъ не думалъ, кромѣ о любви своей.

Моисей сталъ съ досады размахивать руками и проговорилъ раздраженнымъ тономъ:—Да поймите же, господинъ Рувимъ, что все пошло прахомъ, что все кончено, если этотъ Нота застанетъ васъ на виллѣ. Онъ не преминетъ воскликнуть:—«Да вѣдь это жидъ! Какимъ образомъ попалъ сюда жидъ?» — И всѣ остальные тотчасъ же примутся ему вторить:—«Вонъ жидъ!» А Камилла, прійдя въ ужасъ отъ мысли, что она фамиллярно обращалась съ жидомъ, схватится за четки и станетъ замаливать великое свое прегрѣшеніе. Вѣдь вести съ жидомъ общеніе — это грѣхъ, г. Рувимъ.

Рувимъ игралъ все громче и громче свой торжественный маршъ.

Моисей и Манассе молчали въ смущеніи. и первый сказалъ на ухо послѣднему: — «Вотъ что значить быть влюбленнымъ! Нашъ братъ перестаетъ уже быть человѣкомъ; на него смотреть, какъ на животное. пойдите-ка, г. Манассе. Намъ слѣдуетъ позаботиться о немъ; онъ самъ не въ состояніи этого сдѣлать».

Они вышли изъ комнаты и условились, что Манассе на слѣдующее утро выйдетъ изъ дому пораньше, когда Рувимъ еще не встанетъ, чтобы вывѣдать у аббата, полученъ-ли былъ отвѣтъ на письмо и находится-ли Нота еще въ Триестѣ. Если онъ еще не уѣхалъ, то ничего больше не останется, какъ связать Рувима по рукамъ и по ногамъ. — «Но только отправляйтесь пораньше, г. Манассе, — заключилъ Моисей свои наставленія; — вѣдь братецъ вашъ въ состояніи побѣждать до солнечнаго восхода».

Такъ оно дѣйствительно и случилось. Когда Манассе на слѣдующее утро, часовъ въ девять, вошелъ въ комнату своего брата, въ ней уже никого не было: Рувимъ успѣлъ уже уйти.

Бѣднѣе Манассе! Для него всѣ эти романческія затѣи были дѣломъ совершенно чуждымъ и непонятнымъ и внушали ему немалую тревогу; а между тѣмъ любовь къ брату все же побуждала его принимать участіе во всемъ этомъ дѣлѣ. Онъ побѣждалъ къ Моисею, котораго онъ опять засталъ въ лавкѣ Фейтля. — «Рувимъ уже ушелъ!» — воскликнулъ онъ. — «Что теперь дѣлать!»

— Я уже говорилъ вамъ, чтобы вы не болтали въ присутствіи Фейтля», — проговорилъ тотъ и вышелъ вмѣстѣ съ нимъ.

— Что теперь дѣлать? — повторилъ Манассе.

— А большо ничего, какъ, несмотря на ранній часъ, отправиться къ аббату и узнать отъ него, находится-ли кавалеръ еще въ Триестѣ. Идемте!

И они пошли къ виллѣ. Манассе вошелъ въ домъ, а Моисей остался дожидаться его на камнѣ.

По прошествіи минутъ 15-ти Манассе вышелъ изъ виллы. — „Ну?“ — Манассе пожалъ плечами. Оказалось, что аббатъ не обратилъ никакого вниманія на намеки Манассе;

а вѣдь, казалось, намеки эти были весьма прозрачны: онъ объяснилъ аббату, что передалъ письмо швейцару гостиницы и что тотъ его принялъ; «значить», — смѣло прибавилъ Манассе, — г. кавалеръ еще не уѣхалъ». Аббатъ не обратилъ вниманія на этотъ полувопросъ, а только сказалъ: «Благодарю за исполненіе порученія», и перешелъ къ биржевымъ дѣламъ.

— Вотъ тебѣ разъ! Значить, намъ по-прежнему ничего неизвѣстно! А что, братецъ вашъ былъ тамъ?

— Не думаю. По-крайней мѣрѣ въ гостиниой все было тихо.

— А, вотъ и онъ самъ!

Рувимъ спускался по тропинкѣ изъ-подъ платановаго дерева, гдѣ онъ просидѣлъ, погруженный въ мечты свои, съ самаго разсвѣта, не то что поджидая Камиллу, а просто мечтая о ней, восхищаясь прекраснымъ утромъ вблизи ея и глядя на горы и на море. Никогда еще онъ такъ не восхищался красотами природы, какъ теперь, когда сердце его было преисполнено невыразимаго блаженства.

Онъ спокойно выслушалъ сдѣланное ему сообщеніе, что ему не слѣдуетъ входить въ виллу, такъ какъ относительно кавалера ничего положительнаго неизвѣстно. — «Не слѣдуетъ упускать ни единого часа», — возразилъ онъ, — «въ теченіе котораго можно пользоваться счастьемъ, хотя бы и угрожала опасность. Счастіе — несомнѣнно, опасность — только возможна». — И, сказавъ это, онъ вошелъ въ виллу.

Почесавъ себѣ въ рыжевато-сѣдыхъ волосахъ, Моисей сказалъ: — «Теперь намъ ничего больше не остается, какъ подождать здѣсь кавалера, и, если онъ покажется, такъ или иначе не допустить его въ виллу, или же, по меньшей мѣрѣ, своевременно вызвать оттуда Рувима. Тамъ мы ужъ посмотримъ, какъ это сдѣлать. Нешто сказать, что на виллѣ появилась чума, а вы поскорѣ побѣжите туда за братомъ вашимъ. Да, да, нелегкую задачу задалъ намъ г. Рувимъ! Но что же дѣлать! Вотъ скамейка: присядемъте-ва на нее и поговоримъ хоть о томъ, слѣдуетъ-ли ожидать на

сегодняшній день повышенія или паденія кредитныхъ облигацій.

— Конечно, онѣ поднимутся, — сказалъ Манассе. — «Нѣтъ, упадутъ» — утверждалъ Моисей, садясь на свамейку?

Тѣмъ временемъ Рувимъ увѣренными шагами лунатива вошелъ въ виллу и сказалъ слугѣ: — «Г. аббать пригласилъ меня прійти къ нему сегодня. Доложите ему, что я жду его въ гостиной.»

— И, войдя въ гостиную, онъ усѣлся за фортепiano и снова заигралъ свой торжественной маршъ. Услышавъ приближающіеся шаги, онъ немедленно перешелъ въ адажіо концерта для віолончели. Онъ узналъ шаги аббата и желалъ доставить ему этимъ удовольствие.

— Bravo, bravissimo! — воскликнулъ тотъ радостнымъ голосомъ, и прибавилъ, обращаясь къ слугѣ: — «Позовите сейчасъ синьорину Камиллу. Скажите, что пришелъ синьоръ Самуэли и чтобъ она принесла мои ноты».

— Я написалъ новое «вапричіо», — продолжалъ онъ, обратившись къ Рувиму, — «второе мы сейчасъ же и разыграемъ. Синьорина Камилла разучиваетъ теперь свою партію для голоса».

И затѣмъ онъ сталъ объяснять Рувиму, слушавшему его съ большимъ вниманіемъ, характеръ сего новаго музыкальнаго произведенія, пока въ комнату не вошла Камилла.

— Очень любезно съ вашей стороны, синьоръ Самуэли, что вы пришли такъ рано, — сказала она, улыбаясь, и подала Рувиму руку. Онъ пожалъ ее, но не поцѣловалъ, полагая, что это показалось бы черезъ-чуръ фамильярнымъ для такого недавняго знакомства. Къ тому же на него неприятно подѣйствовали слова «синьоръ Самуэли»: ему неприятна была всякая ложь, въ виду столь истиннаго чувства,

Они тотчасъ же принялись за музыку, но ихъ скоро прервали: въ комнату влетѣла г-жа Модиторе въ довольно полномъ неглиже, держа въ поднятой рукѣ какую-то бумагу.

— Напастъ за напастью! — воскликнула она. — На, Ка-

мила, прочти эту телеграмму изъ Анконы! Отецъ твой упалъ съ лошади и сильно расшибся.

Камилла вскрикнула, дрожа всѣмъ тѣломъ прочла телеграмму, выронила ее изъ рукъ, и, разразившись рыданіями направилась къ выходу, восклицая:—«Къ нему! Скорѣе къ нему!»

— Я такъ и думала, — сказала г-жа Молиторе.— Она безъ ума любитъ своего отца. А теперь, г. аббатъ, теперь... Но тутъ только она замѣтила Рувима, отошедшаго въ сторону, оглянула его съ головы до ногъ и рѣзко спросила, снова обращаясь къ аббату:—«Кто этотъ господинъ?»

— Синьоръ Самуэли, замѣчательный пѣвецъ.

— Ааа! Вотъ что, г. аббатъ: вѣдь нельзя же отпустить молодую дѣвушку одну. Вы должны проводить ее. Да и соберитесь скорѣе, потому что она не захочетъ ждать. Сборъ ея недолгъ.

— Скорѣе ящикъ для моего віолончеля!—крикнулъ аббатъ стоявшему въ дверяхъ лакею.

— Да оставьте же инструментъ здѣсь. Вѣдь вы скоро вернетесь.

— Нѣтъ, никогда я съ нимъ не разстанусь, никогда!—воскликнулъ аббатъ, уходя изъ гостиной съ віолончелью. Г-жа Молиторе, не обращая больше никакого вниманія на Рувима, послѣдовала за нимъ, спросивъ по дорогѣ слугу:— „Когда отходить ближайшій поѣздъ въ Венецію?»

— Кажется, въ двѣнадцатомъ часу,—отвѣтилъ лакей.

Рѣшеніе Рувима было принято столь же быстро, какъ и рѣшеніе Камиллы, и онъ вслѣдъ за г-жей Молиторе вышелъ изъ комнаты, а затѣмъ и изъ виллы.

Манассе и Моисей, вскочивъ со скамейки, кинулись къ нему на встрѣчу и спросили съ озабоченнымъ видомъ:— «Что онъ былъ тамъ?» — „Нѣтъ, — отвѣтилъ Рувимъ не останавливаясь;—но мы сейчасъ ѣдемъ.“

— Ъдете? Куда?

— Въ Анкону. Моисей, когда отходить скорый поѣздъ въ Венецію?

— Въ половинѣ двѣнадцатаго.

- А теперь который часъ?
- Ровно десять.
- Ну, значить еще успѣю. Идемъ скорѣй!

VIII.

Моисей тотчасъ же вывелъ заключеніе: „Если кавалера Ноты нѣтъ въ Триестѣ, то онъ долженъ быть въ Анконе, въ своемъ родномъ городѣ, и г. Рувимъ его тамъ встрѣтитъ“.

— Я не ѣду въ Анкону, а только до Анконы. Приведи извозчика къ нашему дому. Я беру съ собою только небольшой сакъ-воляжъ и буду ждать извозчика.

Такъ все и случилось, и въ одиннадцать часовъ Рувимъ былъ уже на дебаркадерѣ. Манассе поѣхалъ провожать его, хотя отъ удивленія не могъ выговорить ни слова. Она ѣдетъ въ Анкону, — вотъ все, что онъ успѣлъ узнать отъ своего брата. Кроме того Рувимъ поручилъ ему сказать его родителямъ, что онъ по важному дѣлу уѣхалъ въ Венецію и вѣроятно завтра же вернется.

Въ это время отворили кассу. Онъ взялъ билетъ перваго класса и занялъ наблюдательный постъ близъ кассы, въ ожиданіи прибытія Камиллы и аббата. Дѣйствительно они не замедлили прибыть въ сопровожденіи слуги, возившагося съ ихъ багажемъ. Сначала она и не замѣтила Рувима; но когда онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по направленію къ ней, она воскликнула: „Какъ, и вы здѣсь? Вы тоже ѣдете?“

— Да, г. аббатъ самъ человекъ безпомощный и не можетъ служить вамъ защитникомъ.

— Значить, вы желаете...

— Я желаю быть вашимъ покровителемъ въ дорогѣ. Къ тому же у меня есть дѣло по сосѣдству съ Анкономъ.—Что вы, что вы, г. аббатъ, — обратился онъ къ патеру, взявшему только что въ кассѣ два билета втораго класса.— Развѣ молодой особѣ прилично ѣздить во второмъ классѣ!

И съ этими словами онъ взялъ изъ рукъ аббата оба билета втораго класса и обмѣнялъ ихъ въ кассѣ на билеты

перваго класса, заплативъ изъ своего кармана разницу. Абатъ, казалось, не обратилъ на послѣднее обстоятельство никакого вниманія. Такъ какъ уже раздался первый звонокъ, то онъ подаль Камиллѣ руку, чтобы проводить ее въ вагонъ; а слуга взялъ у Рувима билеты, чтобы сдать сундуки и виолончель.

Рувимъ послѣдовалъ за ними, подовалъ къ себѣ кондуктора, всунулъ ему въ руки деньги и велѣлъ отпереть отдѣльное купэ, приглашая аббата и Камиллу войти въ него. Камилла все время молчала, такъ какъ по всей вѣроятности, всѣ ея мысли были заняты исключительно болѣзнью нѣжно-любимаго ею отца ея. Она рано лишилась матери и отецъ ея, заслуженный воинъ, былъ для нея дороже всего на свѣтѣ. Поглощенная помыслами о немъ и еще мало знакомая съ свѣтомъ и съ жизнью, она находила участіе въ ней Рувима совершенно естественнымъ. Она видѣла въ послѣднемъ ничто иное, какъ внимательнаго и любезнаго знакомаго, помогла маленькому и толстенькому аббату взобраться къ купэ и сама послѣдовала за нимъ. Въ это время подошелъ слуга съ билетами и съ багажной квитанціей, раздался послѣдній звонокъ, Рувимъ тоже вошелъ въ купэ и поѣздъ тронулся.

Манассе, который все еще не могъ прійти въ себя, посмотрѣлъ ему вслѣдъ и сказалъ въ полъ-голоса:— „Непонятно“.

— Напротивъ, очень понятно,—сказалъ стоявшій подлѣ него Моисей. Вотъ только мнѣ не везетъ. Чего мнѣ было бѣжать сюда? Чего я здѣсь не видѣлъ? А вѣдь у меня есть и свои дѣла“.

Трое путешественниковъ сидѣли рядомъ въ томъ же порядкѣ, въ какомъ они вошли: въ одномъ углу аббатъ, по срединѣ Камилла, встревоженная и опечаленная, уставила глаза въ одну точку, а Рувимъ не спускалъ съ нея своихъ глазъ, не желая однако мѣшать ей своими разговорами.

Такимъ образомъ они проѣхали нѣсколько станцій, пока наконецъ не доѣхали до станціи, гдѣ назначена была по

росписанію болѣе продолжительная остановка для обѣда. Почти всѣ пассажиры вышли изъ вагоновъ и кондукторъ отворилъ дверь и ихъ купѣ. Тогда Рувимъ, наконецъ, рѣшился обратиться къ ней со словами:— „Вы должно быть, проголодались, сударыня. Проидемтесь въ буфетъ“. — И, выйдя изъ вагона, онъ подаль ей руку; она послѣдовала за нимъ въ залу и стала ѣсть.

— А аббата!—вдругъ воскликнула она.

— Онъ спитъ; нечего его будить, Я принесу ему въ вагонъ что-нибудь поѣсть.

Она улыбнулась. Рувимъ велѣлъ завернуть въ бумагу говядины, хлѣба и фруктовъ, и они направились обратно къ купѣ. Но только теперь Рувимъ вошелъ первымъ, для того, какъ онъ говорилъ, чтобы разбудить аббата и накормить его. Такимъ образомъ Камиллѣ пришлось сидѣть на угловомъ мѣстѣ, причемъ ее отдѣлялъ отъ аббата Рувимъ, который продолжалъ угощать своего спутника до тѣхъ поръ, пока тотъ снова откинулся на спинку дивана и заснулъ.

— Опять уснулъ, — сказалъ Рувимъ въ полъ-голоса. — Сейчасъ видно, что у него нѣтъ никакихъ заботъ. Да и вамъ бы слѣдовало перестать тревожиться. Вѣдь отецъ вашъ навѣрное выздоровѣетъ.

— Ахъ, дай-то Богъ! Онъ такъ добръ и такъ любить меня. Вѣдь онъ у меня одинъ на свѣтѣ.

— Отчего же одинъ? Нисколько не одинъ, — сказалъ Рувимъ шопотомъ.

Она взглянула на него вопрошающимъ взоромъ. Но разъ выйдя изъ своей молчаливости, она стала отвѣчать на расспросы Рувима объ отцѣ и о семейныхъ обстоятельствахъ ея. Она объяснила, что отецъ ея— послѣдній отррыскъ стариннаго рода, ведущаго свое происхождение еще отъ временъ римской имперіи. Изъ Греціи явился къ императору Марку Аврелію нѣкто Теодоросъ, человекъ очень умный, сдѣлавшійся совѣтникомъ императора, получавшій отъ него богатая милости и назначенный между прочимъ римскимъ сановникомъ. Фамилію Теодоросъ онъ переимѣнилъ на Теодори, но богатства вскорѣ исчезли. Сама она, какъ не разъ

говаривала ей отецъ, настоящая Теодоросъ, ибо у ней сохранились греческіе лобъ и носъ. Быть можетъ, всѣ члены ея семейства потому такіе вѣрующіе христіане, прибавила она, что апостоль Павелъ былъ ихъ соотечественникъ.

Эти слова тяжело подѣйствовали на Рувима.

— Но такъ какъ,—продолжала она,— семейство наше обѣднѣло, то отецъ мой и послалъ меня въ Триестъ, къ теткѣ моей со стороны матери, назначившей меня своей наслѣдницей. Такъ, по крайней мѣрѣ, говорилъ мнѣ отецъ мой, прощаясь со мной.—А ваши отецъ и мать живы?

— Да,—отвѣтилъ онъ,— но, вѣрнѣе сказать, у меня одна только мать.

— Какъ же это такъ?

— Отецъ мой придерживается чуждыхъ, мнѣ взглядовъ.

На ея просьбу разъяснить ей эти, не вполне понятныя для нея, слова, онъ сталъ рассказывать ей о ходѣ своего умственного развитія, о томъ, какъ онъ съ отрочества воспитывался на новѣйшихъ идеалахъ. Онъ много объ этомъ распространялся и говорилъ съ жаромъ, присовокупивъ, что отцу его, выросшему въ совершенно иныхъ понятіяхъ, не нравились эти его современные взгляды. При этомъ онъ тщательно избѣгалъ словъ: „религія“ и „вѣроисповѣданіе“, и охотно свелъ, отвѣчая на вопросъ Камиллы, разговоръ на книги и на поэтовъ. Она созналась, что въ этомъ мало смыслить и просила его нѣсколько просвѣтить ее. Что могло быть желательнѣе для Рувима! Онъ сталъ говорить все съ большимъ и большимъ жаромъ, а она, слушая его, забыла о своемъ горѣ и завидывала его вопросами. Онъ рисовалъ передъ нею жизнь мыслящаго и стремящагося въ чему-то высшему человѣка и счастье такого человѣка, если онъ встрѣтитъ женщину, которая понимаетъ его, которая расположена въ нему, которая его... слова „любовь“ онъ впрочемъ не произносилъ, ни теперь, ни во все остальное время поѣздки, хотя аббатъ продолжалъ безпробудно спать.

Потому ли онъ не произносилъ его, что онъ боялся испугать этимъ Камиллу, что онъ боялся получить отказъ отъ робкой, боязливой дѣвушки? Нѣтъ! Его чувство было такъ

искренне и глубоко, что онъ полагалъ, что ему нечего торопиться, въ расчетѣ, что взаимность, если только она существуетъ, сваяется сама собой.

Такимъ образомъ они доѣхали, среди непрерывныхъ вопросовъ съ ея стороны, среди длинныхъ разсказовъ о своей жизни и своихъ умственныхъ занятіяхъ—съ его стороны, до послѣдней станціи передъ Анконой, и здѣсь ему пришлось разстаться. Для этого не нужно было предостереженія дальновиднаго Моисея относительно кавалера Нота. Онъ самъ отлично понималъ, что такъ какъ Нота не разъ видѣлъ его въ Триестѣ и зналъ, кто онъ, и такъ какъ Нота вообще очень презрительно относился къ евреямъ, то онъ не преминетъ, увидѣвъ его возлѣ Камиллы, объяснить ей, что онъ—еврей. Рувимъ ни мало не сомнѣвался въ томъ, что г-жа Молиторе не замедлила сообщить въ Анкону по телеграфу объ отъѣздѣ Камиллы и что, по всей вѣроятности, онъ будетъ ожидать на дебаркадерѣ прибытія поѣзда, для того чтобы встрѣтить Камиллу.

Такъ оно дѣйствительно и случилось. Нота наканунѣ съ тѣмъ же скорымъ поѣздомъ влѣхалъ въ Анкону; и для г-жи Молиторе это было ясно, такъ какъ онъ не отвѣтилъ на ея письмо. Поэтому она по телеграфу сообщила ему объ отъѣздѣ Камиллы, приглашая его встрѣтить ее на дебаркадерѣ.

Поэтому Рувимъ обратился къ Камиллѣ со словами:— „Сударыня, черезъ нѣсколько минутъ мы будемъ въ Анконѣ, и мнѣ приходится проститься съ вами“.

— Уже въ Анконѣ! Ахъ, Боже мой, я такъ заболталась съ вами, что даже совсѣмъ забыла о бѣдномъ отцѣ моемъ!

— Вы, я въ томъ увѣренъ, найдете его въ лучшемъ положеніи, чѣмъ предполагаете.

— А вы, развѣ вы не желаете проводить насъ до его квартиры?

— Нѣтъ, зачѣмъ же! Вѣдь я только помѣшаю.

— Нисколько! Онъ будетъ вамъ очень благодаренъ за оказанное мнѣ покровительство. Онъ такъ добръ.

— Мнѣ, къ сожалѣнію, нужно спѣшить обратно въ Тріестъ.

— Значить, вы только ради меня...

— Я былъ бы весьма счастливъ, если бы вы извѣстили меня телеграммой о положеніи вашего отца.

— Очень охотно. А какъ адресовать телеграмму? Синбору Самуэли... а дальше?

— Больше ничего не нужно. Адресъ мой извѣстенъ въ почтамтѣ и на телеграфѣ. Я упоминаю и о почтѣ, надѣясь, что въ впослѣдствіи подарите меня нѣсколькими строками относительно состоянія здоровья вашего отца и о томъ, когда вы снова вернетесь къ вашей тетушкѣ?

— Хорошо, хорошо! Вернусь же я вѣроятно по выздоровленіи моего отца. Тогда снова будемъ пѣть.

Въ это время раздался звонокъ—они вѣзжали въ Анконскій дебаркадеръ.

— А вотъ и Нота!—воскликнула она.—Онъ сообщитъ мнѣ извѣстія объ отцѣ моемъ!

И, какъ только отворилась дверца купе, она выпрыгнула изъ него и бросилась къ Нотѣ, который стоялъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ ихъ купе и всматривался въ выходящихъ. Онъ не успѣлъ еще замѣтить ее, какъ до него долетѣлъ ея голосъ:—„А что, отецъ живъ?“

Онъ обернулся къ ней и отвѣтилъ довольно неосторожно:—„Да, пока еще живъ“.

— Пока! О, Пресвятая Дѣва! Скорѣй, скорѣй къ нему!—И она бросилась вонъ изъ дебаркадера. Онъ хотѣлъ было послѣдовать за нею, но она закричала ему:—„Нѣтъ, нѣтъ! Помогите аббату“.

Тѣмъ временемъ Рувимъ разбудилъ аббата и всунулъ ему въ руку багажную квитанцію. Затѣмъ, съ сакъ-вожемъ своимъ въ рукѣ, онъ живо выскочилъ изъ купе, посмотрѣлъ вслѣдъ удалявшейся Камиллѣ и мелькомъ взглянулъ на Ноту, который, повинувшись Камиллѣ, остановился, хотя и не безъ явной досады.

Рувимъ не могъ удержаться отъ желанія позвать ей еще разъ на прощаніе руку, и, рискуя тѣмъ, что Нота его уви-

дигъ, онъ быстро направился въ ту сторону, въ которую пошла Камилла. Ему пришлось пройти, такъ сказать, подъ носомъ у кавалера. Замѣтилъ ли тотъ его? Повидимому нѣтъ, такъ какъ все его вниманіе было поглощено аббатомъ, который непремѣнно желалъ сейчасъ же получить изъ багажа свой віолончель, между тѣмъ какъ Нота говорилъ съ досадой:— „Да не убѣжить же онъ отъ васъ!“

Камилла уже садилась въ карету, когда Рувимъ показался на подъѣздѣ. Она увидѣла его, протянула къ нему руку и сказала: — „Ахъ, какъ у меня бьется сердце! Онъ сказалъ „пока“, противный! Я буду вамъ телеграфировать, писать! Кучеръ, трогай! Къ полковнику Теодори!“

Карета тронулась, она еще разъ ласково кивнула ему головой, но Рувимъ замѣтилъ, что по щекамъ ея текли слезы. Онъ долго смотрѣлъ ей вслѣдъ и проговорилъ въ полъ-голоса: „Ангель“. Голосъ аббата, громко продолжавшаго требовать своего віолончеля, вывелъ его изъ задумчивости, и чтобы не встрѣтиться съ нимъ и съ Нотой, онъ повернулъ въ сторону. Но тутъ его постигла неудача: онъ пошелъ какъ разъ по направленію къ багажной залѣ, и вдругъ столкнулся чуть не носомъ къ носу съ кавалеромъ Нота, поджидавшаго аббата и его инструмента.

Нота обратился къ аббату и спросилъ громкимъ голосомъ:— „А что нужно здѣсь этому триестскому жиду?“ — Но аббатъ такъ былъ поглощенъ своимъ инструментомъ, что ничего на это не отвѣтилъ.

Перев. Э. К. Ватсонъ.

ЕВРЕИ И ИХЪ ЗНАЧЕНІЕ ВЪ ДѢЛѢ МУЗЫКАЛЬНАГО ИСКУССТВА.

А. Музыка Евреевъ древнихъ временъ до Рождества Христова.

(Продолженіе) *.

VI.

Время царствованія Соломона и прочихъ царей.

Какъ ни велико было значеніе музыки въ глазахъ народа во время Давида, но въ царствованіе Соломона, вступившаго на престолъ въ 1020 г. до Р. Х., она приобрѣла еще бѣльшую популярность своимъ великолѣпіемъ. Первымъ дѣломъ, которымъ онъ ознаменовалъ свое царствованіе, было—окончаніе храма, начатаго его отцомъ. Для постройки этого зданія Давидъ собралъ несмѣтныя сокровища серебромъ, золотомъ, всякими драгоценностями и строительнымъ матеріаломъ; къ этимъ богатствамъ Соломонъ присоединилъ еще новыя отъ себя и, употребивъ на ихъ распредѣленіе свои знанія, мудрость и власть, онъ достигъ того, что воздвигнутый имъ храмъ, по своей красотѣ и великолѣпію, превзошелъ всякія ожиданія и не могъ быть сравненъ ни съ какими другими домоу молитвы. Молва о мудрости Соломона распространяется по всему востоку; чужіе князья ищутъ его расположенія, заключаютъ съ нимъ союзы, или даже приходятъ просто для того только, чтобы познакомиться съ его личностью, чтобы увидѣть его, услышать его остроумныя замѣчанія, изреченія, предложить ему разрѣшеніе какихъ нибудь серьезныхъ вопросовъ или головоломныхъ задачъ и загадокъ; самый знаменитый для насъ примѣръ такого именно обращенія къ мудрости этого царя являетъ собою царица Савская. Коммерческія пред-

* См. „Восходъ“ кн. IX.

пріятія Соломона въ далекихъ странахъ удаются ему какъ нельзя лучше. Стягивая къ себѣ отовсюду сокровища, онъ просилъ сосѣднихъ владыкъ доставлять ему все, что только у нихъ имѣлось хорошаго; такъ Хирамъ, царь тирскій, по его просьбѣ присылалъ ему кедры для постройки, изъ страны Офиръ привозились въ изобиліи индійскія драгоцѣнности, царица Савская, кромѣ золота и серебра, привезла съ собою особенныя, чрезвычайно тонкія и пріятныя благовонія; золота оказалось такая масса, что серебро совершенно потеряло свою цѣнность. Тронъ царя является чудомъ міра по своему богатству и великолѣпію, царскіе сады не имѣютъ себѣ подобныхъ.

Царствованіе Соломона было самое мирное; занятый постоянно у себя дома, онъ старался не вести войнъ и внутреннимъ покоемъ дать возможность народу культивировать науки и искусства. Онъ вполне достигъ желаемаго; успѣхи въ развитіи оказались очень значительныя, тѣмъ болѣе, что самъ царь, богато одаренный отъ природы замѣчательнымъ умомъ, поэтическимъ чувствомъ и музыкальными способностями, разносторонне вліялъ на это развитіе и по мѣрѣ возможности старался его увеличить.

Необыкновенно торжественное и блестяще обставленное празднество освященія храма (II кн. Паралипоменовъ, гл. V, ст. 12 и 13) было событіемъ, имѣвшимъ особенно важное значеніе для исторіи еврейской музыки. Громадный составъ пѣвцовъ и музыкантовъ, опредѣленный Давидомъ для музыки въ храмѣ, былъ умноженъ въ значительной степени Соломономъ; количество приготовленныхъ къ употребленію для этого случая музыкальныхъ инструментовъ просто невѣроятно. По описаніямъ Іосифа Флавія, было заготовлено 40000 арфъ, столько же сестръ, сдѣланныхъ изъ золота, и 20,000 серебрянныхъ мозаическихъ трубъ; для участвующихъ пѣвцовъ левитовъ было сдѣлано на этотъ случай 20,000 праздничныхъ одеждъ. Если предположить, что все это ужасное количество пѣвцовъ и инструменталистовъ могло бы пѣть и играть вмѣстѣ или даже раздѣляясь на нѣсколько хоровъ, то дѣйствіе этой музыки было бы такъ безконечно громадно, что врядъ ли бы слушателямъ представилась какая нибудь возможность выдержать ее безъ поврежденія слуховыхъ органовъ. Какимъ ничтожнымъ въ сравненіи съ только что описаннымъ торжествомъ должно намъ показаться Аѳенское музыкальное празднество, данное Птоломеемъ Филадельфомъ въ Александрію, или наше новое празднество въ Лондонѣ въ честь покойнаго Генделя! Представляя себѣ музыку, происходящую отъ 480,000 человѣкъ музыкантовъ, т. е. 200,000 пѣвцовъ.

40,000 арфистовъ, 40,000 систристовъ и 200,000 трубачей, едва-ли возможно допустить, чтобы она представляла собой сложную, музыкально-развитую мелодію, напротивъ, скорѣе всего надо думать, что это было прототиномъ нашихъ самыхъ простыхъ хораловъ.

Кромѣ храмовой музыки, Соломонъ имѣлъ еще свою собственную придворную капеллу, не состоявшую ни въ какой связи съ левитами; онъ самъ рассказываетъ объ этомъ въ своемъ Екклесіастѣ: «Собралъ себѣ серебра и золота и драгоценностей отъ царей и областей, завелъ у себя пѣвцовъ и пѣвицъ и услажденія сыновъ человѣческихъ—разныя музыкальныя орудія». (Екклесіастъ, гл. II, ст. 8). Соломонъ былъ первымъ царемъ древности, послѣ котораго осталось подлинное указаніе о существованіи придворной пѣвческой капеллы; по всей вѣроятности, возникновеніе ея произошло точно такимъ же образомъ какъ и нашихъ новѣйшихъ. Сначала музыка употреблялась исключительно въ храмѣ, такъ что, какъ цари, такъ и народъ, слышали ее только при богослужебной церемоніи и при торжественныхъ собраніяхъ; такой обычай существовалъ до Давида. Нѣчто въ этомъ же родѣ произошло послѣ Р. X. у древнихъ христіанъ, которые свои тайныя богослуженія непремѣнно сопровождали пѣніемъ. Принимая догадку за достовѣрное, можно утверждать, что при Давидѣ уже музыка перешла изъ храма во дворецъ; то же видно и у христіанъ въ средніе вѣка; ихъ музыка распространилась настолько, что изъ часовень и другихъ домовъ молитвы она проникла въ жилища королей и другихъ могущественныхъ вельможъ. Насколько Соломонъ имѣетъ неотъемлемое право считаться первымъ царемъ древности, который имѣлъ свою придворную музыку, на столько же между христіанскими владыками имѣетъ это право лонгобардскій король Луттирандъ, который, если вѣрить Павлу Діакону, первый перемѣстилъ капеллу въ свой домъ изъ отдѣльной часовни. Исторія такихъ капеллъ важна въ томъ отношеніи, что имѣла громадное вліяніе на распространеніе и усовершенствованіе музыки.

Поэтическое произведеніе Соломона, дошедшее до насъ, извѣстно подъ названіемъ «Пѣснь Пѣсней»; оно было написано по случаю его свадьбы съ дочерью египетскаго фараона Вафра и было исполнено капеллою при ихъ вѣнчаніи. По увѣреніямъ Марпурга, Соломонъ обладалъ сильнымъ, хорошимъ голосомъ и былъ однимъ изъ лучшихъ пѣвцовъ своего времени, но имѣніе это голословно: ни библія, ни другія книги ничего не упоминаютъ о Соломонѣ, какъ о пѣвцѣ. Многіе церковные писатели высказали свои предположенія, что «Пѣснь Пѣсней» исполнялась при сопровожденіи

инструментальной музыки; эти догадки не лишены основанія въ виду того, что Соломонъ, имѣя въ своемъ распоряженіи капеллу, по всей вѣроятности не довольствовался только церковными пѣвцами, а заставлялъ своихъ музыкантовъ воспроизводить и такую музыку, которая выражала бы чувства и ощущенія, соответствующія данному моменту. По содержанію «Пѣснь Пѣсней», въ которой, подъ аллегорическимъ видомъ пастуха и пастушки, Соломонъ представляетъ себя и свою невѣсту, можетъ быть отнесена къ отдѣлу пасторалей; по формѣ и духу она похожа на подобное же произведеніе индійцевъ, на Гитаговинду, сочиненную Ядева. Что касается музыкальнаго вида «Пѣсни Пѣсней», т. е. пѣнія текста и аккомпанимента инструментовъ, то не слѣдуетъ полагать, что оно было похоже на наше пѣніе-solo съ гармоническимъ аккомпаниментомъ; это было нѣчто среднее между речитативомъ и обыкновеннымъ разговоромъ, какое-то очень неопредѣленное раскачиваніе голоса. Не смотря на то, что этотъ способъ пѣнія былъ долгое время предметомъ серьезныхъ изысканій и изученій, мы все-таки не имѣемъ возможности ясно его себѣ представить, но, во всякомъ случаѣ, не думаемъ, чтобы такой родъ музыки былъ сколько нибудь красивъ или даже хотя только сносенъ для нашего развитаго уха.

По смерти Соломона престолъ наследовалъ сынъ его Ровоамъ, который съ самаго начала повелъ дѣло правленія такъ дурно, что десять колѣнъ отпали отъ него и выбрали себѣ царемъ Иеровоама. Царство еврейское раздѣлилось на двѣ отдѣльныя части, Израиль и Иуду. Наступилъ рядъ бѣдствій и несчастій, внутреннія междоусобія и внѣшнія безпокойства. Такое печальное положеніе цѣлаго народа отразилось, конечно, и на искусствѣ; только что получивши хорошее направленіе и сдѣлавши большіе успѣхи, оно должно было прекратить свое развитіе и, постепенно приходя въ упадокъ, близилось къ полному уничтоженію. Храмовая музыка Давида и Соломона постепенно начала исчезать; идолопоклонство, чувственный культъ Астарты, противъ котораго такъ усиленно ратовали пророки, ворвался и сталъ быстро распространяться между евреями.

Отъ смерти Соломона до Седекіа, послѣдняго царя Іудейскаго, въ библіи нѣтъ ни одной замѣтки, дающей свѣдѣнія о движеніи впередъ музыкальнаго дѣла за большой періодъ времени, почти въ 400 лѣтъ; напротивъ, книги пророковъ свидѣтельствуютъ о полномъ регрессѣ музыки. Она утратила свое первоначальное возвышенное-чисто религіозное направленіе, утратила свое благородство и достоинство, сдѣлалась аксессуаромъ при оргіяхъ и пиршествахъ, и стала забавою при дворахъ царей, которые

почти всѣ были испорчены, безнравственны, лѣнны и извѣжены. Пророкъ Исаія, который отличался правдивостью и рѣзкостью въ своихъ проповѣдяхъ, имѣя близкое сношеніе съ царями и придворными, много говоритъ объ упадкѣ нравовъ какъ при дворахъ, такъ и въ общей массѣ (кн. прор. Исаія, гл. V, ст. 11, 12). Пророкъ Амосъ, жившій почти въ то же время, тоже описываетъ этотъ необузданный, позорный образъ жизни современныхъ ему владыкъ и великихъ страны. (Амосъ, гл. VI, ст. 4, 5. Сравн. Исаія, гл. XXIV, ст. 7, 8, 9. Иеремія, гл. VII, ст. 34. Иезекиль, гл. XXVI ст. 13). Всѣ названные пророки, громя всеобщую порочность въ своихъ поученіяхъ, предсказывали полную потерю музыки, какъ наказаніе и кару за грѣхи.

Окончательное паденіе храмовой музыки евреевъ случилось при царѣ Ахазѣ, царствовавшемъ въ Иудеѣ отъ 743—730 до Р. X.; онъ осквернилъ храмъ и ввелъ служеніе идолу. Сынъ и преемникъ его Езекиа (730—699), совершенно противоположно своему отцу, старался очистить храмъ, возстановить служеніе единому Богу, реставрировать храмовую музыку и возвратиться къ прежнимъ порядкамъ; кромя этого онъ возвратилъ леви-тамъ ихъ должности и доходы, которые были отняты у нихъ при царѣ Ахазѣ (III кн. Паралипоменонъ, XXIX, ст. 25, 26, 27, 28 и 30). Но такое возвращеніе къ обычаямъ праотцевъ продолжалось недолго; когда же послѣ Езекиа на престолъ вступилъ Манассія, идолопоклонство распространилось еще съ большею силою, тѣмъ при Ахазѣ. Незадолго до своей смерти Манассія пришелъ въ себя и сталъ всѣми силами стараться исправить сдѣланное зло, но уже было поздно, и старанія его не дали желаннаго результата; испорченность нравовъ достигла чудовищныхъ размѣровъ; отклоненіе отъ истинной вѣры и ея обрядовъ зашло такъ далеко, что всѣ предпріятыя имъ мѣры ни къ чему не повели. Паденіе религіи, гражданскаго благосостоянія, нравовъ, также знаній и искусствъ еврейскаго народа постепенно шло впередъ и уже не могло быть остановлено нѣсколькими послѣдующими хорошими царствованіями, пока наконецъ не явился Навуходоносоръ (около 600 до Р. X.), который завоевалъ и разорилъ Иерусалимъ, взявъ въ плѣнъ царя Зедекію, а съ нимъ и большую часть еврейскаго народа, отправилъ ихъ въ Вавилонъ и тѣмъ положилъ конецъ царству Иудейскому.

Весьма понятно, что при такихъ неблагоприятныхъ обстоятельствахъ о развитіи музыки не могло быть и рѣчи. Псаломъ CXXXVII очень трогательно жалуется на это обстоятельство: 1) «При рѣкахъ Вавилона, тамъ

сидѣли мы и плакали, когда вспоминали о Сіонѣ». 2) «На вербахъ посреди его мы повѣсили наши арфы». 3) «Тамъ плѣннвшіе насъ требовали отъ насъ словъ пѣсней, и притѣснители наши—веселія: пропойте намъ изъ пѣсней Сіонскихъ». 4) «Какъ намъ пѣть пѣснь Господню на чужой землѣ?»—Однако различныя извѣстія объ этой печальной эпохѣ заставляютъ предполагать, что вавилонская неволя не уничтожила въ евреяхъ любви къ музыкѣ: напротивъ, въ ней они находили утѣшеніе своей скорби и печали. Не нужно забывать, что халдейцы сами были большими поклонниками музыки *, и что уже это одно должно было сильно повліять на сохраненіе ея у плѣнниковъ. Пророкъ Эздра рассказываетъ, что при послѣдующемъ освобожденіи евреевъ изъ плѣна персидскимъ царемъ Киромъ, они привели съ собой въ Іерусалимъ хоръ, состоявшій изъ 200—245 пѣвцовъ (кн. Эдры, гл. II, ст. 41, 64 и 65); слѣдовательно, во время своей неволи, т. е. въ продолженіи 70 лѣтъ (кн. Іереміа, XXIV, 10) они не оставались безъ музыки и своихъ умершихъ хористовъ и музыкантовъ ниѣли возможность замѣнять новыми **.

Послѣ возвращенія народа, храмъ іерусалимскій былъ реставрированъ, даже отстроенъ заново, и Давидово богослуженіе возобновилось опять; но это восстановленіе было только внѣшнее, такъ какъ уже никакія усилія и заботы не могли помочь народу достигъ своего древняго величія и блеска. Изъ послѣдующихъ правителей, кромѣ Іуды Маккавея, никто не показываетъ особеннаго старанія повліять въ хорошую сторону на народъ. Такъ шло дѣло до 11 іюля 70 года, когда ежедневное жертвоприношеніе въ іерусалимскомъ храмѣ прекратилось. 17 августа того же года самый храмъ былъ взятъ, ограбленъ и сожженъ; древнее богослуженіе кончилось, послѣдній остатокъ давидовой храмовой музыки исчезъ безвозвратно. Іерусалимъ палъ и

* Изъ книги пророка Давида видно, что халдейцы, также какъ и израильтяне, употребляли музыку при своемъ богослуженіи. Когда Навуходоносоръ повелѣлъ поклоняться золотому идолу, было сказано: «Когда услышите звуки трубъ и роговъ, арфъ, псалтирей, свирѣлей и разныхъ инструментовъ, то должны будете упасть ницъ».

** Пфейферъ (о муз. др. евр.) находитъ, что число возвратившихся изъ плѣна пѣвцовъ и пѣвицъ, по отношенію въ общей массѣ народа, такъ же велико, какъ и во время Давида. Тогда было 1.300,000 народа, и 4,000 постоянныхъ пѣвцовъ (II кн. Царствъ, XXIV, 6), а у 42,330 возвратившихся изъ неволи было 200—245 пѣвцовъ (кн. Эдры, II, 64). Отношеніе это доказываетъ, что даже и во время рабства евреи занимались музыкой и не давали ей прекратиться.

Иудейское царство сдѣлалось провинціей римской имперіи, а народъ разсѣялся по всему земному шару.

Послѣ покоренія римлянами Иудейскаго царства, первымъ прокураторомъ въ новой провинціи былъ Иродъ. Ему приписывается Флавіемъ Иосифомъ устройство въ Иерусалимѣ театра по римскому образцу; но Иродъ съ своимъ нововведеніемъ успѣха не имѣлъ и вызвалъ имъ крѣпкую злобу и неудовольствіе евреевъ, такъ какъ театральныя представленія во всемъ противорѣчили понятіямъ и вкусамъ народа; талмудисты иначе не упоминаютъ о нихъ, какъ съ презрѣніемъ и пренебреженіемъ. Иосифъ Флавій тоже высказывается противъ Ирода: «Онъ преступилъ отцовскіе обычаи и чужими модами испортилъ тѣ порядки, которые освящены преданіемъ и должны были бы быть для него святыми и неприкосновенными. Черезъ это народъ все болѣе отдалялся отъ хорошихъ нравовъ и склонился ко всему дурному» *. Роль музыки при такихъ спектакляхъ была немаловажна, тѣмъ болѣе, что Иродъ заботился о красотѣ ои; онъ собиралъ, гдѣ только могъ, наилучшихъ музыкантовъ, заставлялъ ихъ играть и пѣть **, устраивалъ для нихъ состязанія и старался поднять музыку по возможности выше. Но эта музыка не имѣла уже національнаго еврейскаго оттѣнка, ея чисто народный характеръ все болѣе и болѣе исчезаетъ подъ вліяніемъ постороннихъ напѣвовъ. Въ нынѣшнее время, слушая въ синагогахъ богослужебную музыку, мы можемъ замѣтить въ ней отсутствіе еврейскаго элемента, общій колоритъ исполняемыхъ музыкальныхъ номеровъ неизбѣжно заимствуется и носить характеръ варода и мѣстности, гдѣ эти синагоги существуютъ.

Мы уже говорили, что важнѣйшее примѣненіе музыки древнихъ евреевъ было при богослуженіи, но такое высокое назначеніе и важная роль музыки не исключали ея употребленія при торжествахъ, пирахъ и другихъ веселыхъ сборищахъ; она затѣмъ оказывалась необходимою и при печальныхъ и скорбныхъ событіяхъ.

Мы уже приводили много фактовъ, подтверждающихъ предположеніе объ употребленіи музыки у евреевъ внѣ храма: Лаванъ, дѣлающій выговоръ Іакову за то, что послѣдній не доставилъ ему возможности проводить себя съ музыкой, исторія дочери Іефеаи, хвалебныя пѣсни израильскихъ женщинъ Давиду послѣ побѣды надъ Голиафомъ, траурная пѣснь Іереміи и всего хора на смерть Іосіа, наконецъ, капеллы Давида и Соло-

* Antiquit. Judaic. Lib. XV, c. 8.

** Тамъ же.

мона—все это вѣскія доказательства умѣнья широко пользоваться музыкою. У Сираха также находимъ подтвержденіе этого. Онъ говоритъ: «Какъ рубинъ въ чистомъ золотѣ свѣтитъ, такъ и пѣсни украшаютъ пиршество. Какъ смарагдъ идетъ къ прекрасному золоту, такъ и пѣсни идутъ къ хорошему вину». (Гл. XXXII, ст. 7—9). Существуетъ еще извѣстіе, что у евреевъ практиковался похвальный обычай, послѣ трапезъ пѣть хорошихъ благодарственныхъ псалмы и хвалебныя пѣсни, слѣдовательно, до времени своего упадка, этотъ народъ старался музыкою украсить и облагородить свои пиры, сдѣлать изъ нихъ дѣйствительно общественные, радостные праздники, а не оргіи и беззаветные кутежи.

Упомянувъ о траурной пѣсни Іереміи на смерть Іосіа (II кн. Паралипоменонъ, гл. XXXV, ст. 25), нельзя обойти молчаніемъ такія же пѣсни Давида, которыя онъ сочинилъ на смерть Саула и Іонавана и которыя, благодаря Самуилу, въ цѣлости сохранились для потомства (II кн. Цар., гл. I, ст. 17, 19—27). Въ этой же главѣ, стихи 11 и 12, Самуилъ сообщаетъ о тогдашнемъ способѣ выраженія скорби живыхъ объ умершихъ. Похоронные обряды состояли въ слѣдующемъ: 1) постъ съ утра до вечера 2) публичный плачь, вопли, рыданія и причитыванія, 3) восхваленіе покойнаго, 4) жалобныя и траурныя пѣсни. Для плача и причитыванія приглашались особенные люди, спеціалисты, искусные въ своемъ дѣлѣ (кн. пр. Іереміи, гл. IX, ст. 17); обязанности же пѣвцовъ, которыхъ тоже нанимали для участія въ печальной процессіи, было—пѣніе грустныхъ и жалобныхъ пѣсней, чтобы заставить всѣхъ присутствовавшихъ скорбѣть и плакать. Кромя такихъ пѣсней Давида и Іереміи, существуетъ пѣснь такого же рода, сочиненная однимъ развѣномъ, замѣчательно красивая, но очень короткая: „Печалься о печалующихся, а не о мертвыхъ, потому что онъ въ покоѣ, а мы въ слезахъ“. (Bar. Abbin. app. Hott. in Goodw. Bib. VI, cap. V, not. 12). Сравн.: Die allgemeine Welt-historie. Band III, Seite 183). Что касается употребленія преимущественно одного какого нибудь рода инструментовъ при похоронахъ, библейскія книги Вотхаго Завета не говорятъ ничего, но нѣкоторое понятіе объ этомъ предметѣ можно извлечь изъ позднѣйшихъ свидѣтельствъ. У евреевъ, какъ у грековъ и финикіянъ, флейта считалась чисто элегическимъ инструментомъ; ее находили наиболѣе способною къ передачѣ печали, горя и страданій, поэтому флейтѣ при похоровахъ было отведено почетное мѣсто (Еванг. Маттея, гл. IX, ст. 23). Маймонидъ, въ своихъ комментаріяхъ къ «Мишнѣ», гл. IV, рассказываетъ, что вдовецъ, хотя

бы самый бѣдный, при погребеніи своей усопшей жены, долженъ былъ по обычаю нанять не менѣе двухъ флейтистовъ и одной плакальщицы. Люди состоятельные могли увеличивать это число музыкантовъ и плакальщицковъ соотвѣтственно желаніямъ и обстоятельствамъ. Замѣчательно, однако, совпаденіе, что флейты также обязательно употреблялись при свадьбахъ; въ талмудѣ даже есть пословица: „Флейта служить или невѣстѣ или мертвому“ При странствованіи въ святыхъ мѣстахъ пилигримы обыкновенно требовали, чтобы шествіе ихъ сопровождалось игрою на флейтѣ; ея нѣжные звуки смягчали сердце, способствовали покаянію и искреннему раскаянію и пробуждали всякія религіозныя чувства.

Весьма многіе думаютъ, что трубный праздникъ, основанный Моисеемъ, есть на самомъ дѣлѣ торжество по случаю окончанія жатвы. Соотвѣтствіе времени года, въ которое онъ праздновался, поддерживаетъ это мнѣніе. Собственно говоря, почему бы евреямъ не праздновать собранія хлѣба, когда извѣстно, что собраніе винограда чествовалось музыкою и пѣніемъ? Прор. Іеремія говоритъ ясно: „Радость и веселіе отнято отъ корня и отъ земли Моава. Я положу конецъ вину въ точилахъ; не будутъ больше топтать въ нихъ съ пѣснями; крикъ брани будетъ, а не крикъ радости“ (гл. XLVIII, ст. 33). То же самое говоритъ и прор. Исаія: „Исчезло съ плодоносной земли веселіе и ликованіе и въ виноградникахъ не поютъ, не ликуютъ; виноградарь не толчетъ винограда въ точилахъ; я прекратилъ ликованіе“. (гл. XVI, ст. 10). Тотъ фактъ, что у мавритавъ, ближайшихъ сосѣдей евреевъ, былъ праздникъ жатвы, много говоритъ за существованіе такого праздника и у нихъ, тѣмъ болѣе, что, исключая непосредственно религіозные обряды, у этихъ народовъ было много общихъ, одинаковыхъ по способу выполненія, обычаевъ. Нѣкоторые толкователи и ученые прямо заявляютъ, что псалмы 8-й, 80-й и 88-й были Давидомъ предназначены для пѣнія именно при такихъ праздникахъ жатвы. (*Essai sur la mus.*, vol. I, pag. 15).

VII.

Символизмъ въ музыкѣ.

Уже съ древнѣйшей эпохи, въ дѣлѣ музыки всѣхъ восточныхъ народовъ замѣчена одна общая черта: это склонность усматривать связь музыки съ различными космическими явленіями и находить соотношенія между музыкальными тонами и всевозможными предметами, поведенію животныхъ

образомъ къ нимъ не касающимися. Евреи, египтяне, индусы, арабы, также греки и даже китайцы—всѣ безъ исключенія придавали музыкѣ особенное символическое значеніе, но, само собою разумѣется, каждый народъ это дѣлалъ сообразно съ своими наклонностями и общимъ характеромъ своей культуры.

Египтяне утверждали, что каждая струна лиры должна служить символомъ особаго времени года, а каждый тонъ изъ музыки—символомъ особой планеты, а такъ какъ они насчитывали только семь планетъ, то можно думать, что они обладали диатоническою гаммой, состоящей изъ семи тоновъ. Каждый тонъ, соответствующій планетѣ, имѣлъ тоже свой день въ недѣлѣ на основаніи египетской „semaine planetaire“, планетной недѣли. Свой любимый инструментъ, наблю, они считали символомъ добра и даже привиняли его изображеніе за іероглифическій знакъ, обозначающій добро.

У индусовъ музыка имѣла происхожденіе божественное; по ихъ мнѣнію, какъ тоны музыки, такъ и инструменты не были изобрѣтены человекомъ, а даны божествами для услады человѣчества; съ своей стороны, эти божества также любили наслаждаться музыкою, и у нихъ были цѣлыя геніевъ музыки и танцевъ (гандарвы и ансапаразы), которые исполняли передъ ними разныя музыкально-драматическія пьесы. Пылкое воображеніе индуса помогало ему вѣрить, что музыкѣ все было подчинено: и человекъ, и животное, и неодушевленная природа; если музыкантъ пѣлъ особенно страстную мелодію, то онъ подвергался опасности сгорѣть отъ пламени, заключающагося въ звукахъ; если была засуха, музыкою можно было вызвать дождь; однимъ словомъ, индусы твердо вѣровали, что музыка была надѣлена сверхъестественною силою и могла производить всякаго рода чудесныя явленія.

Арабы, народъ тоже надѣленный богатою фантазією, раздѣляли мнѣніе индусовъ относительно чудодѣйственныхъ свойствъ музыки. Приводимъ изреченіе одного арабскаго мудреца: „Душа, приведенная музыкою въ восторгъ, стремится въ созерцанію высшихъ существъ, къ общенію съ чистѣйшимъ міромъ, такъ что даже духи, омраченные грѣховностью плоти, готовятся ею къ слитію съ свѣтлыми небожителями, стоящими у трона Всевышняго“.

Древніе греки тоже находили символическое соотношеніе между явленіями природы и музыкою; но послѣдующіе ученые, въ числѣ которыхъ мы видимъ Пифагора, Аристоксена, Платона, Аристотели и др., дали этой

символистическое философическое значеніе. Изъ связи музыки съ небесными тѣлами Пифагоръ разработалъ ученіе о „гармоніи сферъ“, которое не переставало до сихъ поръ занимать умы философовъ, тоософовъ и поэтовъ, и заставляло ихъ изучать серьезно его догматы или увлекаться его фантастическою стороною.

Греки особенно цѣнили въ своей музыкѣ свойство обуздывать страсти; такъ Аристоксенъ говорить, что музыка при пирахъ должна употребляться потому, что она служитъ противодѣйствию неумѣренному употребленію одурманивающихъ напитковъ. Пифагоръ же рассказываетъ, что одинъ юноша, обуреваемый ревностью, хотѣлъ поджечь домъ своей возлюбленной, но услыжавъ мелодію строгаго, возвышеннаго лада, онъ отрезвился совершенно и конечно не привелъ своего намѣренія въ исполненіе.

Символическое значеніе музыки у китайцевъ было совершенно много направленія, чѣмъ у всѣхъ вышеназванныхъ народовъ. Китайцы—люди, у которыхъ разсудокъ преобладаетъ надъ фантазіей, слѣдовательно, и музыка у нихъ развивалась болѣе теоретически, чѣмъ практически. Каждый тонъ китайской гаммы имѣлъ свой соответствующій физическій предметъ; такимъ образомъ первая нота гаммы означала «царя», вторая—«министра», третья—«послухъ народа», четвертая—«государственный дѣла», пятая—«совокупность всѣхъ существующихъ вещей»; кромѣ того, эти же пять основныхъ тоновъ также изображали: огонь, дерево, металлы и землю; двѣ ноты, добавленныя впоследствии къ китайской гаммѣ, означали «посредника» и «вождя». Чѣмъ мотивировали китайцы такое, болѣе чѣмъ странное соответствіе звуковъ и предметовъ—догадаться трудно, но несомнѣнно, что это всего болѣе зависитъ отъ отсутствія воображенія.

Вотъ приблизительный очеркъ символизма въ музыкѣ народовъ востока вообще; что же касается до самихъ евреевъ, то они были тоже въ высшей степени склонны ко всему таинственному и мистическому. Помимо того, что они, согласно мнѣніямъ многихъ сосѣдей, тоже находили нѣкотораго рода единство между музыкою и космическими явленіями, они видѣли такое же единство между ею и всякими предметами, добродѣтелями и другими душевными качествами.

Пизъ де Мирандоль (въ *Apos. cap. de Magia naturali et Cabala*) говорить много объ этомъ предметѣ; ему слѣдуетъ и Мар. Мерсенне (*de Hebr. in Comment. in Genes*). Для приѣбра приводитъ какъ рѣдкость изъ сочиненія Мерсенне сопоставленіе отношеній между кинноромъ Давида и другими естественными вещами. По мнѣнію символистовъ на киннорѣ

Давида было 10 струнъ, которыя могли издавать 15 тоновъ въ слѣдующемъ порядкѣ:

1 тонъ	Esse (существовать).	Existentia (существованіе).
2 >	Vivere (жить).	Vita (жизнь).
3 >	Sentire (чувствовать).	Sensus (чувство).
4 >	Ratiocinari (размышленіе).	Ratio (разумъ).
5 >	Intelligere (понимать).	Intellectus (понятій).
6 >	Anima beata (блаженная душа).	Elementa (элементы).
7 >	Angeli (ангелы).	Vegetabilia (растительность).
8 >	Arcangeli (архангелы).	Animalia (животныя).
9 >	Principatus (начало).	Concupiscendi vis (сила желанія).
10 >	Virtutes (добродѣтели).	Vitalis facultas (жизненная возможность).
11 >	Potestates (могущества).	Impulsiva virtus (побужденная добродѣтель).
12 >	Denominationes (наименованія).	Vis naturalis (естественная сила).
13 >	Throni (тронъ).	Corpus (тѣло).
14 >	Cherubim (херувимы).	Ignis (огонь).
15 >	Seraphim i mobile (серафимъ и движеніе).	Aqua (вода).

Если символисты находятъ, что есть связь между тонами лиры и названными предметами, то, чтобы быть послѣдовательными, имъ слѣдуетъ принять за правду и то, что во всей природѣ нѣтъ ничего такого, что какииънибудь образомъ не было бы въ соединеніи съ музыкальными тонами.

М. Лабунская.

ДѢТИ РАНДАРА.

ПОВѢСТЬ КОМПЕРТА.

(Окончаніе *).

XIII.

Г а н н е л е.

Крестянина Вацлава давно уже выпустили изъ тюрьмы. Долго-временное сидѣнье въ ней превратило совсѣмъ въ старика этого, еще недавно столь сильнаго и бодрнаго человѣка. Рандаръ испугался, когда въ первый разъ снова увидѣлъ его. У Вацлава были сѣдые волосы и та привычка волочить за собой ногу, которую арестанты сохраняютъ еще долго послѣ своего освобожденія. Въ кроткомъ сердцѣ ребѣ Шмуля зашевелилось глубокое состраданіе: Вацлавъ по его мнѣнію достаточно поплатился за свою вину.

Мориць не могъ простить такъ скоро. У него продолжали стоять предъ глазами сгорѣвшій амбаръ и умершая мать.

За годъ до того и Гонза вернулся изъ семинаріи. Мориць находился еще въ Прагѣ, готовясь къ выпускнымъ экзаменамъ; прошло достаточно времени прежде, чѣмъ онъ вернулся сюда.

Почти немедленно послѣ того, какъ Гонза получилъ санъ священника, пасторъ въ сосѣдней деревнѣ умеръ, и ему удалось получить мѣсто покойнаго. Теперь онъ чаще пріѣзжалъ навѣщать своихъ родителей, къ которымъ снова вернулось нѣкоторое благосостояніе. Старый

---

* См. «Восходъ», кн. XI.

Вацлавъ совсѣмъ пересталъ пить; сынъ дѣйствительно сдѣлался для него благословеніемъ.

Думать, что нашъ рандаръ не радовался отъ всей души этой пере-мѣнѣ—значить, совсѣмъ не знать его.

Къ числу отличительныхъ свойствъ еврея принадлежитъ то, что онъ смотритъ на «доброе дитя» и въ тоже время на «удавшееся», какъ на лучшее и великолѣпнѣйшее достояніе родителей. Такъ какъ и его собственный міръ ограниченъ предѣлами семьи, то онъ высоко цѣнитъ это благословеніе неба и въ другихъ.

Точно также и въ настоящемъ случаѣ: изъ-за блеска, окружавшаго сына Вацлава, ребѣ Шмуль совсѣмъ и навсегда забылъ проступокъ отца. Онъ былъ внѣ себя отъ радости, когда однажды молодой капланъ неожиданно явился къ нему съ визитомъ. Ганнеле было приказано подать все, что только было наиболѣе вкуснаго и лакомаго въ домѣ, и она полетѣла исполнять приказаніе такъ, какъ будто предстояло угощать бога въ человѣческомъ образѣ. Черезъ нѣсколько минутъ она едва дышала отъ волненія и съ измѣническимъ румянцемъ на лицѣ, поставила передъ гостемъ тарелку съ виномъ и хорошо знакомымъ ему субботнимъ хлѣбомъ. Молодой священникъ улыбнулся, когда отломилъ кусочекъ «бархесу».

— Помните вы еще, барышня—сказалъ онъ,—кто всегда жадно ждалъ появленія этого хлѣба.

— Не будемъ говорить объ этомъ, ваше преподобіе, шопотомъ отвѣтила она.

Молодой священникъ сталъ съ этихъ поръ чаще приходиться въ домъ рандара. Онъ встрѣчалъ здѣсь постоянно одинаковый пріемъ; Ганнеле въ эти дни была весела и рѣзва, шутила и смѣялась съ крестьянами; если же въ это время появлялся шнорреръ, плохо приходилось ему отъ нея.

Таинственная загадка этой дѣвушки приходила къ разрѣшенію...

Частныя посѣщенія священника не бросались, впрочемъ, въ глаза никому. Вѣдь «господа служащіе» не рѣдко удостоивали отвѣдывать

вина и лакомствъ «деревенскаго Ротшильда!». Притомъ же молодой капланъ навѣщалъ еврея — а положеніе евреевъ въ нашемъ отечествѣ такъ своеобразно, что никому и въ голову не приходило, чтобы его подобіе могъ являться къ рандару за чѣмъ нибудь инымъ, кромѣ стакана хорошаго вина и ломтика субботняго хлѣба.

Капланъ началъ приходить и тогда, когда ребъ Шмуля не бывало дома; мало того — повидимому какой-то тайный вѣстникъ каждый разъ увѣдомлялъ его объ отсутствіи хозяина. Тихо входилъ онъ въ комнату и останавливался предъ сильно покраснѣвшей дѣвушкой. Въ первый разъ, какъ онъ засталъ Ганнеле одну, она какъ будто испугалась, что отца не было дома; но потомъ обрадовалась, что могла поговорить со священникомъ наединѣ. Во все время незначительной бесѣды оба они часто взглядывали на дверь — не идетъ ли рандаръ, и при малѣйшемъ шумѣ Ганнеле вздрогивала, а капланъ вскакивалъ съ мѣста, чтобы уйти.

Ганнеле давно уже слѣдовало быть замужемъ. Рандару предлагалось уже не мало «хорошихъ партій», но старая безпечность и здѣсь одерживала у него верхъ, вопреки настоятельной необходимости. Ганнеле всегда находила возраженія, между которыми главнѣйшее было то, что отецъ не можетъ обойтись безъ нея въ торговлѣ. Такимъ образомъ дожила она до двадцати четырехъ лѣтъ, и ребъ Шмуль самъ сталъ понимать, что дочери предстоитъ опасность сдѣлаться старой дѣвой. Но вотъ однажды явился изъ Бунцлау человекъ, въ которомъ Ганнеле тотчасъ же признала шадхена (свата). Цѣлый часъ сидѣлъ Шмуль запершись съ нимъ въ комнатѣ, и очень тихо разговаривали они о весьма важномъ повидимому предмету. Въ это время Ганнеле ходила въ страхѣ и волненіи, она знала, что этотъ визитъ имѣетъ отношеніе къ ней, и наконецъ не могла воздержаться, чтобы не приложить ухо къ двери. Вотъ что она услышала.

— Вы не можете и желать себѣ лучше партіи, — говорилъ шадхенъ; — во всей Богеміи будутъ завидовать вашей дочери.

— Но если она совѣмъ не желаетъ его? возразилъ ребъ Шмуль.

— Пусть она только взглянетъ на него, — сказалъ шадхенъ; Ганнеле почти видѣла его хриплый смѣхъ; — писанный красавецъ!

— Ну, пожалуй! сказалъ рандаръ послѣ длинной паузы.

— И такъ, мазельтовъ (желаю счастья); ведите же вашей дочери приготовиться. На кущи онъ пожелуетъ къ вамъ въ гости.

Ганнеле, шатаясь, отошла отъ двери; теперь она знала, что дѣло шло о ней. Съ заплаканными глазами ходила она весь день по дому. Шадхенъ остался обѣдать и обмѣнивался съ рандаромъ скрытною улыбкой. глядя на печальное лице дѣвушки, которая и не дотрогивалась до кушанья. Они принимали за дѣвственную стыдливость то, что было только нѣмымъ взрывомъ задѣтой за самую живую струну сердечной склонности.

Послѣ обѣда шадхенъ уѣхалъ. Рандаръ проводилъ его за деревню, а возвратившись, съ улыбкой сказалъ Ганнеле:

— Знаешь, кто прѣдетъ къ намъ на субботъ? (праздникъ кущей).

— А мнѣ какое до этого дѣло.

— Будетъ дѣло, отвѣчалъ ребъ Шмүль, посмотрѣвъ на дочь съ странной улыбкой, и ушелъ. Ганнеле осталась въ комнатѣ и продолжала плакать.

Какъ разъ въ этотъ день пришелъ капланъ; онъ засталъ дѣвушку въ этомъ печальномъ настроеніи. Онъ спросилъ о причинѣ, она отвѣчала слезами.

— Неужели я сталъ для васъ чужой? — шопотомъ проговорилъ священникъ и съ участіемъ наклонился къ бѣдняжкѣ; — вы вѣрно забыли о двадцати гульденахъ.

Ганнеле быстро отшатнулась отъ него.

— Этихъ денегъ, — сказала она, — мнѣ не слѣдовало давать вашему преподабію... то былъ большой грѣхъ съ моей стороны... Оттого и моя мать умерла въ ту же самую минуту...

— Хочешь получить деньги обратно?

— Нѣтъ.

— Отчего же нѣтъ?

— Я тогда подарила вамъ ихъ.

— Столько денегъ не дарятъ никому безъ всякаго намѣренія... особенно вы...

Ганнеле ничего не отвѣтила на это замѣчаніе; священникъ же продолжалъ говорить, и голосъ его становился все задушевнѣе и страстнѣе:

— И ты называешь грѣхомъ, глупенькая дѣвочка, то, что было изліяніемъ чистаго, невиннаго сердца? Почему же я именно тогда сказалъ тебѣ о своей нуждѣ? И почему ни на минуту не задумалась ты облегчить ее? Ты называешь это грѣхомъ? То было состраданіе, и Богъ надѣляетъ этимъ драгоценнымъ даромъ сердце того, кого считаетъ достойнымъ. Ты сжалилась надъ несчастнымъ... правда, Ганнеле?

Съ скрещенными какъ для молитвы руками сидѣла Ганнеле передъ капланомъ. Его слова падали на нее какъ золотой дождь. Она не смѣла ни поднять глаза, ни вздохнуть. Теперь наконецъ разрѣшилась тайна всей ея жизни; тайна эта лежала на губахъ того человѣка, который въ настоящую минуту говорить съ нею... Покровъ слетѣлъ, все обнаружилось...

Капланъ взялъ ее за подбородокъ, поднялъ пылавшее румянцемъ лице дѣвушки и сталъ смотрѣть ей въ глаза. Правую руку свою онъ положилъ на ея голову.

— Видишь ли дѣвушка, — сказалъ онъ — нашъ Спаситель получилъ въ даръ отъ Бога самое безграничное милосердіе; оттого Онъ и сидитъ въ небѣ рядомъ съ Богомъ и называется Его многолюбивымъ сыномъ. Твое состраданіе ко мнѣ было тоже истинно христіанское. Поэтому и твоя душа получить полное спасеніе, и я долженъ помочь тебѣ въ этомъ, иначе на мнѣ останется вина въ томъ, что я укралъ у неба душу.

Священникъ думалъ, что онъ говоритъ совершенно вразумительно и ясно; но Ганнеле все таки не поняла его. Онъ говорилъ еще много о вѣчномъ спасеніи и божественномъ милосердіи, которое ведетъ къ этому спасенію; онъ говорилъ съ чувствомъ и волненіемъ. Тутъ слышались

шаги рандара, и столь знаменательный разговоръ долженъ былъ окон-
читься.

Мы не можемъ показать здѣсь тѣ страницы изъ жизни Гонзы, ко-
торныя опредѣляютъ и объясняютъ его теперешнее поведеніе. Бурный
ходъ нашего разсказа заставляетъ насъ спѣшить. Но и безъ этихъ не-
достающихъ страницъ можно найти объясненіе. Есть книги, которыхъ
начало, середина и конецъ всегда составляютъ одно цѣлое, такъ что мо-
жете начинать читать на какомъ хотите мѣстѣ.

Только ночью, томясь отъ бессонницы, поняла Ганнеле сказанныя
ей въ этотъ день слова Гонзы. Поодинокѣ и отрывочно звучали они
въ ея ушахъ. Теперь смыслъ его рѣчи сталъ совершенно ясенъ для нея:
ей слѣдовало сдѣлаться христіанкой, креститься! А въ пяти шагахъ
отъ нея лежалъ такъ безмятежно и столь твердый въ своей вѣрѣ ея
отецъ!

Посѣщенія священника стали теперь повторяться; онъ сдѣлался
почти ежедневнымъ гостемъ въ домѣ рандара. Каждый визитъ его вно-
силъ каплю новой вѣры въ открытую дуну дѣвушки. Подъ дорфгой, по
которой шла прежняя вѣра ея, образовывалась все болѣе и болѣе глу-
бокая пропасть, и Гонза могъ предвидѣть минуту, когда она обру-
шится туда...

Собственно трудно сказать, какимъ именно образомъ молодой свя-
щенникъ мало по малу достигъ своей цѣли. Главный аргументъ его со-
стоялъ въ томъ, что она всегда была въ душѣ христіанкой. Въ догма-
тическихъ пунктахъ она не оказывала ему никакого сопротивленія.
Гонзѣ надо было только найти способъ разорвать узы, которыя связы-
вали ее съ отцовскимъ домомъ. Тутъ приходилось ему уничтожать нить
за нитью, тутъ душа дѣвушки сочилась кровью подъ его руками. Часто
долженъ былъ онъ сознаться себѣ, что большаго, очень большаго
труда стоить сдвинуть „еврейскую душу“ съ ея точки зрѣнія, даже
если она не стоитъ на этой почвѣ совсѣмъ твердою ногой...

Ганнеле точно впала въ лунатизмъ. Она не обращала никакого
вниманія на торговлю въ шинкѣ, потому что капканъ сдѣлалъ неча-

вистною для нея эту профессію. Но ребѣ Шмуль приписалъ это заботамъ по случаю предстоявшей свадьбы и самъ нисколько не тревожился. Каплана огорчало это состояніе Ганнеле; но онъ считалъ его необходимымъ, будучи увѣренъ, что изъ него выйдетъ цвѣтокъ истиннаго спасенія...

Между тѣмъ снова наступилъ праздникъ новаго года. Духъ этихъ дней виталъ въ этомъ домѣ по прежнему. На несчастье Ганнеле священникъ не заходилъ къ нимъ какъ разъ въ это время; иначе онъ конечно встрѣтилъ бы сопротивленіе, даже, можетъ быть, сильный отпоръ. Какъ это ни странно, но даже печенье и стряпня, приготовленія къ празднику втягивали дѣвушку въ кругъ ея старой вѣры. Вынимая изъ сундука праздничное платье отца, она оросила его слезами. Только черезъ день послѣ праздника явился Гонза; онъ нашелъ снова согласную на все слушательницу; въ домѣ опять господствовала будничная жизнь!.. А между тѣмъ приближалось и время пріѣзда жениха для „смотрины“. Ганнеле становилось все страшнѣе и страшнѣе; до праздника куцей оставалось всего двѣ недѣли. Когда ее никто не видѣлъ, она въ отчаяніи ломала руки; иногда уходила она далеко за деревню, до того мѣста, гдѣ бѣлый памятникъ ея матери возвышался на мюнхенгрецкомъ „доброму мѣстѣ“. Но никакого облегченія, никакого утѣшенія не чувствовала она здѣсь, повѣряя плакучимъ ивамъ свое нѣмое страданіе. Богъ оставилъ ее — но она хотѣла воспринять въ себя новаго. Какъ одинъ волчець цѣпляется за другой, составляя такимъ образомъ цѣпь колючекъ и терній, такъ здѣсь соединялись въ одинъ узелъ Богъ, возлюбленный и страхъ. Развязать этотъ узелъ могло только одно рѣшеніе.

XIV.

Юнгъ-Кипуръ.

Пріѣздъ брата изъ Праги, гдѣ онъ счастливо выдержалъ окончательный экзаменъ, ничего не измѣнилъ въ положеніи Ганнеле. Теперь

сдѣлалось двумя глазами больше въ домѣ, и она едва смѣла прямо смотрѣть своими собственными.

Въ шумномъ водоворотѣ жизни нерѣдко случается, что важное событіе проходит незамѣченнымъ, между тѣмъ какъ незначительное несетя по волнамъ современности словно гордый корабль, производя такой шумъ, что берега дрожать. Но и въ тихомъ и смиренномъ доиѣ встрѣчается такое же явленіе. Такимъ образомъ новый „докторъ“ не вызвалъ особеннаго волненія: къ этому были ужъ слишкомъ давно подготовлены. Вотъ, если бы рандарша была еще жива! Она бы увидѣла доблестно осуществленными прекрасныя грезы ея существованія! Рандаръ радовался только, что Морицъ наконецъ „готовъ“ и что четырнадцать лѣтъ, стоившія столько денегъ, наконецъ миновали.

— Чѣмъ же ты думаешь теперь заняться? спросилъ онъ сына тотчасъ же послѣ его пріѣзда.

— Леченіемъ, отвѣчала, улыбаясь, Морицъ.

— Но гдѣ?

— Этого я еще не знаю. Покажѣте несомнѣнно только то, что я докторъ.

— Неужели же, — возражалъ, горячась, рандаръ — наука только къ тому и приводитъ, что послѣ четырнадцати лѣтъ ученья не знаешь, за что приняться? Нашъ праотецъ Яковъ, прослуживъ четырнадцать лѣтъ, зналъ по крайней мѣрѣ, что его ожидаетъ послѣ этого? Въ деревнѣ впрочемъ ты не останешься ни въ какомъ случаѣ!

— Почему же это?

— Потому, что я не хочу, и столько денегъ за это время я выдалъ не для того, чтобы ты въ концѣ концовъ сталъ лечить мужика Павла или Вацлава за пару яицъ или корзинку картофеля. Этого я ни за что не потеряю!

Морицъ замолчалъ. При первомъ входѣ въ домъ — оппозиція старыхъ предрасудковъ!

Канунъ „Ломъ-Кипура“ наступилъ; въ домѣ дѣлались разнообразныя приготовления. Это день, подчиняющій своей власти всякій умъ,

всякое сердце; его не отгонишь отъ себя никакою шуткой, никакою насмѣшкой. Подобно колоколу въ сказкѣ, который гнался за ребенкомъ. послѣ того какъ тотъ не захотѣлъ пойти на звонъ, призывавшій его въ церковь—этотъ день всюду слѣдуетъ за человекомъ, и когда встрѣчается родственную душу, то зоветъ ее къ тишинѣ и созерцанью. И Морицъ подчинился этому впечатлѣнью.

Онъ могъ замѣтить, какъ Йомъ-Кипуръ приближался мало по малу; предвѣстниковъ появилось достаточно. Въ этомъ и состоитъ своеобразность еврейскихъ праздниковъ, что большая часть ихъ являются въ сопровожденіи кануна праздника и дня, слѣдующаго за нимъ. Сперва приготовленіе, потомъ веселье или скорбь, наконецъ отдыхъ.

Рано утромъ, послѣ молитвы ребъ Шмуль сказалъ Ганнеле:

— Теперь позаботься-ка, чтобъ обѣдъ былъ готовъ во время. Йомъ-Кипуръ вѣдь шутить не любитъ; онъ и великана повалить, коли дѣлать ему наперекоръ.

Ганнеле исполнила всѣ приказанія отца; она полетѣла въ кухню и велѣла старой Ханне поторопиться. Послѣ этого вынула изъ сундука саванъ рандара, который ребъ Шмуль долженъ былъ носить на себѣ въ синагогѣ сегодня вечеромъ и завтра днемъ. Замѣтивъ, что на одномъ рукавѣ отпоролась кружева, она взяла иголку съ ниткой и привела все въ исправность. Во время шитья горячія слезы капали на полотно!

Черезъ часъ послѣ того принесли пѣтуха и курицъ, и начался обрядъ битья „капоресъ“.

Всѣ домашніе, за исключеніемъ христіанской прислуги, были созваны въ большую комнату. Тутъ должно было символически совершиться искупленіе всѣхъ грѣховъ, отъ которыхъ предстояло освободиться на слѣдующій день посредствомъ молитвы и самобичеванія. Когда всѣ собрались, рандаръ сперва внимательно осмотрѣлъ, не достаетъ ли когонибудь; потомъ взялъ молитвенникъ и началъ громко читать относящуюся къ этому обряду молитву. Когда онъ дошелъ до того мѣста ея, въ которомъ какъ бы сбрасываешь свои грѣхи на животное, которое держишь въ рукахъ, рандаръ схватилъ пѣтуха и три раза сильно уда-

рилъ его по головѣ, при чемъ произнесъ молитвенную формулу: «Этотъ пѣтухъ умираетъ во искупленіе моихъ грѣховъ.» Тоже самое продѣлали остальные домашніе одинъ за другимъ, сообразно положенію и достоинству каждаго. Старая Ханне не умѣла читать „ивре“ (по еврейски), и потому за нее сказала молитву другой. Она сперва провела своимъ фартухомъ по лицу, какъ бы съ цѣлью придать себѣ святости; но долго-временный навыкъ научилъ ее, въ какомъ мѣстѣ молитвы ей слѣдовало ударить курицу по головѣ. По окончаніи церемоніи, пѣтуховъ и курицъ связали по ногамъ и отправили къ рѣзнику въ гетто.

Всѣ собирались разойтись по своимъ занятіямъ, когда внезапно растворилась дверь, и на порогъ нерѣшительно остановился человѣкъ въ запыленномъ польскомъ костюмѣ.

— Въ время ли я поспѣлъ къ битью капоресь? спросилъ онъ, глядя съ улыбкой на рандара.

Ребъ Шмуль долго всматривался въ лицо нищаго, который былъ никто иной, какъ нашъ Мендель Вильна. Наконецъ онъ воскликнулъ въ радостномъ волненіи:

— Умри я, если это не Мендель Вильна!

— Ну, въ такомъ случаѣ вы безъ сомнѣнія проживете еще столѣтъ, потому что это дѣйствительно я, сказалъ старшій другъ дома, пожмая руку рандара въ отвѣтъ на его искреннее „шалемъ аলেখъ“. Морицъ тоже привѣтствовалъ нищаго, но Гантеле, какъ только узнала гостя, тотчасъ же боязливо выбѣжала изъ комнаты.

Для Мендела Вильны тоже принесли пѣтуха; онъ совершилъ обрядъ съ тѣми же словами.

— Ну что жъ, ребъ Мендель,—спросилъ рандаръ черезъ нѣсколько времени, когда нишій снялъ съ себя свой багажъ,—не находите ли вы, что достаточно уже постранствовали по свѣту? Я полагаю, что вы теперь уже толстѣе и богатѣе человѣкъ.

— Отъ странствованій не толстѣешь и не богатѣешь, ребъ Шмуль, возразилъ нишій съ мрачной улыбкой.

— Такъ для чего же вы это дѣлаете?—горячо замѣтилъ рандаръ.

— Дома у васъ есть жена и дѣти, и вы можете прокормиться. Съ хожденіемъ по свѣту вы ничего не добьетесь; вы ужь не ребенокъ, ребѣ Мендель, и когда человѣкъ постарѣлъ и посѣдѣлъ, ему слѣдуетъ прохаживаться съ палочкой по теплой комнатѣ, а не по большой дорогѣ.

— Ребѣ Шмуль!—громко воскликнулъ нищій, поднимаясь съ своего мѣста, — Господь, который всемогущъ и знаетъ сердце человѣка, свидѣтель мнѣ, что я странствую по свѣту не изъ-за прибыли и денегъ. Вы правы, ребѣ Шмуль: я могъ бы спокойно жить на старости. Но я шнореръ, которому люди даютъ ради Бога кусокъ хлѣба и который никогда не знаетъ, гдѣ онъ проведетъ сегодняшнюю ночь. Да развѣ ради этого веду я такую жизнь? Деньги—деньги, и жена и дѣти—люди; я веду такую жизнь ради Іерусалима!

— Онъ все еще не бросилъ стараго дурачества! сказалъ рандаръ, пожавъ плечами, и вышелъ изъ комнаты.

Морицъ безмолвно сидѣлъ противъ огорченнаго старика; онъ жалѣлъ этого страннаго мечтателя, который уже столько лѣтъ всюду терпѣлъ крушеніе со своею, доведенною до помѣшательства, идеею.

— Не сердитесь на отца, ребѣ Мендель, — тихо сказалъ онъ, — за его рѣзкія слова. Онъ все таки очень расположенъ къ вамъ.

— Да развѣ я этого не знаю—сказалъ нищій со слезами; — Господи, Господи! За что посылаешь ты мнѣ такія вещи отъ тѣхъ людей, которыхъ я люблю, какъ мою жизнь!

Тутъ онъ вдругъ замолчалъ и схватилъ свой дорожный посохъ, стоявшій около его стула; но черезъ минуту снова выпустилъ его изъ рукъ.

— Не будь Іомъ Бипуръ за порогомъ, — глухо сказалъ онъ про себя—клянусь головою, я ни минуты дольше не остался бы въ этомъ домѣ. Ребѣ Шмуль сдѣлался теперь тоже моимъ заклятымъ врагомъ. Развѣ я не дуракъ въ его глазахъ? Развѣ онъ не назвалъ меня дуракомъ?

— Такъ называютъ насъ всѣ, не понимающіе нашей идеи, — зашѣтилъ Морицъ. — Сперва она поражаетъ ихъ, они внимательно при-

слушиваются къ ней, потомъ находятъ ее смѣшною. Что вы удивляетесь и скорбите, если между этого рода людьми ни одинъ не хочетъ сдѣлать исключенья для васъ? Вѣдь и я тоже не соглашусь принести ни одного камешка для постройки Иерусалима, и поэтому выкиньте и вы изъ головы мысль сдѣлаться когда нибудь строителемъ!

— Нѣтъ, нѣтъ! — закричалъ нищій, снова схвативъ палку и порывисто прижимая ее къ себѣ: — я не откажусь отъ этой мысли! Кто въ состояніи вырвать ее изъ моей груди? Богъ одинъ въ состояніи, — но не вы и не вашъ отецъ!

— И развѣ онъ не правъ, говоря... хотѣлъ сказать Морицъ съ улыбкой, но остановился, увидѣвъ, что шнореръ упалъ на стулъ съ громкими рыданіями. Молодому человѣку едва удалось успокоить его.

Въ теченіе дня онъ сообщилъ Морицу, что предложеніе, сдѣланное имъ Ротшильдъ, еще не имѣло никакого результата, но что безъ сомнѣнія Ротшильдъ скоро пришлетъ за нимъ, и тогда великое дѣло пойдетъ впередъ быстро!

Между тѣмъ дообѣденное время почти прошло; сегодня сѣли за столъ раньше обыкновеннаго, потому что не дальше какъ черезъ три часа должна была состояться послѣдняя трапеза передъ великимъ постомъ. За столомъ только и говорили, что о Іомъ-Кипурѣ, всякому изъ собесѣдниковъ онъ представлялся подъ инымъ видомъ. Одинъ замѣтилъ: „Хоть бы скорѣе ужъ онъ окончился!“ Но молодой парень, служившій при корчмѣ, возразилъ: „И стоимъ ли такъ кричать и волноваться изъ-за одного дня поста!“ — при чемъ однако пропустилъ въ себя такую здоровенную порцію, что ребѣ Шмуль со смѣхомъ воскликнулъ: — Оттого-то вѣрно ты и дѣлаешь себѣ такой обильный запасъ!

Вообще къ „длинному дню“ готовились очень весело, въ домѣ господствовали шутка и смѣхъ, а между тѣмъ постъ и покаяніе были въ нѣсколькихъ шагахъ...

Около пяти часовъ подали ѣсть въ послѣдній разъ; теперь были истреблены какъ бы въ видѣ жертвенныхъ животныхъ тѣ пѣтухи и курицы, которые послужили утромъ для обряда „капоресъ“. За этою тра-

пезою настроеніе было уже гораздо серьезнѣе; всѣ торопились, чтобы въ-время поспѣть въ мюнхенгрецкую синагогу. Передъ уходомъ ребѣ Шмуль настоятельно поручилъ Ганнеле хорошенько смотрѣть за домомъ, чтобы ничего не пропало, и въ то же время прилежно молиться; для этого онъ указалъ ей въ молитвенникѣ молитвы, относящіяся къ нынѣшнему дню и къ завтрашнему. Послѣ этого Ганнеле по старому обычаю попросила у него прощенья во всемъ, въ чемъ она провинилась передъ нимъ, и по непонятной причинѣ сильно расплакалась, когда поцѣловала у него руку.

— Ну, ну, — сказалъ рандаръ, — не плачь такъ крѣпко! Если будешь усердно молиться, скоро получишь хорошаго мужа!

Наконецъ всѣ ушли. Ганнеле осталась въ домѣ одна-одинешенька; она затворила всѣ двери, заперла и шинокъ, потому что вѣдь сегодня нельзя было впустить ни одного посѣтителя. Безмолвіе смерти легло на жилище рандара. Ганнеле взяла молитвенникъ и начала читать указанные отцемъ вечернія молитвы. Прежде чѣмъ лечь спать, она еще сбѣгала къ Вацлавшѣ и попросила ее прійти погасить свѣчи, такъ какъ „она сама не имѣла права сегодня прикасаться ни къ какому свѣту“. Странная загадка души! Она носила въ себѣ клятвopреступленіе и измѣну религіи своихъ отцевъ, и въ то же время не смѣла нарушить незначительное постановленіе этой же религіи!

Рандаръ и Морицъ вмѣстѣ со всѣми остальными домашними провели ночь въ гетто, такъ какъ богослуженіе продолжалось до десяти часовъ. Они должны были вернуться только на слѣдующій день вечеромъ.

Когда Ганнеле, поздно вставъ на слѣдующее утро, увидѣла себя въ такомъ одиночествѣ, на нее напалъ страхъ. Она поспѣшно одѣлась и приступила къ молитвѣ. Но сегодня она уже забыла, какія молитвы отецъ указалъ ей наканунѣ. Это привело ее въ смущеніе; ей казалось, что если она станетъ читать не ту молитву, чтѣ слѣдуетъ — это не будетъ имѣть никакого значенья! Поэтому она предпочла вовсе не молиться. Такимъ образомъ осталась она въ праздности, и воспомина-

наніе быстро и услужливо воскресило передъ нею все, что могло от-
вратить ее отъ Бога и молитвы!

Лучезарнымъ солнечнымъ свѣтомъ стоялъ теперь капланъ передъ
ея душою! Она жаждала его; ей такъ хотѣлось снова услышать его
голосъ, снова увидѣть его лице! Смутно зашевелилась въ ней мысль—
какъ въ настоящую минуту все благопріятствовало уходу ея изъ отцов-
скаго дома! Тогда она будетъ свободна отъ всего... и что сказалъ бы
Гонза, если бы она вдругъ пришла къ нему, такая послушная его сло-
вамъ?..

Каждую минуту ждала она, что вотъ-вотъ онъ появится. Оно
вѣдь должно такъ быть, потому что она сегодня одна! Въ этомъ том-
леніи по немъ все въ этомъ человѣкѣ представлялось ей самою чистою
истиной. Она понимала его только теперь, она хотѣла принадлежать
ему...

Около полудня пошла она къ родителямъ Гонзы, чтобы подѣ ка-
кимъ-то ничтожнымъ предлогомъ справиться, пріѣхалъ ли уже г. ка-
планъ. Она застала ихъ за обѣдомъ; теперь, должно быть, нѣтъ жилось
хорошо, потому что на столѣ стояло мясо. Вацлавша очень удивилась,
что „барышня“ пришла къ ней сегодня, въ этотъ „долгій“ день; Ган-
неле же объяснила, что ей было страшно оставаться одной въ пустомъ
домѣ. Старикъ Вацлавъ, замѣтивъ, что она кинула взглядъ на ле-
жавшее на блюдѣ мясо, сказалъ:

— Что, барышня, вамъ вѣрно чудно видѣть у насъ это блюдо?

— Нисколько, отвѣчала она въ смущеніи.

— И все это, — замѣтила Вацлавша, — мы получаемъ отъ
нашего высокопреподобнаго сына! Пошли ему Господь счастье и бла-
гословенье!.. Нашъ Гонза сошелъ на землю свыше, оттого Господь и
любитъ такъ его!

Ганнеле вернулась домой. Гонза, добрый, прекрасный сынъ, сто-
ялъ передъ нею лучезарнымъ ангеломъ неба.

Мгновенно совершилась теперь въ Ганнеле та внутренняя работа,

которая уничтожала ея Бога, ея религію и ея будущность. Она подпала власти неодолимой судьбы.

Прежде всего она взяла молитвенникъ, еще лежавшій раскрытымъ на столѣ, и кинула его на полъ. Затѣмъ быстро открыла одинъ сундукъ и выдернула оттуда нѣсколько платьевъ; изъ другаго вынула она бѣлье. Все это она увязала въ большой платокъ, мелкія же вещи поспѣшно попрятала по карманамъ. Скрипъ дверей на петляхъ, мертвая тишина во всемъ домѣ пугали ее. Она хотѣла уже выйти, но вдругъ вспомнила, что при ней нѣтъ денегъ. Снова взяла она ключи и открыла письменный столъ отца. Серебряныя монеты сверкнули ей въ глаза, она взяла ихъ и не испугалась. Но въ карманѣ уже не оказалось мѣста для денегъ. Прилежно стала она искать въ ящикахъ чего нибудь, куда бы спрятать ихъ. Тутъ попался ей на глаза мѣшочекъ съ землею изъ Іерусалима, лежавшій тутъ уже два года. Ганнеле не задумалась: быстро развязала снурокъ, и драгоценное содержимое высыпалось на полъ. Въ опорожненный мѣшочекъ она наложила денегъ. Только теперь охватилъ ее весь ужасъ совершеннаго ею поступка, она оставила двери и ящики широко раскрытыми и выбѣжала изъ дому.

Одинъ изъ тѣхъ странныхъ просвѣтовъ, которые являются въ человѣческой душѣ въ подобномъ настроеніи, заставилъ ее на минуту остановиться въ сѣняхъ и задуматься. Вацлавша какъ разъ въ это время очутилась передъ ихъ домою. Ганнеле, задыхаясь, перебѣжала къ ней черезъ улицу:

— Присмотрите за домою. Вацлавша... А когда мои придутъ домой и спросятъ обо мнѣ... скажите имъ, что я ушла къ вашему Гонзѣ... и никогда больше не вернусь...

Не сказавъ больше ни слова, она снова вбѣжала въ домъ, тамъ взяла свой узелъ и кинулась по дорогѣ къ полямъ.

Вацлавша съ изумленіемъ смотрѣла ей вслѣдъ.

XV.

Заключеніе.

Когда на слѣдующій вечеръ мужчины, усталые и голодные, вернулись въ деревню, шедшему впереди ихъ рандару уже издали кинулось въ глаза, что въ большой комнатѣ шинка не было видно огня.

— Она вѣрно въ кухнѣ и готовить, высказалъ предположеніе одинъ изъ прислуги.

Ребъ Шмуль порадовался въ душѣ осторожности Ганнеле, что она не оставляла свѣчи въ комнатѣ, когда тамъ никого не было. Среди разговоровъ на разныя темы и шуточныхъ вопросовъ на счетъ того, кто лучше всѣхъ перенесъ постъ, дошли до дома. Рандаръ и на этотъ разъ, какъ всегда послѣ поста, не забылъ рекомендовать всѣмъ быть умѣренными въ ѣдѣ, такъ какъ иначе Юмъ Кипуръ сдѣлается отравою для желудка, а не благодѣяніемъ для души. Мориць, какъ докторъ, долженъ былъ подтвердить это. Всѣ единогласно общали послѣдовать совѣту; но въ душѣ выразили ребъ Шмулю мятежное сопротивление.

Передъ ихъ воротами, въ ночномъ сумракѣ, старая Вацлавша продолжала стоять, охраняя домъ рандара. И сама она была теперь мрачный духъ ночи, которому стоило теперь произнести волшебное слово, чтобы превратить все это жилище въ юдоль скорби и бѣдствія. Мужчины привѣтствовали ее и прошли мимо. Вацлавша подвинулась ближе.

Въ сѣняхъ тоже было темно, въ кухнѣ не горѣлъ огонь. Рандаръ все еще не ощущалъ ни малѣйшаго недобраго предчувствія.

— Неужели же она не знаетъ, — задавалъ онъ самому себѣ вопросъ, — что уже можно зажечь огонь? Держу пари, что отъ голода она заснула.

Ощупью прошли они въ темнотѣ по просторнымъ комнатамъ. Въ отвѣтъ на многократный зовъ не послышалось ни одного звука, ни

одного шага. Тотъ безмолвный страхъ, который подготавливаетъ къ чему-то чудовищному, напалъ на всѣхъ.

— Господи!—воскликнулъ рандаръ, — надѣюсь, что съ Ганнеле не случилось ничего дурнаго?

Мальчикъ изъ прислуги отправился въ кухню за спичками; онъ вернулся съ огнемъ. Тутъ открылось странное зрѣлище. Ящики и сундуки были открыты, на полу валялось разбросанное платье, повсюду беспорядокъ, священный молитвенникъ тоже на полу.

— Похоже на то,—замѣтилъ слуга, — какъ будто здѣсь, сохрани насъ Боже, были воры...

— Кто говоритъ это? крикнулъ рандаръ и порывисто схватилъ слугу за руку. Но въ это же время онъ самъ обинулъ глазами комнату и замѣтилъ беспорядокъ. Изъ письменнаго стола были вынуты деньги, маленькіе ящики его стояли открыты.

— Да, тутъ вѣрно были воры! сказалъ онъ въ полголоса, какъ будто боясь еще найти подтвержденіе своему мнѣнію. Тѣмъ энергичнѣе продолжали они теперь звать Ганнеле; ее искали со свѣчами во всемъ домѣ, обшарили всѣ углы и все еще не могли напасть на настоящій слѣдъ.

Между тѣмъ ребѣ Шмуль внимательнѣе осмотрѣлъ ящики въ письменномъ столѣ. Унесенными оказались всего нѣсколько гульденовъ; болѣе крупныя деньги и драгоценности остались не тронутыми. Такъ онъ дошелъ до ящика, въ которомъ сохранялась земля изъ Иерусалима; вдругъ раздался его крикъ; — Земли, земли нѣтъ! это не могъ сдѣлать воръ!

Крикъ заставилъ Вацлавшу подвинуться еще ближе; теперь она стояла на порогѣ комнаты.

— Вотъ кто долженъ знать, гдѣ Ганнеле! крикнулъ слуга и втащилъ старуху на середину комнаты.

Вацлавша прямо и просто передала порученіе Ганнеле.

— Боже милосердный!—воскликнулъ рандаръ,—она пошла креститься!

И въ эту минуту жизнь Ганнеле встала передъ глазами всѣхъ словно освѣщенное факелами пространство; особенно Морицъ увидѣлъ ее вполне явственно, со всѣми ея очертаніями и ея штрихами. Еще весь дрожа отъ волненія, онъ сказалъ:—Это не можетъ быть! Ганнеле не могла забыться до такой степени!

—Земля,—земля! кричалъ несчастный отецъ;—она хотѣла огорчить меня, я не переживу этого!

И долго послѣ этого стоялъ онъ, ломая руки, съ почти окаменѣвшими лицомъ. Такъ какъ въ подобныя минуты душа не даетъ себѣ яснаго отчета ни въ одномъ изъ своихъ ощущеній и часто останавливается только на незначительнѣйшей сторонѣ своего горя, то ребъ Шмуль повторялъ только: „земля, земля!“ Онъ не могъ даже плакать.

—И какъ разъ въ святой Іомъ-Кипуръ! бормоталъ Мендель Вильна.

Морицъ успѣшилъ высказать мнѣніе, что поступокъ Ганнеле еще не могъ быть доведенъ до конца, такъ какъ по закону требовалось сперва испросить согласіе отца, и Ганнеле еще не совершеннолѣтняя. Эти слова не остались незамѣченными рандаромъ, и онъ быстро рѣшился.

— Дай мнѣ мою палку, — сказалъ онъ почти спокойно Морицу, — я самъ отправлюсь за нею.

Онъ застегнулъ сюртукъ и протянулъ руку за палкой, которую Морицъ еще не подаль ему.

— Пусти меня, — возразилъ сынъ, — я ворочу ее прежде.

Рандаръ бѣшено толкнулъ его.

— Палку, — крикнулъ онъ; — она не выйдетъ живою изъ моихъ рукъ! Убью ее, подлую! она вогнала меня въ гробъ!

Морицу, сообразившему, въ какихъ ужасныхъ послѣдствіяхъ привело бы свиданіе отца съ дочерью, стоило невѣроятныхъ усилій успокоить его. Мендель Вильна и слуга тоже удерживали и упрашивали старика, такъ что онъ наконецъ уступилъ, ослабѣвъ собственно болѣе физически, чѣмъ душевно.

— И я отправлюсь съ вами, сказалъ Мендель.

Слуга пошелъ въ конюшню запречь лошадей. Это было дѣломъ нѣсколькихъ минутъ.

Они поѣхали среди глубокой темноты, поэтому лошади двигались медленно. Слуга правившій ими, нѣсколько разъ сбивался съ дороги Мѣсяць и звѣзды свѣтили очень тускло; время тянулось безконечно долго.

Никто не говорилъ ни слова. Поздно ночью вѣхали они въ деревню. Мориць былъ въ страшномъ волненіи; точно ему предстояло совершить какое нибудь неслыхано-ужасное дѣло. Все его дѣтство проходило теперь передъ его глазами; вѣдь онъ — думалось ему — испилъ изъ чаши опыта больше своей сестры, а между тѣмъ не онъ, а она сошла съ пути старой вѣры. Но тутъ же онъ говорилъ себѣ, что не пережитый опытъ побудилъ дѣвушку рѣшиться на такой страшный шагъ. Эти мысли привели его почти въ уныніе, онъ не зналъ, какъ ему вести себя съ сестрой. Такая бездна образовалась въ одинъ день между нимъ и самыми близкими къ нему людьми!

Передъ постояннымъ дворомъ они остановились. Мориць оставилъ здѣсь слугу съ лошадьми, основательно сообразивъ, что неблагоразумно ѣхать до самаго дома священника, и пошелъ съ Менделемъ пѣшкомъ. Церковь съ священническимъ жилищемъ помѣщается на самомъ концѣ деревни; тамъ еще горѣлъ огонь.

Дойдя сюда, Мориць остановился въ нерѣшительности. Все бремя предстоявшаго ему дѣла разомъ обрушилось на него. Такъ близко отъ цѣли овладѣли имъ сомнѣніе и уныніе.

— Ну что же, идемъ мы или нѣтъ?—спросилъ Мендель.—Но я долженъ сказать, что не будь вашъ отецъ, намъ бы слѣдовало оставить ее здѣсь... Потому что какой намъ изъ нея прокъ? Вѣдь еврейкою она уже не будетъ. Кто разъ ушелъ изъ еврейскаго дома, больше въ него не вернется. Кто не хочетъ оставаться евреемъ, пусть себѣ уходитъ совѣтъ; Богу не нужны такіе дезертиры!

— Ну, это у васъ таже исторія, что съ постройкой Іерусалима! сердито замѣтилъ Мориць.

И онъ такъ сильно стукнулъ обѣими руками въ дверь, что весь домъ задрожалъ. Черезъ нѣсколько минутъ въ сѣняхъ показался огонь, и ключница отодвинула тяжелый засовъ. Увидѣвъ обоихъ посетителей, она нисколько не испугалась; повидимому она была приготовлена къ ихъ приходу.

— Чего вамъ? спросила она.

— Я хочу поговорить съ г. капланомъ.

— Его преподобіе уже почиваетъ, — нерѣшительно сказала ключница; — приходите завтра.

— Нѣтъ, — закричалъ онъ, — я долженъ говорить съ нимъ сейчасъ.

Ключница, испуганная его обѣнными жестами, испустила пронзительный крикъ, но въ эту минуту дверь въ комнату отворилась, и оттуда вышелъ самъ капланъ въ священническомъ одѣяніи. Онъ еще не дожился — это было видно.

Нѣсколько минутъ оба стояли другъ противъ друга, не говоря ни слова. Затѣмъ капланъ сказалъ почти беззвучно:

— Я знаю, зачѣмъ вы пріѣхали.

— За мою сестрой.

Священникъ попросилъ Морица и Вильну войти въ комнату. Ганнеле тамъ небыло.

— Она больше не вернется къ вамъ, — сказалъ онъ съ мрачнымъ выраженіемъ лица, — она сама заявила мнѣ это.

— Поэтому я хочу переговорить съ нею самою.

— Она явственно и безусловно выразила мнѣ свое рѣшеніе перейти въ католическую вѣру. Противъ этого не можетъ возражать ни одинъ человѣкъ.

— Смѣшное притязаніе! — крикнулъ дрожавшій всѣмъ тѣломъ Морицъ, — желать вырвать душу, какъ дерево, когда оно прикрѣплено еще къ землѣ всѣми своими корнями!.. Моя сестра еще не совершеннopolѣтняя.

— И вы думаете, — вѣшался нищій, — что пережвѣнить свою религію также легко, какъ перевернуть руку?

— Это ея добрая воля.

— У нея нѣтъ никакой воли, — твердо возразилъ Морицъ, — и отецъ не позволяетъ этого. Я обращаю ваше вниманіе на существующій законъ.

— И это говоришь ты? Ты говоришь о законахъ? Они для насъ не имѣютъ значенья!

— Да.

— Она не вернется больше, — сказалъ капланъ, — и мнѣ очень странно, что именно ты требуешь ее обратно. Тебѣ вѣдь слѣдовало бы знать, что она обращается къ чистой, прекрасной вѣрѣ. И такъ какъ это совершается въ ней по добровольному побужденію, то надо скорѣе завидовать ей, чѣмъ порицать ее. Ты тоже не мало измѣнился, Морицъ!

— Только не въ моихъ убѣжденіяхъ... Впрочемъ, не напоминайте мнѣ о томъ времени, когда мы были на ты. Моя сестра должна вернуться домой.

Тутъ въ Гонзѣ разразилась долго сдерживавшаяся злоба.

— Хоть бы вы всѣ пришли сюда, — рѣзко крикнулъ онъ, — я не выдамъ ея!

Въ эту минуту ключница вошла и шепнула что-то на уху священнику. Онъ повидимому очень смутился и поспѣшно направился къ двери; но на порогѣ встрѣтился съ Ганнеле.

— Правда ли, дѣвушка, — вскричалъ онъ и хотѣлъ взять ее за руку, — что ты желаешь вернуться домой?

Но Ганнеле высвободила свою руку и стояла теперь посредникъ между капланомъ и Морицемъ.

При видѣ ея, гнѣвъ и негодованіе Морица исчезли. Громко плача, винулся онъ къ ней:

— Неужели ты хочешь глубоко огорчить отца, Ганнеле? Вѣдь

онъ всегда такъ любилъ тебя, гораздо больше, чѣмъ меня! Что станеть онъ дѣлать, когда его дорогое дитя такъ поступаетъ съ нимъ?

Капканъ закусила губы. У Менделя Вильны выступили въ глазахъ слезы. И онъ тоже обратился къ дѣвушкамъ съ увѣщаньемъ:

— Когда настанеть воскресеніе мертвыхъ, то на небѣ сойдутся всѣ тѣ, которые при жизни составляли одну семью! Отецъ и мать будутъ радоваться на своихъ дѣтей... но гдѣ же будешь тогда ты, Ганнеле? Гдѣ будутъ лежать твои кости? Кто признаетъ тебя? Не признаетъ ни твой отецъ, ни твоя мать—къ кому же пойдешь ты?

Тяжелое безмолвіе охватило комнату послѣ этихъ словъ. Но въ Ганнеле внутренняя борьба уже окончилась.

— Не говорите ничего больше, — произнесла она твердымъ голосомъ; — я ѣду. Пусть отецъ дѣлаетъ со мной, что хочетъ.

— Поѣзжай, — съ горечью сказалъ капканъ; — ты всегда была такая же фальшивая, какъ и всѣ вы! — И онъ вышелъ въ другую комнату, сильно захлопнувъ за собою дверь.

Когда они были уже на улицѣ, ключница выбросила за окно принесенный Ганнеле узелъ съ вещами.

— Ступай себѣ, проклятая жидовка! ядовито крикнула она ей въ слѣдъ.

И такимъ образомъ Морицъ повезъ сестру домой. Она въ слезахъ лежала у него на колѣнахъ. Слуга сильно погонялъ лошадей, и онѣ мчались почти также быстро, какъ мысли въ головѣ Морица. Въ полночь они были уже дома.

Когда рандаръ снова увидѣлъ передъ собою раскаявшуюся дочь, онъ не произнесъ ни слова, нѣсколько минутъ пристально смотрѣлъ на нее и потомъ отвернулся. Морица испугало это молчаніе; оно не предвѣщало ему ничего хорошаго. Онъ предпочелъ бы бурные упреки и обвиненія. Это настроеніе отца представилось ему почти непонятнымъ.

И предчувствіе не обмануло Морица. Бѣгство Ганнеле подрубило въ корень жизненное дерево рандара. На слѣдующее утро онъ уже не могъ встать съ постели, и когда Мендель Вильна собрался снова въ дорогу.

онъ слабымъ голосомъ попросилъ его не уходить, подождать, пока онъ умретъ. Никакія увѣщанія не могли выбить эту мысль изъ головы; онъ упорно стоялъ на томъ, что больше ему не подняться. Долгія посты въ Іомъ-Кипуръ и немедленно затѣмъ послѣдовавшее душевное потрясеніе подтачивали его жизнь. Онъ лежалъ, постоянно повернувшись къ стѣнѣ, рѣдко говорилъ, и только изрѣдка вырывались у него глубоко запавшіе къ нему въ душу звуки: „Земля земля!“

На суккотъ не явился для „смотря“ никакой женихъ, но въ домѣ лежалъ трупъ; рандаръ скончался на второй день праздника кушей.

Мендель Вильна, распостившійся теперь навсегда, сказалъ, уходя:

— Послѣ всего, что я до сихъ поръ видѣлъ и слышалъ, все таки слѣдовало бы построить Іерусалимъ. Я только теперь и примусь настоящимъ образомъ за это дѣло...

Мориць практикуетъ въ одномъ изъ смиренныхъ гетто Богеміи. Онъ излечиваетъ больныя тѣла и души. Его сестра Ганнеле—живое тому доказательство. Она никогда не выйдетъ замужъ. Ей, уже сдѣлавшей нѣсколько шаговъ на „чуждыхъ путяхъ“, возможно ли забыть, кто былъ нѣкогда товарищемъ ея дѣтства?..

Перев. Петръ Вейбергъ.

ИЗЪ БИБЛЕЙСНИХЪ МОТИВОВЪ.

НЕОПАЛИМАЯ КУПЕЛЬ.

Я по пустынь шель. Вечерній небосклонъ
    Мерцалъ румянцемъ предзакатнымъ,
А воздухъ голубой былъ влажно напоенъ
    Цвѣтовъ куреньемъ ароматнымъ.

Въ лиловой полумглѣ неровной цѣпью горъ
    Вдали дремалъ Синай маститый...
И вдругъ замѣтилъ я сверкающій костеръ,
    Багровымъ заревомъ облитый.

То пышный кустъ горѣлъ—горѣлъ и не сгоралъ,
    И въ купинѣ неопалимой
Могучій голосъ мнѣ отважно прозвучалъ:
    „Ко мнѣ, ко мнѣ, неустрашимый!“

Я подошелъ къ нему несмѣлою стопой
    И, словно огненное знамя,
Слѣпя мои глаза, взметнулось предо мной
    Костра сверкающее пламя.

И снова голосъ я слышалъ изъ огня,
Звучалъ онъ, полный вдохновенья:
„Я—Богъ негнѣнный твой; послушайся Меня,
Дай бѣдной родинѣ спасенье!

Ты слышишь плачь и стонъ—то ропщеть твой народъ
Подъ тяжкимъ игомъ Фараона.
Есть путь передъ тобой—веди его впередъ,—
Тебѣ я буду оборона.

„Я покажу тебѣ обѣтованный край,
Край вѣчной правды и святни!..
Есть рѣчь въ твоихъ устахъ—иди и вразумляй!
Есть сердце—будь вождемъ отнынѣ!“

Таинственный глаголь торжественно звучалъ,
Исполненъ божьяго завѣта,
А пышный кустъ горѣлъ, горѣлъ и не сгоралъ,
Вокругъ роняя искры свѣта...

Константинъ Фофановъ.

МОИСЕЙ МОНТЕФІОРЕ.

(По поводу его столѣтняго юбилея).

(Окончаніе *).

Первымъ его дѣломъ, какъ только онъ успѣлъ оправиться отъ самой опасной болѣзни въ его жизни, — о рѣдко излечимой *cysticercus cellulosaе*, постигшей его вскорѣ по возвращеніи въ 1833 г.,—было образованіе оказавшаго впоследствии столь много великихъ услугъ евреямъ въ ихъ борьбѣ изъза приобрѣтенія человѣческихъ правъ и еще понынѣ существующаго «Еврейскаго комитета депутатовъ», главнымъ президентомъ котораго онъ и былъ избранъ въ 1835 г., когда этотъ союзъ британскихъ евреевъ былъ признанъ обществомъ и правительствомъ полезнымъ учрежденіемъ.

Какъ ни старался Мозесъ Монтефіоре сохранить всѣ свои силы и способности для избраннаго имъ нынѣ поприща, онъ былъ однако оторванъ на время отъ своихъ филантропическихъ предпріятій фактомъ избранія его въ шерифы Лондона. Какъ ни велика сама по себѣ такая честь въ глазахъ британца, одной ея было бы однако недостаточно, чтобы соблазнить его неподкупную ничѣмъ натуру и отклонить его отъ начатыхъ работъ по части улучшенія судьбы его восточныхъ единовѣрцевъ, если-бы онъ не видѣлъ въ этомъ довѣріи къ нему англійскаго народа зародыша и даже залогъ будущаго равноправія британскихъ евреевъ. Но какъ только онъ, по истеченіи срока—однаго года—общественной его службы, въ состо-

* См. «Восходъ», кн. XI.

яніи былъ сложить съ себя почетныя обязанности по этой должности, то, не долго собираясь, вновь пустился въ дальній путь на востокъ. Леди Іудиеъ Монтефиоре и на этотъ разъ сопровождала любимаго своего супруга въ святую землю, хотя сезонъ былъ далеко не самый привлекательный для путешествій: вторая поѣздка на востокъ четы Монтефиоре предпринята была въ 1838 г. Дорога была та же, по которой они въ первый разъ совершили свою поѣздку, и она уже была имъ знакома. Во время этой вторичной поѣздки сэръ Мозесъ имѣлъ случай проѣздомъ черезъ Римъ видѣть одну изъ самыхъ интересныхъ церемоній католической вѣры, а именно торжественное благословеніе пальмъ папой; затѣмъ чета обошла всѣ семь синагогъ въ этомъ городѣ и, оставшись въ одной изъ нихъ, чтобы помолиться, они тутъ встрѣтились съ д-ромъ Л. Лева, однимъ изъ извѣстнѣйшихъ знатоковъ восточныхъ языковъ и древностей, который совершилъ въ этотъ день богослуженіе. Сэръ Мозесъ такъ подружился съ д-ромъ Лева, что послѣдній съ тѣхъ поръ жилъ почти неотлучно при немъ, постоянно и всюду странствовалъ съ нимъ вмѣстѣ и принималъ живое участіе въ его планахъ и ихъ осуществленіи. Въ Мальтѣ Монтефиоре встрѣтились съ Кембриджскимъ принцемъ, Георгомъ, нынѣ главнымъ фельдмаршаломъ Великобританіи и здѣсь узнали о свирѣпствовавшей въ это время въ Іерусалимѣ страшной чумѣ. Сэръ Мозесъ сталъ тогда упрашивать жену остаться и позволить ему одному продолжать путь, но его просьбы остались напрасными, его супруга и слышать не хотѣла о томъ, чтобы ей остаться тутъ, тогда какъ онъ подвергается такой опасности. «Этому, такъ пишетъ въ своемъ дневникѣ Леди Іудифъ, я рѣшительно сопротивлялась и пришедшія мнѣ въ эту минуту на память слова Руфи:—не упрашивай меня отстать отъ тебя, или перестать слѣдовать за тобою, ибо куда ты пойдешь, туда и я пойду, гдѣ ты будешь отдыхать, тамъ и я буду отдыхать—поощрили мой духъ и снабдили мое сердце наиболѣе желанными выраженіями въ этомъ случаѣ». И они вмѣстѣ отправились дальше. По дорогѣ они проѣхали Бейрутъ и отсюда повезли съ собою палатки, подъ которыми возможно бы было отдыхать по пути въ Палестину, такъ какъ не одну ночь приходилось имъ спать подъ откры-

тымъ небомъ. Часто имъ надо было имѣть при себѣ специально нанятыхъ ими европейцевъ, которые, съ пистолетами въ рукахъ охраняя ихъ безопасность, обязаны были проводить безъ сна цѣлыя ночи на пролетъ. Велики были неприятности и опасности дороги, за то какъ велика была радость бѣдныхъ обитателей Иерусалима при видѣ уже знакомыхъ имъ добрыхъ фizioномій супруговъ Монтефиоре! Цѣлыми толпами они выходили имъ навстрѣчу, и какой радостью сіяли у всѣхъ лица—точно они видѣли въ Монтефиоре своего избавителя! И въ самомъ дѣлѣ, торжественный входъ Монтефиоре въ святой городъ (іерусалимскій губернаторъ, съ цѣлью оказать почетъ другу знаменитаго египтянина, Мегемета-Али, въ то время намістника всей Сиріи, устроилъ длинное шествіе изъ цѣлыхъ рядовъ турецкихъ солдатъ) предвѣщалъ евреямъ много хорошаго.

Эта поѣздка Монтефиоре въ Палестину имѣла уже определенную цѣль, а именно приобрѣтеніе земли для палестинскихъ колоній и средствъ для приученія еврейской молодежи къ земледѣлію. Цѣль очень благая. Саръ Мозесъ остался тутъ достаточное время, чтобы устроить задуманное имъ дѣло. По зрѣломъ совѣщаніи съ мѣстными раввинами, обыкновенно хорошо знакомыми со средствами и нуждами своей паствы, о наиболѣе подходящемъ для этого участкѣ земли, онъ обратился къ своему другу, Мегемету-Али, и получилъ отъ него разрѣшеніе для евреевъ приобрѣтать и обрабатывать землю. Тѣмъ временемъ наступилъ еврейскій праздникъ «седьмицы» онъ провелъ этотъ праздникъ въ древней столицѣ Іудеи, при чемъ очень щедро раздавалъ милостыню.

Дѣло было само по себѣ трудное и медленно подвигалось впередъ. Оно становилось еще труднѣе въ силу того, что турецкій султанъ, сдѣлавъ годъ спустя сильную попытку вернуть себѣ обратно Сирію изъ рукъ египтянъ, превратилъ всю эту страну въ поле брани,—а ни въ чемъ нѣтъ такого антагонизма, какъ между войной и земледѣліемъ. Ожидавшіеся вначалѣ успѣхи этого предпріятія Монтефиоре вскорѣ стали казаться вовсе недостижимыми, вслѣдствіе неудачъ египтянъ—последніе потерпѣли поражение въ Бейрутѣ, затѣмъ бомбардирована была Акра и

Сирия перешла во владѣніе турокъ. Новое дѣло евреевъ сильно пострадало.

Третья поѣздка въ Палестину предпринята была знаменитой четой въ 1849 г., въ сопровожденіи поковника Гаулера, извѣстнаго палестинофила, много занимавшагося изслѣдованіями древней Іудеи. Имѣя въ виду при этомъ поправить главнымъ образомъ дѣла колонистовъ, сэръ Мозесъ на этотъ разъ устремилъ свое вниманіе на поднятіе уровня образованія своихъ единовѣрцевъ въ этой запущенной во всѣхъ отношеніяхъ странѣ. Онъ, будучи всегда очень усерднымъ поборникомъ знаній, успѣлъ въ этотъ промежутокъ времени убѣдиться въ необходимости перевоспитанія евреевъ въ духѣ, соотвѣтствующемъ требованіямъ времени. Жена его, также очень цѣнившая знанія, оказывала ему большую помощь въ этомъ важномъ дѣлѣ и они, общими силами стали стараться о распространеніи просвѣщенія между своими соплеменниками и соплеменницами: необходимость почти одинаковаго образованія для обоихъ половъ была признана ими обоими съ самаго начала. Учрежденіе школъ и обезпеченіе за ними успѣшнаго развитія стало съ этихъ поръ занимать Монтефиоре не менѣе, чѣмъ дѣло колонизаціи, такъ какъ они сознавали зависимость успѣховъ послѣдняго отъ перваго. Во время ихъ пребыванія въ Іерусалимѣ на этотъ разъ ими сдѣлано было все, что было въ ихъ силахъ сдѣлать на этомъ поприщѣ.

Рядомъ съ заботами о перевоспитаніи восточныхъ евреевъ въ духѣ европейской цивилизаціи, чета наша въ теченіи третьяго пребыванія своего въ Палестинѣ стала ясно сознавать необходимость въ устройствѣ обязательныхъ въ правильно, по нашимъ современнымъ понятіямъ, организованномъ обществѣ учреждений, извѣстныхъ подъ общимъ именемъ «богоугодныхъ заведеній», какъ госпитали, пріютскіе и сиротскіе дома и пр. Монтефиоре и стали энергично заниматься осуществленіемъ на практикѣ работъ, считавшихся ими необходимыми; они дѣятельно принялись преимущественно за закладку больницъ, ночлежныхъ и нѣкоторыхъ другихъ институтовъ призрѣнія для безпомощныхъ. Начатыя ими на этотъ разъ работы по устройству этого рода заведеній были закончены въ теченіи послѣдующихъ посѣщеній

этой страны сэромъ Мозесомъ. Насколько всё эти и имъ подобные труды Монтефіоре оказались плодотворными, какъ блестящи были результаты благородной и, по успѣхамъ своимъ, весьма благотворной дѣятельности его въ этой странѣ, читатели увидятъ впоследствии, когда, описывая седьмую повѣзку сэра Мозеса въ обѣтованную землю—это послѣднее посѣщеніе имъ Палестины,—мы будемъ имѣть случай коснуться всего этого подробно, такъ какъ самъ старецъ обзорѣваетъ при этомъ случаѣ все обширное поле своей дѣятельности въ Палестинѣ за періодъ времени почти въ столѣтіе—отъ 1827 г. по 1875 г.

Изъ всѣхъ совершенныхъ четою Монтефіоре путешествій, самымъ труднымъ оказалось по счету четвертое, предпринятое ими въ 1855 г. Великое несчастіе постигло обитателей Іерусалима и его окрестностей—голодъ, причиненный разгорѣвшейся въ 1853 г. войною между Россіей и Турціей. Къ этому прибавилась еще крайне суровая зима 1854 г.: снѣгъ въ нѣсколько аршинъ вышиною покрывалъ поля, холмы и дороги, и скользкія тропинки по горамъ стали непроходимыми для верблюдовъ, такъ что ни пища, ни топливо не могли доходить до города. Въ довершеніе всей страшной бѣды, мѣстныя власти тѣмъ настоятельнѣе требовали отъ іерусалимскихъ евреевъ контрибуцій, взимавшихся съ нихъ въ формѣ подарковъ, чѣмъ выше становилась необходимость въ деньгахъ, столь важныхъ въ военное время. А между тѣмъ та же война мѣшала этимъ евреямъ получать обыкновенно высылаемыя имъ ихъ заграничными соплеменниками пожертвованія въ Палестину, специально для этого собираемыя. Многіе погибали. Главный раввинъ Іерусалима лично отважился на путешествіе по Европѣ, съ цѣлью добиться вспомошествованія для голодающей его паствы, но умеръ въ дорогѣ, въ Александріи. Положеніе было отчаянное. Но чуткое сердце М. Монтефіоре стало лихорадочно биться, и Англія приступила къ облегченію по возможности этого великого горя, такъ неожиданно обрушившагося на десятки тысячъ людей. Сэръ Мозесъ и шефъ-раввинъ Великобританіи, д-ръ Адлеръ, обнародовали воззваніе, и первый вскорѣ собралъ 20,000 ф. ст. слишкомъ. По распредѣленіи этой суммы на удовлетвореніе менѣе всего терпящихъ отлагательства потребностей іерусалим-

сихъ евреевъ, с. Моэсъ и леди Иудифъ сами отправились въ Иерусалимъ. Ихъ сопровождали родственники ихъ м-ръ и м-рессъ Гедалла. Сэръ Моэсъ увезъ съ собою крупный капиталъ, значительно увеличенный завѣщанною ему однимъ нью-орлеанскимъ евреемъ, нѣкимъ Іудой Туро, суммъ въ 50,000 долларовъ, съ непрѣмннимъ условіемъ употребить эти деньги въ пользу евреевъ святой земли. Имѣя въ виду воспользоваться этой суммой наилучшимъ для палестинскихъ евреевъ образомъ, Моэсъ Монтефиоре проѣздомъ черезъ Константинополь получилъ изъ рукъ султана фирманъ, добывъ его при посредствѣ лорда Стафорда Радклифа и которымъ признавалось за с. Моэсомъ право пріобрѣтенія въ Палестинѣ земли въ собственность. Будучи на территоріи Палестины, Монтефиоре, какъ только заботы его о снабженіи голодныхъ провіантомъ въ достаточномъ количествѣ были удовлетворены, принялся за постройку вѣтряной мельницы и пріюта для нищихъ на купленныхъ въ силу этого фирмана участкахъ земли. Помимо этого, не смотря на громадную сложность трудовъ по части предотвращенія голодныхъ массъ отъ гибели, сэръ Моэсъ успѣлъ сдѣлать еще кой-что, не прямо относившееся къ устраненію голода,—осуществить кой-что изъ задуманныхъ имъ плановъ вообще. Такъ у него хватило времени открыть двѣ школы—одну для дѣвушекъ и одну общую, для обученія и мальчиковъ и дѣвушекъ полезнымъ ремесламъ, т. е. професіональную. И наконецъ, онъ приступилъ къ дѣлу упорядоченія города въ гигиеническомъ отношеніи. Первымъ шагомъ его въ этомъ направленіи было передвиженіе еще испоконъ вѣка существовавшей въ еврейскомъ кварталѣ и составлявшей точно неотъемлемую принадлежность его, бойни, въ которой накопилось, какъ говорятъ, еще со временъ калифа Омара, много дряни, распространявшей отравное вловоніе и нерѣдко служившей источникомъ заразы и даже эпидемическихъ болѣзней. По распоряженію Монтефиоре вредное это учрежденіе переведено было далеко за городъ. На обратномъ пути въ Европу сэръ Моэсъ съ супругой посѣтилъ Сафетъ и Тиверію, гдѣ они остановились на время и основали въ обоихъ этихъ мѣстахъ земледѣльческія колоніи, готовые планы которыхъ наши путешественники привезли съ собою.

Крайне интересную черту характера въ личности странствующаго филантропа составляютъ практичный его образъ дѣйствій: каждый разъ во время пребыванія его въ Палестинѣ какая-нибудь новая мысль зарождалась въ его головѣ, но онъ не сразу приступалъ къ ея осуществленію, а дѣлалъ это при слѣдующемъ посѣщеніи этой страны. Промежутки времени между двумя посѣщеніями Палестины посвящались, такъ сказать, оплодотворенію этой новой идеи, которая, требуя досуга для созрѣванія, поспѣвала вмѣстѣ съ проектами къ ея осуществленію: досугъ сэра Мозеса наполнялся заботами по разработкѣ новыхъ плановъ и по присканію достаточныхъ средствъ. Такъ было и на этотъ разъ: заготовивъ планъ объ устройствѣ земледѣльческихъ колоній въ упомянутыхъ мѣстностяхъ, онъ, помимо другихъ занятій, привелъ въ исполненіе и это свое намѣреніе. Съ другой стороны, убѣдившись въ необходимости санитарныхъ мѣръ для предохраненія дорогаго его сердцу города отъ гибельныхъ послѣдствій нечистоплотности, этой вѣрнѣйшей спутницы нищеты, онъ задался цѣлью упорядочить какъ самъ городъ, такъ и образъ жизни его обитателей. Его планы, касательно санитарныхъ улучшеній, были очень обширны. Перенесеніе бойни, по его настояніямъ, за городъ, было первымъ его опытомъ въ цѣломъ ряду многихъ реформъ этого рода. Желаніе его поскорѣе произвести необходимо нужныя для этого преобразованія было такъ сильно, предмечъ этотъ такъ глубоко занималъ его, что онъ не долго отдыхалъ дома, хотя труды послѣдней поѣздки были очень обременительны, и черезъ два года уже снова пустился въ дальній путь, предпринимая такимъ образомъ пятую свою поѣздку въ святую землю.

Это было въ 1857 г. Имѣя въ своемъ распоряженіи и проекты и средства, сэръ Мозесъ начинаетъ энергично очищать городъ искорененіемъ всѣхъ источниковъ вредныхъ испареній. Завершивъ дѣло по непосредственной очисткѣ улицъ, площадей и даже дворовъ, онъ съ замѣнательной послѣдовательностью, свойственной кажется, однимъ лишь, практичнымъ англичанамъ, беретъ за положительную сторону санитарнаго дѣла и въ этой сложной работѣ постепенно переходитъ отъ необходимаго, какъ мощеніе улицъ, проведеніе каналовъ и постройка

мостовъ, къ удобному, какъ устройство бульваровъ и разведеніе садовъ, и наконецъ отъ удобствъ къ роскоши, въ родѣ цвѣтниковъ и прочихъ требованій этого рода со стороны болѣе утонченнаго вкуса современнаго общества, и къ украшеніямъ вообще. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи заслуживаютъ особаго вниманія устройство синагогъ, приведеніе въ порядокъ кладбищъ и снабженіе могилъ надгробными камнями. Древній городъ былъ, по его инициативѣ, обновленъ; онъ получилъ современную и болѣе изящную фізіономію. Главнѣе же всего то, что жители его нынѣ стали дышать болѣе чистымъ воздухомъ, что такъ важно для жизни человѣка.

Въ шестой разъ Моисей Монтефиоре посѣтилъ Палестину въ 1866 г. И тутъ-то онъ имѣлъ случай убѣдиться въ важности и благотворности его дѣятельности по санитарной части. Иерусалимъ опять застигнутъ былъ велимъ несчастіемъ, именно холерой. Хотя сэръ Моисей на этотъ разъ имѣлъ въ виду лишь произвести генеральную инспекцію всего уже едѣланнаго имъ — однако, руки его оказались полны работы, такъ какъ къ холерѣ приередилилась не менѣе страшная бѣда, а именно мѣстная проказа, которая стала свирѣпетствовать съ особенной силой. Работы оказалось вслѣдствіе этого очень много, а онъ былъ уже на этотъ разъ одинъ — вѣрной подруги его жизни уже не было въ живыхъ и она ужъ болѣе не раздѣляла его заботъ. Къ счастью, его сопровождалъ племянникъ его, м-ръ Зебагъ, съ сунуцою. И онъ, съ тѣхъ поръ одинокій, казалось, старался утопить свое горе, залить его волнами самоотверженія въ дѣлѣ оказыванія помощи страждущимъ. Люди гибли массами, но его энергія не знала границъ. Сознавая значеніе воды во время холеры, онъ позаботился прежде всего о снабженіи города хорошею, чистою водою, въ чемъ жители нуждались и въ здоровыя времена. Очищены были старые источники, между которыми главный считается существующимъ еще со времени царя Соломона; устроено было много новыхъ. Только такая крѣпкая натура могла устоять противъ грозныхъ опасностей, только такой бодрый и храбрый духъ способенъ былъ неустрашимо вращаться среди самыхъ стихійныхъ орудій смерти — только

сэръ Мозесъ въ состоянїи былъ перенести такую лихорадочную дѣятельность.

Наконецъ, въ 1875 г., будучи 91-лѣтнимъ старцемъ сэръ Мозесъ совершилъ седьмую и послѣднюю поѣздку въ Палестину. Это было послѣдней его поѣздкой вообще, и она, какъ первая, совершенная имъ въ 1827 г., предпринята была изъ одного желанія видѣть бывшее отечество его предковъ. Такой старикъ уже не въ силахъ много работать и это путешествіе имѣло своей цѣлью уже не пользу, а, такъ сказать, наслажденіе. И сэръ Мозесъ не обманулся. Его вообще рѣдко обманывала и разочаровывала жизнь: онъ вездѣ и во всемъ былъ настолько счастливъ, что самъ лично пожиналъ плоды посѣянныхъ имъ добрыхъ сѣмянъ. Это свое путешествіе сэръ Мозесъ самъ описалъ подъ заглавіемъ. «*Сорокадневное странствованіе по святой землѣ*». Изъ этого интереснаго дневника мы узнаемъ тѣ великія перемѣны къ лучшему на почвѣ Палестины, какими страна эта обязана исключительно его автору. Начинаетъ онъ свое описаніе съ того, какъ онъ прибылъ въ Яффу и каковы были его впечатлѣнія. Онъ находитъ, въ заведенномъ имъ въ Яффѣ саду, болѣе 900 прекрасныхъ деревьевъ и образцовый порядокъ, но все таки ощущается недостатокъ спеціального садовник-француза или англичанина. Есть и теплица, европейскіе овощи и фрукты — для снабженія рынка въ Портъ-Саидѣ. Искусственное орошеніе сада также въ порядкѣ. По возможности, всякая изъ новыхъ работъ исполняется теперь въ его присутствіи. Цѣлою толпою людей наполняется бассейнъ свѣжей водой, для потребленія города, и рабочіе эти ни кто иные, какъ нищіе города, личнымъ трудомъ отплачивающіе обществу за свое содержаніе. Сердце филантропа, конечно, безпредѣльно радуется всему этому. Рассказывая затѣмъ о радушиномъ приѣмѣ его со стороны вице-консула, м-ра Амзалака, отецъ котораго былъ главнымъ помощникомъ и совѣтникомъ его при распредѣленіи милостыни въ 1838 г., Монтефіоре, будучи не мало пораженъ успѣхами женскаго образованія, приѣбрь котораго онъ видѣлъ въ прекрасно воспитанной дочери хозяина, пользуется этимъ случаемъ, чтобы сказать нѣсколько словъ по поводу воспитанія палестинскихъ женщинъ вообще. «Полагаю, что вы согласитесь

съ своимъ мѣніемъ, не имѣющимъ впрочемъ никакихъ претензій, на непогрѣшимость, что когда дочери Сіона умѣютъ читать и писать и знаютъ ариметику, когда онѣ, зная хорошо языкъ своей родины, обладаютъ также знаніемъ одного или двухъ изъ европейскихъ языковъ, помимо древне-еврейскаго и пониманія св. писанія и молитвъ, и еще къ тому умѣютъ шить и вообще вести домашнее хозяйство, то ихъ воспитаніе можетъ считаться законченнымъ». Насколько онъ, однако, высоко цѣнилъ и другія знанія въ женщинахъ, или искусство вообще, можно видѣть изъ сочиненія м-ра Сидни Самуэля, «Жизнь евреевъ на востокѣ». Замѣтивъ въ дочери м-ра Амзалака хорошій музыкальный талантъ, сэръ Мозесъ тотчасъ по возвращеніи въ Европу, выслалъ по ея адресу великолѣпный, рояль и цѣлую кину разнообразнѣйшихъ нотъ. Не довольствуясь этимъ, онъ ежегодно съ тѣхъ поръ продолжаетъ снабжать ее къ еврейскому празднику *Пуримъ* новѣйшими и лучшими изданіями по музыкѣ.

Послѣ чрезвычайно живописнаго описанія путешествія изъ Яффы въ Іерусалимъ, совершеннаго при яркомъ свѣтѣ луны, верхомъ на лошадахъ, по очень скалистой дорогѣ, не безъ приключеній, сэръ Мозесъ съ наслажденіемъ распространяется объ улучшеніяхъ Іерусалима и его окрестностей. Самое интересное изъ встрѣтившихся ему на пути приключеній было слѣдующее: путешественники, завидѣвъ издали полнымъ галопомъ приближающуюся къ нимъ кавалькаду всадниковъ, сѣкли послѣднихъ за бедуиновъ и уже приняли было угрожающую позу людей, готовыхъ защищать себя до послѣдней капли крови, какъ вдругъ ували въ этихъ страшныхъ врагахъ, которымъ они готовились продать дорогою цѣной свою жизнь, мирныхъ представителей духовенства іерусалимскаго еврейскаго общества, раввиновъ, спѣшившихъ осведомиться о времени прибытія дорогаго гостя въ священный городъ, дабы устроить ему достойную его встрѣчу. Тутъ всадники повернули, конечно, обратно и съ желаннымъ гостемъ во главѣ помчались въ нетерпѣливо ожидавшій ихъ Іерусалимъ. Велико было восхищеніе с. Мозеса при видѣ его собственной мельницы, построенной имъ много лѣтъ тому назадъ недалеко отъ Іерусалима, и найденной имъ теперъ въ хорошемъ состоя-

ни. Еще болѣе радовалось его доброе сердце, когда онъ замѣтилъ, что его примѣръ нашель подражателей въ лицѣ двухъ грековъ, построившихъ двѣ такія же вѣтряныя мельницы въ сосѣдствѣ съ прежней, которыхъ они извлекають хорошіе доходы. Что касается до самаго Іерусалима, то радости и восхищенію, переполнявшимъ его душу, не было конца при воспоминаніяхъ о томъ, чѣмъ городъ былъ 50 лѣтъ тому назадъ и чѣмъ онъ сталъ теперь: глазамъ благодѣтеля представился новый Іерусалимъ, со многими зданіями и учрежденіями, какихъ не слишкомъ много и въ самой Европѣ. Какая переменна! Тамъ, гдѣ недавно еврей едва смѣлъ поднять голову, теперь цѣлыя массы ихъ привѣтствуютъ его съ сіяющими отъ радости лицами: теперь въ стѣнахъ этого священнаго града болѣе 11-ти тысячъ евреевъ, и какъ онъ восхищенъ, находя въ ихъ средѣ такое множество искусныхъ ремесленниковъ и дѣльныхъ рабочихъ, между которыми оказываются и русскіе евреи, украшенные медалями за храбрость и удостоившіеся даже личной благодарности отъ самого царя! Теперь этотъ городъ насчитываетъ 28 синагогъ, въ средѣ посѣтителей которыхъ, какъ въ знакъ вѣчнаго мира, возлѣ русскаго, на примѣръ, еврея тутъ и тамъ рядомъ стоитъ турецкій офицеръ и вмѣстѣ совершаютъ молитву; онъ вездѣ видѣлъ тамъ подобные залогіи общаго между всѣми согласія и примиренія. Но больше всего радовали его успѣхи внутренней цивилизаціи объектовъ его попеченія, успѣхи, достигнутые ими въ дѣлѣ пріобрѣтенія знанія, распространенія просвѣщенія среди евреевъ Палестины. Самые тщательные отчеты постоянно доставлялись сѣру Мозесу чрезъ его секретаря, д-ра Лева, о состояніи всѣхъ школъ, какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ, основанныхъ имъ самимъ или при его соучастіи въ этой странѣ. Хотя онъ всякій разъ внимательно разсматривалъ всѣ эти отчеты, а также отчеты другихъ общественныхъ заведеній, однако, будучи на мѣстѣ и желая лично удостовѣриться во всемъ, онъ неоднократно вступалъ въ продолжительныя бесѣды по этому предмету не только съ начальствомъ и преподавателями, но и съ самими воспитанниками, и совѣщался съ ними о дальнѣйшихъ улучшеніяхъ.

Устные, какъ и письменные, доклады оказались одинаково поощрительными.

Это прощальное посѣщеніе Палестины сэромъ Мозесомъ Монтефиоре было довольно продолжительное. Популярность его въ этой странѣ, уже давнымъ-давно выпедшая далеко за относительно тѣсный кругъ евреевъ и ихъ гетто, на этотъ разъ приняла форму всеобщаго почти поклоненія. Къ нему являлись депутаціи отъ всѣхъ слоевъ разношерстнаго по національности и религіи общества. Тутъ были и представители существующихъ среди нѣмецкой конгрегаціи въ Іерусалимѣ 16-ти благотворительныхъ обществъ и 3-хъ строительныхъ, т. е. союзовъ по постройкѣ дешевыхъ квартиръ, съ подробными рапортами объ ихъ состояніи, и депутація съ докладомъ объ учрежденной тамъ дешевой кухмистерской и о больницѣ Ротшильда и т. д. То къ нему являлись на аудіенцію армянскіе священники, для выраженія ему искренней признательности всей Арменіи и своего патріарха за его заступничество въ пользу интересовъ Малой Азіи; то ему объявляютъ о приходѣ делегата изъ Аравіи Счастливой, съ полномочіемъ исходатайствовать при его посредствѣ у турецкаго султана покровительства тамошнимъ евреямъ. Наконѣцъ, для завершения всей этой радостной картины, ему представляются двое редакторовъ двухъ публикуемыхъ въ Іерусалимѣ газетъ, и онъ въ ихъ лицѣ дѣлаетъ близкое знакомство съ представителями мѣстной журналистики, горячимъ поборникомъ которой онъ состоялъ всегда, такъ какъ онъ, какъ извѣстно, придаетъ очень много значенія печати и ея органамъ. Радость великаго старца, испытаннаго рѣдко выпадающія на долю человѣка наслажденія — видѣть и вкушать плоды трудовъ цѣлаго полулѣтца, и окруженнаго всѣми знаками вниманія, была, въ сожалѣнію, нарушена очень прискорбнымъ образомъ, а именно появленіемъ страшной гостыи-холеры. Безбоязненный филантропъ и не думалъ удалиться изъ мѣста опасности; наоборотъ, онъ самымъ энергичнымъ образомъ принялся за борьбу съ этимъ бичемъ. Онъ прежде всего лично обревизовалъ весь городъ, распорядился о немедленной дезинфекціи многихъ домовъ, при чемъ почти всѣ жилища бѣдныхъ были выбѣлены, улицы очищены и соръ вынесенъ далеко за го-

родской валь; самихъ жителей онъ настоятельно увѣщевалъ воздержаться отъ всякаго рода излишествъ и соблюдать безукоризненную чистоту.

Остановившись въ Яффѣ на обратномъ своемъ пути на родину, с. Мозесъ уже нашелъ любимый имъ садъ обработаннымъ во французскомъ стилѣ: уже успѣли пригласить французса-садовника, специально изъ желанія угодить общему любуищу—Монтефиоре и устроить ему пріятный скурпиривъ.

Въ Европу сэръ Мозесъ вернулся очень довольный. И вотъ совѣтъ, который онъ послѣ этого даетъ своимъ европейскимъ соплеменникамъ: «Стройте свои дома въ Иерусалимѣ, Сафетѣ, Тиверии и Хевронѣ», говорить онъ словами Библии и *«тогда, прибавляетъ онъ, если предприятие это увѣнчится успѣхомъ, то легко можно будетъ приобрести землю, и найдутся многие, которые съ охотой возьмутся за земледѣліе»*.

Во всѣхъ почти безъ исключенія англійскихъ органахъ прессы находимъ такой отзывъ, по поводу пребывания и дѣятельности Монтефиоре въ Палестинѣ:

Семь разъ посѣтилъ Мозесъ Монтефиоре святую почву Палестины, гдѣ соплеменники его толпами окружали его, цѣлуя подошвы его платья, и гдѣ цѣлые города высыпали на встрѣчу ему на разстояніи многихъ миль. Въ его честь сочинено было цѣлое множество одъ на древне-еврейскомъ языкѣ и прочитана масса специальныхъ проповѣдей. Привѣты эти продолжались по всей дорогѣ къ святой землѣ и обратно и, точно эхо хвалебныхъ гимновъ, переносились отъ одного города до другаго. Проповѣдь, сказанная по этому случаю въ 1855 г. Субботомъ Тревесомъ въ Триестѣ, въ которой нашъ столѣтній юбиларъ называется проповѣдникомъ *«gaggiante volto del moderno Mose, cinto dall'aureola delle sue rare virtu»*,— и еврейская ода г. Альмаидзи, сочиненная по этому же случаю и заключающаяся словами: *«He was a sovran in Ieshurun»*, составляютъ замѣчательныя произведенія человеческого духа, воодушевленнаго глубокой признательностью. И не удивительно. Сэръ Мозесъ сдѣлалъ для бывшаго отечества его предковъ очень, очень многое: онъ построилъ въ Палестинѣ госпитали и богадѣльни; положилъ основанія земледѣлію; развелъ сады; про-

чищаль источники воды,—этого необходимѣйшаго изъ элементовъ, по справедливому мнѣнію человеколюбиваго философа Фейербаха, для существованія людей, для содержанія какъ тѣла такъ и духа въ чистотѣ и свѣжести,—проводилъ каналы, и наконецъ воздвигалъ храмы науки и искусства, а также устраивалъ синагоги для живыхъ и приличныя гробницы для мертвыхъ. Полвѣка посвящалъ онъ себя этой трудной задачѣ. И какія трудности предстояли ему по пути! Началъ онъ свои поѣздки въ страну своихъ отцовъ, при крайне затруднительныхъ условіяхъ путешествія, въ 1827 г. и законилъ ихъ въ глубокой старости, на 91 году отъ роду, въ 1875 году. Первая поѣздка, безспорно, вызвана была обыкновенными мотивами туристовъ, тѣмъ болѣе, что оба супруга, и сэръ и леди Монтэфiore были натуры энергичныя, подвижныя и очень любившія путешествовать. Но религія ихъ, привлекая ихъ къ синагогамъ и располагая къ посѣщеніямъ жилищъ въ еврейскихъ кварталахъ города, имѣла слѣдствіемъ близкое знакомство ихъ съ крайне жалкимъ положеніемъ вещей и часто душу раздирающею нищетою ихъ единовѣрцевъ. И мягкія, впечатлительныя натуры этой счастливой четы, предрасположенной къ дѣланію добра, вынесли неаппетитное сознаніе необходимости помочь этому горю и отнынѣ рѣшили посвятить всѣ свои средства, таланты и время, словомъ все, чѣмъ одарила ихъ природа; подвѣтію благосостоянія своихъ менѣе счастливыхъ единовѣрцевъ. Въ то время не было никакихъ другихъ обществъ для облегченія участи этихъ несчастныхъ, кромѣ единственнаго союза такъ называемыхъ «конверسیونистовъ», т. е. миссіонеровъ, помощь которыхъ оплачивалась дорогой цѣной—перемѣной вѣры; въ то время еще не существовало ни Board of Jewish Deputies, ни Alliance Israélite, ни Anglo-Jewish Association, всѣ они были основаны, благодаря лишь усерднымъ стараніямъ сэра Мозеса—первое учрежденіе въ 1836 г. второе—въ 1860 и третье въ 1871 г. Не выгравъ поэтому ни на-что, добрая чета всякій разъ, когда обстоятельства этого требовали, мчалась на дальній востокъ: всякое новое бѣдствіе, обрушивавшееся на голову злополучныхъ остатковъ древняго рода, нѣкогда со славой царствовавшаго въ обѣтованной землѣ, влекло ихъ на мѣсто дѣйствія, гдѣ то

голодь отъ неурожая, то голодь отъ войны, то землетрясеніе, то моровая язва, то холера, то какое-либо другое несчастіе постигало бѣдныхъ обитателей запущенной страны. Храбро игнорируя опасности заразы и подобныя напасти, чета Монтефіоре съ удовольствіемъ платила неизмѣнно высокія, баснословныя цѣны за средства сообщенія, такъ какъ имъ часто приходилось нанимать корабли спеціально для своей поѣздки, и за защиту отъ страшныхъ въ то время левантскихъ пиратовъ, такъ какъ они часто нуждались въ спеціальномъ конвоѣ изъ-за этого. Но все было для нихъ пустякомъ, когда до ушей ихъ доносился сердце раздирающій вопль о защитѣ несчастныхъ, заброшенныхъ израильтянъ».

Такъ отзываются англичане о дѣятельности Монтефіоре въ Палестинѣ. Пусть однако читатели не подумаютъ, что одна эта цѣль поглощала все вниманіе Монтефіоре. Промежутки между однимъ путешествіемъ въ Палестину и другимъ наполнялись не менѣе благодѣтельными поступками и дѣлами самоотверженія, которымъ между прочимъ посвящены были и прочія шесть странствій въ дальнія страны.

Причина, заставившая неутомимаго сэра Мозеса предпринять первое изъ промежуточныхъ путешествій, опять таки на дальній востокъ, была очень серьезная: «красный привракъ» — это страшное обвиненіе евреевъ въ употребленіи человѣческой крови — появился вдругъ на востокѣ. Это было весною 1840 г. Еще свѣжее прошлое, пережитое нашими соплеменниками въ Венгріи, показывало намъ недавно, какъ легко находить эта нелѣпая клевета вѣру въ средѣ невѣжественныхъ массъ, и какъ легко съ другой стороны доказать отсутствіе и тѣни основательности ея суду безпристрастныхъ изслѣдователей. На островѣ Родосѣ исчезъ греческій мальчикъ; велѣдъ затѣмъ въ Дамаскѣ пропалъ монахъ, со своимъ слугою. Полнать былъ крикъ, впервые пущенный, по всей вѣроятности, дѣйствительными убійцами въ Дамаскѣ, что пропавшіе похищены и умерщвлены евреями съ цѣлью смѣшенія ихъ крови съ пасхальными опрѣсноками. Было тогда въ интересахъ правителей Франціи, великій народъ которой обращался весьма добросовѣтно съ туземными евреями — мнимымъ заступничествомъ своимъ за

католиковъ противъ несчастныхъ обвиняемыхъ Дамаска, выиграть въ глазахъ первыхъ и тѣмъ придать Франціи значеніе защитницы ихъ на востокѣ. Легкомысленное поощреніе французскимъ консуломъ вымысловъ тогдашнихъ антисемитовъ внимательнымъ выслушиваніемъ ихъ безобразныхъ обвиненій противъ злосчастныхъ евреевъ увеличило опасность положенія послѣднихъ. Узнавъ, что французскій авторитетъ брошенъ на вѣсы въ ущербъ евреямъ, Моисей Монтефиоре, ни минуты не медля, созвалъ конференцію для совѣщаній и опредѣленія плана дѣйствій, въ своей собственной резиденціи, въ Parklane. Вслѣдъ за этой конференціей, какъ первый результатъ ея, состоялся митингъ въ Меншень-Гаузъ подъ предсѣдательствомъ лорда мара, на которомъ дѣятельное участіе приняли самыя выдающіяся тогда личности на поприщѣ политики и науки: тамъ были между прочимъ знаменитый поэтъ Камблель и не менѣе знаменитый государственный человѣкъ, Даніель О'Коннель, самый горячій борецъ въ дѣлѣ защиты интересовъ католиковъ въ Англіи. Какая иронія! Тутъ человѣкъ, посвящающій всѣ свои силы и способности всю свою жизнь служенію интересамъ католицизма, энергично выступаетъ въ защиту евреевъ, въ то время, какъ тамъ, тоже въ виду интересовъ католицизма, горячіе поборники послѣдняго такъ жестоко преслѣдуютъ евреевъ! Нѣтъ впрочемъ въ этомъ ничего удивительнаго: англійскими католиками тогда руководили свѣтлые принципы эмансипаціи и гуманизма, а сирійско-французскими — мрачныя принципы эгоизма и невѣжества. На этомъ митингѣ приняты были резолюціи о «невѣроятности дамасскихъ обвиненій въ глазахъ англійской публики», а также рѣшеніе — ходатайствовать передъ правительствомъ о покровительствѣ невинно преслѣдуемымъ. Тогдашній премьеръ, лордъ Пальмерстонъ, обѣщавъ представившейся ему по этому поводу депутаціи помощь со стороны сенъ-джемскаго кабинета. Сэръ Моисей, нѣсколько успокоенный, отправился въ качествѣ делегата отъ своихъ единовѣрцевъ, на мѣсто разбирательства дѣла, просить справедливаго суда для обвиняемыхъ евреевъ. Изъ Лондона онъ выѣхалъ 7 іюля и по дорогѣ въ Египетъ — (до Александріи его сопровождалъ Адольфъ Кремье, въ то время вице-президентъ ев-

рейской консисторіи и вскорѣ затѣмъ кандидатъ на главу республиканскаго совѣта министровъ)—онъ узналъ радостную вѣсть объ оправданіи подсудимыхъ по родосскому дѣлу, разбиравшемуся въ Константинополѣ. Осталось только дамасское дѣло. Но трудности этой задачи были велики и еще продолжали возрастать вслѣдствіе политическихъ комбинацій: не смотря на то, что сэру Мозесу удалось заручиться^с сочувствіемъ всѣхъ рѣшительно консуловъ въ Александріи съ полковникомъ Годжесомъ во главѣ, тамошній французскій посоль однако на отрѣвъ отказалъ ему въ своемъ сочувствіи, хотя онъ составлялъ въ этомъ случаѣ единственное исключеніе. Въ виду же того, что Франція принадлежала тогда гегемонія въ Египтѣ, который возлагалъ на нее надежды относительно помощи противъ султана, исключеніе это имѣло громадную важность. И дѣло ватагивалось. А между тѣмъ трое изъ злополучныхъ обвиняемыхъ успѣли умереть въ заключеніи отъ пытокъ, и еще девять томилась, не зная, что ихъ ждетъ въ будущемъ. Добиться гласнаго суда оказалось невозможнымъ. Но наконецъ заключенные были освобождены, причемъ изъ Каира послѣдовалъ циркуляръ, предписывавшій мѣстному губернатору защищать евреевъ отъ преслѣдованій, и Мегеметъ Али открыто объявилъ, что онъ не вѣритъ въ такія обвиненія. Благодаря однако отсутствію публичнаго суда, клевета эта разсѣивалась очень медленно. Еще много лѣтъ спустя, сэръ Мозесъ Монтефіоре, будучи въ Дамаскѣ при болѣе благоприятныхъ условіяхъ, нашель въ одной изъ тамошнихъ римско-католическихъ церквей камень имени монаха Педро Томасо съ надписью, будто онъ былъ убитъ евреями. Камень этотъ продолжалъ говорить свою кожную сказку еще долгое время, а именно до 1860 г., когда при одномъ изъ нападеній мусульманъ на христіанъ упомянутая церковь со всѣми ея памятниками была разрушена и уничтожена огнемъ.

Сэръ Мозесъ, добившись въ Александріи полнаго разъясненія дѣла касательно тяжело обвиняемыхъ въ Дамаскѣ, не довольствовался однимъ этимъ, а также и оправданіемъ несчастныхъ. Видя необходимость въ окончательномъ устраненіи возможности повторенія подобныхъ несчастій въ будущемъ, онъ тотчасъ же отправился для этой цѣли въ Константинополь къ

самому султану. И такъ какъ послѣдній не былъ въ то время особенно расположенъ къ Франціи, то сэру Монтефиоре удалось достигнуть своей цѣли вполнѣ; а что еще важнѣе, достигнутые имъ блестящіе результаты оказались благотворными на весьма продолжительное время. Дѣло въ томъ, что Монтефиоре удалось добыть фирманъ, врученный ему 12 ноября 1840 г. Решидомъ-пашей и подписанный тогдашнимъ главою Порты, Абдуломъ-Меджидомъ. Въ этомъ важномъ документѣ подробно разсматриваются всѣ основы стараго предразсудка противъ евреевъ и съ послѣдовательной обстоятельностью опровергается всякая изъ нихъ, причемъ обстоятельно обсуждается библійскій законъ, запрещающій евреямъ употребленіе даже крови животныхъ, и тѣмъ болѣе неосновательнымъ признается обвиненіе ихъ въ пользованіи человѣческой кровью; наконецъ, въ видѣ заключенія приводится оправданіе родоскихъ евреевъ. Сверхъ того повелитель правотѣрныхъ объявилъ при этомъ случаѣ равенство евреевъ со всеми прочими его подданными передъ закономъ и, издавъ приказъ объ одинаковей для нихъ съ послѣдними защитѣ и покровительствѣ со стороны властей, запрещаетъ всякаго рода притѣсненія ихъ въ ихъ религіозныхъ и свѣтскихъ дѣлахъ. Этотъ фирманъ отъ 12 рамазана 1256 г., по магометанскому лѣтосчисленію, оказывалъ внослѣдствіи великія услуги для предотвращенія въ различныхъ частяхъ оттоманской имперіи грозныхъ бѣдствій, отъ времени до времени собиравшихся обрушиться на евреевъ.

Улаженіе дамасскаго дѣла не даромъ считается однимъ изъ самыхъ свѣтлыхъ дѣлъ, совершенныхъ Монтефиоре. Этотъ славный успѣхъ памятенъ въ сердцахъ не однихъ лишь его соплеменниковъ, но и европейскихъ народовъ, которые тогда выразили ему свою благодарность самымъ торжественнымъ образомъ, а со стороны англичанъ онъ удостоился за это пожелованія «рыцарствомъ» (*knighted*).

Какъ подумаешь, что въ самомъ дѣлѣ приходится согласиться съ нѣкоторыми писателями, утверждающими, что есть еще многое у народовъ Азии и Африки, чему съ пользой могли бы поучиться народы Европы! Тутъ теперь повторяется то же, что происходило тамъ сорокъ лѣтъ тому назадъ: надъ евреями

разразилась бѣда, вызванная предрасудкомъ, будто ими употребляется человѣческая кровь. И хвастающіе своимъ абсолютнымъ превосходствомъ надъ азіатцами-варварами цивилизованные европейцы не умѣютъ сладить съ этимъ грязнымъ продуктомъ невѣжества. Да, порою умъ за разумъ заходитъ и у насъ, высокообразованныхъ европейцевъ. И тамъ, гдѣ ларчикъ просто открывается, мы начинаемъ придумывать хитрые, новые способы къ его раскрытію и въ концѣ концовъ наивно теряемся въ искусныхъ, но излишнихъ и непрактичныхъ манипуляціяхъ. Такъ было и въ данномъ случаѣ. Падшіе египтяне и невѣжественные турки сразу приступили къ рѣшенію въ сущности нисколько не трудной задачи, именуемой «еврейскимъ вопросомъ». Видя, что въ отношеніи одной части населенія пускаются въ ходъ ложные и вредные предрасудки, могущіе впоследствии вредить и остальнымъ частямъ населенія и непременно долженствующіе тормозить правильное теченіе государственной жизни вообще, власть и въ Турціи и въ Египтѣ взяли за искорененіе этого зла простымъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самымъ благоразумнымъ образомъ: сначала доказала неосновательность предрасудковъ, потомъ запретила злоупотребленіе ими и наконецъ объявила полную равноправность евреевъ наравнѣ со всѣми прочими гражданами страны, чѣмъ и положенъ былъ навсегда конецъ всѣмъ толкамъ и попыткамъ въ ущербъ евреямъ. Насколько, по меньшей мѣрѣ, наивны мѣры, предпринимаемыя нынѣ для достиженія, какъ говорятъ, той же цѣли нѣкоторыми народами Европы—намъ доказывать нечего. Это слишкомъ хорошо извѣстно всѣмъ, на глазахъ у которыхъ совершается теперь жалкая возня съ москвой, причемъ слона-то не замѣчаютъ или, вѣрнѣе, и замѣтить не хотятъ.

Изъ чувства ли стыда передъ азіатскими и африканскими варварами, или изъ другихъ мотивовъ, но одно время въ Европѣ старались доказать, будто упомянутый фирманъ былъ купленъ свромъ Мовесомъ за деньги. Но послѣдній, какъ онъ самъ неоднократно съ удовольствіемъ рассказывалъ это, при всякомъ случаѣ съ особеннымъ жаромъ и энергіей опровергалъ эту ложь. И когда, во время какихъ-то переговоровъ съ умнымъ кардиналомъ Антонелли, послѣдній съ нѣкоторой ироніей спраши-

валъ его: «сколько ротшильдскаго золота уплачено было за этотъ документъ?»—сэръ Мозесъ, съ презрѣніемъ отвѣчая на эту инсинуацію, воскликнулъ: «меньше, чѣмъ я далъ вашему лакею за то, что онъ повѣсилъ вашъ плащъ въ моей передней». Нечего говорить, что воспоминаніе о драгоцѣнномъ фирманѣ составляетъ одно изъ самыхъ сладкихъ въ богатой жизни столѣтняго филантропа.

Сэру Мозезу не суждено было долго покоиться на лаврахъ заслуженной имъ славы. Въ то время, какъ онъ вернулся изъ Сиріи съ триумфами столь важной побѣды, въ самой Англіи еврейскіе умы находились въ весьма возбужденномъ состояніи: волны движенія реформатскаго духа грозили крушеніемъ британскому еврейству. Мозесъ Монтефиоре, придерживаясь глубоко въ немъ вкоренившихся ортодоксальныхъ воззрѣній и противодействуя поэтому успѣхамъ реформистской партіи, предводительствуемой Гольдсмидами и нѣкоторыми членами его собственной фамиліи, но желая предотвратить опасный, особливо въ молодомъ обществѣ расколъ мнѣній, вынужденъ былъ на весьма сложную дѣятельность. И въ самомъ дѣлѣ, эти годы были самыми оживленными въ его жизни. Сэръ Мозесъ въ сущности и не былъ упорнымъ противникомъ реформаціи вообще; слишкомъ замѣтную черту въ его дѣятельности по отношенію къ отставшимъ своимъ соплеменникамъ въ Палестинѣ и Польшѣ составляли его старанія поднять уровень умственнаго ихъ развитія, его стремленіе въ пользу общаго прогресса, горячимъ приверженцемъ котораго онъ былъ безпрестанно. Его домашній консерватизмъ опирался именно на то, чтобы *не дѣлать постыжныхъ, опрометчивыхъ шаговъ даже по направленію впередъ*. Вотъ почему онъ такъ сильно боролся противъ радикализма или, вѣрнѣе, умѣренности ради, противъ новыхъ принциповъ въ религіи его единоверцевъ. Постоянно поощряя постепенный прогрессъ, онъ требовалъ уваженія къ существующему порядку вещей; быстрыхъ же, внезапныхъ переменъ онъ опасался и смѣло осуждалъ ихъ. А такъ какъ выработанная англійскими евреями въ 1841 г. программа религіозныхъ реформъ казалась ему результатомъ желанія слишкомъ внезапной перемены общей фізіономіи еврейской

религiи, то онъ и расходился со многими изъ лучшихъ представителей тогдашняго еврейства, преданныхъ новымъ идеямъ.

Какъ только дѣло это нѣсколько уладилось, — побѣда осталась за партией реформы, но умѣренной, — Монтефиоре отправился въ Россiю. Покоренiе Литвы и Польши имѣло послѣдствiемъ присоединенiе къ Россiи трехъ миллионовъ евреевъ. Горячо желая управлять однородной массой, русское правительство нѣсколько поспѣшно взялось за дѣло ассимиляцiи евреевъ съ русскими. Въ своемъ стремленiи руссифицировать первыхъ, оно небрежно относилось къ дѣйствительно обезпечивающимъ успѣхъ средствамъ, какъ вѣротерпимость и равноправiе, а прибѣгало къ болѣе насильственнымъ мѣрамъ, налагая обязанности, не соотвѣтствующiя правамъ, привлекая въ большое количество еврейскихъ дѣтей въ ряды армiи и т. п. Когда же, вслѣдствiе строгаго примѣненiя тяжелыхъ предписанiй по новому набору, пограничные евреи стали бѣжать въ Австрию, Пруссiю и въ придунайскiя владѣнiя, императоръ издалъ въ 1845 году указъ, которымъ приказано было евреямъ переселиться съ ихъ семействами изъ всей пограничной полосы въ 50 верстъ шириною во внутрь Россiи. Это распоряженiе, оказавшееся вскорѣ непрактичнымъ вслѣдствiе дурнаго влiянiя на торговлю и промышленность и подвергнувшееся поэтому сначала сокращенiямъ, а затѣмъ и полной отмѣненiю, но весьма тяжело отозвавшееся на судьбѣ русскихъ евреевъ, и послужило поводомъ къ первому путешествiю сэра Мозеса въ нашу страну. Онъ, вмѣстѣ съ супругой, пренебрегая страхомъ передъ русской зимой, въ мартѣ 1846 г. пустился въ путь на сѣверъ и болѣе мѣсяца находился въ дорогѣ. Кромѣ холода имъ приходилось выносить и многiя неприятели. За то ожидать ихъ радушный приемъ русскаго царя. Всѣ неприятели и лишения окупились впечатлѣнiями, вынесенными ими отъ этой поѣдки. «Его величество, — такъ пишетъ сэръ Мозесъ къ одному другу въ Лондонѣ, — сказалъ мнѣ, что я могу быть увѣреннымъ въ его старанiяхъ и въ старанiяхъ его министровъ, искренно стремящихся къ улучшенiю быта monkъ единовѣрцевъ въ его имперiи, и что этотъ предметъ много занимаетъ его вниманiе въ настоящее время. Его величество также выразилъ мнѣ свое желанiе, чтобы я посѣ-

тиль наиболѣе густо населенные евреями города для ознакомленія съ ихъ желаніями и потребностями. Царь, бесѣдуя со мною, коснулся также централизаціи евреевъ въ нѣкоторыхъ слишкомъ населенныхъ губерніяхъ и удостоилъ меня при этомъ сообщеніемъ плана, составленнаго имъ для исправленія этого зла, а именно путемъ расселенія ихъ,—что, какъ намъ извѣстно, приводилось дѣлать, къ сожалѣнію, въ слишкомъ скупыхъ размѣрахъ. Царь также замѣтилъ, что въ его арміи имѣется около 100,000 израильтянъ, которыхъ онъ назвалъ «истинными Макавеями» и которые *de jure* имѣютъ право дослужиться до офицерскихъ чиновъ; и хотя между ними нѣтъ еще достигшихъ такихъ званій, однако, какъ выразился императоръ, онъ надѣется, что въ скоромъ времени, многіе изъ нихъ добьются военныхъ чиновъ...» При этомъ царь совѣтовалъ сэру Мозесу повліять настоятельнымъ образомъ на своихъ единовѣрцевъ въ дѣлѣ устраненія привычекъ, составляющихъ естественный результатъ той изолированности, въ которой евреи вынужденнымъ образомъ жили столь долгое время. Рассказываютъ, что когда сэръ Мозесъ при прощаніи съ царемъ выразился: «Государь, я предоставляю своихъ единовѣрцевъ на ваше попеченіе», то царь въ отвѣтъ на это отвѣтилъ ставшими съ тѣхъ поръ весьма популярными по своей находчивости словами: «они будутъ пользоваться ими, если будутъ походить на васъ». Несправедливости, которымъ такъ часто подвергались евреи въ Россіи, едва ли однако въ состояніи были породить расу по прототипу Мозеса Монтефиоре.

Мозесъ Монтефиоре вернулся въ Англію съ добрыми надеждами на будущее въ положеніи русскаго еврейства, которыя онъ почерпнулъ въ словахъ императора Николая. Вообще въ это время евреи переживали одинъ изъ тѣхъ моментовъ своего существованія, которые слѣдуетъ назвать моментами затишья, когда евреевъ не настолько бьютъ, чтобы крики и стоны ихъ заглушали собою всѣ прочіе вопросы дня; и потому Монтефиоре занялся внутренними дѣлами евреевъ. Предметъ его главныхъ заботъ составляло дѣло воспитанія и образованія евреевъ, такъ какъ онъ предвидѣлъ въ то время скорое появленіе еврейскаго вопроса на сценѣ общественной жизни Англіи, а также и въ-

роатность рѣшенія его въ благопріятномъ для евреевъ смыслѣ. Цѣня образованіе очень высоко вообще, онъ въ данномъ случаѣ видѣлъ въ этомъ одну изъ необходимѣйшихъ нуждъ его еврейскихъ соотчичей, одно изъ наиболѣе важныхъ средствъ для подготовки ихъ къ разумному пользованію предстоявшихъ имъ новыхъ правъ. Въ то же время онъ также много занимался дѣлами филантропіи на родинѣ, гдѣ главныя еврейскія благотворительныя общества учреждены были въ сороковыхъ годахъ. Кромѣ того, онъ очень много работалъ тогда въ дѣлѣ упорядоченія еврейскихъ законовъ о бракѣ и разводѣ, т. е. въ дѣлѣ приведенія ихъ въ нѣкоторую гармонию съ общими законами Англіи—вопросъ, который въ то время стоялъ на очереди въ англійскомъ парламентѣ.

Цѣль Монтефіоре заключалась тутъ въ томъ, чтобы добиться съ одной стороны устраненія нѣкоторыхъ стѣсненій, тяготѣвшихъ надъ евреями въ формѣ различныхъ ограниченій при совершеніи брака или развода, а съ другой—обезпеченія за ними ясныхъ и опредѣленныхъ постановленій, въ силу которыхъ они могли бы поступать въ этомъ отношеніи настолько согласно съ предписаніями ихъ религіи, насколько это сообразно съ общимъ духомъ англійскаго законодательства, т. е. не препятствовать имъ оставаться вѣрными своей религіи тамъ, гдѣ исполненія ея требованій не идутъ въ разрѣзъ съ требованіями нравственности вообще. Онъ и достигъ всего этого, какъ это видно изъ изданнаго въ концѣ сороковыхъ годовъ новаго брачнаго закона для всей страны. Участиемъ сэра Мозеса въ дѣлѣ урегулированія бракоразводныхъ законовъ и начинается главный моментъ политической жизни его, обнявшій собою періодъ времени почти въ десять лѣтъ и завершившійся въ концѣ пятидесятихъ годовъ важнымъ парламентскимъ актомъ о полномъ гражданскомъ и политическомъ равноправіи евреевъ Англіи.

Слѣдующая затѣмъ поѣздка, предпринятая черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ возвращенія изъ пятаго посѣщенія Палестины въ 1857 г., и имѣвшая своей цѣлью Римъ, совершена была въ 1858 г. Поводомъ послужила надѣлавшая въ свое время столько шуму исторія съ мальчикомъ Мортара. Монтефіоре, успѣвшій сдѣлать столь много на своемъ вѣку, имѣлъ право ожидать, что

его вступничество за несчастных родителей насильно крещеннаго и отнятаго у нихъ дитяти будетъ принято во вниманіе, тѣмъ болѣе, что справедливость была на сторонѣ обиженныхъ родителей. Но увы! хитрые іезуиты слишкомъ сильно овладѣли умами правителей тогдашняго Рима и надежды почтеннаго семидесятичетырехлѣтняго старца Мозеса не оправдались. Его миссія кончилась ничѣмъ: ибо извѣстный латинскій каламбуръ: *si cum Jesuitis, non cum Jesu itis*—никогда не могъ быть болѣе кстати примѣнимъ къ римскимъ властямъ духовнымъ и свѣтскимъ, какъ въ это время. Ех-либеральный папа Пій IX, уже успѣлъ сдѣлаться къ тому времени крупнымъ лицомъ и подпалъ вліянію іезуитовъ. Словомъ, первенствующая сфера тогдашняго Рима черпала свои силы, авторитетность и вдохновеніе не въ томъ христіанскомъ духѣ, по ученію котораго защитой и покровительствомъ должны пользоваться всѣ слабые и обиженные—и серъ Мозесъ потерпѣлъ полнѣйшее фіаско. Это однако единственное путешествіе, совершенное имъ напрасно.

Зато гораздо болѣе благодарными оказывались труды его въ теченіе слѣдующаго затѣмъ года на поприщѣ облегченія участи его единовѣрцевъ іоническихъ острововъ. Вступивъ въ 1859 г. по ихъ поводу въ переписку съ м-ромъ Гладстономъ, состоявшимъ тогда начальникомъ этого края со стороны англійской короны, серъ Мозесъ, отъ имени цѣлой депутаціи, обращается къ нему съ просьбой о возможномъ упорядоченіи политическаго и соціальнаго положенія евреевъ на этихъ островахъ. М-ръ Гладстонъ, который въ то время собирался оставить постъ начальника края, поручилъ это дѣло своему преемнику, сэру Литону, при чемъ отъ себя лично просилъ его о скорѣйшемъ разрѣшеніи затронутого вопроса. Касаясь въ своемъ отвѣтѣ Монтефіоре положенія іоническихъ евреевъ вообще, нынѣшній премьеръ англійскаго министерства, между прочимъ, писалъ слѣдующее: «На сколько я имѣлъ случай лично видѣть положеніе вещей касательно гражданскихъ правъ евреевъ на іоническихъ островахъ, оно незавидно; отношенія къ нимъ со стороны другихъ «завистливы» (*jealous*) и вообще враждебны. Но я, на основаніи личныхъ наблюденій, успѣлъ вмѣстѣ съ

тѣмъ убѣдиться въ томъ, что власти въ состояніи, при первомъ удобномъ случаѣ, произвести весьма значительныя перемѣны въ пользу евреевъ, *что я и рекомендую моему преемнику имѣть съ виду*. Увѣренность государственнаго мужа оказалась основательной; его надежды вскорѣ сбылись на дѣлѣ, и его помощь м-ру Монтефиоре стала приносить плоды—и плоды очень благотворныя.

Какъ видитъ читатель, нынѣшній глава англійскаго кабинета, довольно холодно относящійся въ настоящее время къ участи евреевъ, не всегда былъ таковъ. Стоитъ впрочемъ только взглянуть въ парламентскіе отчеты за пятидесятыя годы, чтобы убѣдиться въ безукоривности его отношеній специально къ вопросу о полной эмансипаціи великобританскихъ евреевъ и въ благородствѣ его взглядовъ на евреевъ вообще. Его рѣчи въ пользу евреевъ не оставляютъ желать ничего больше. Онъ своимъ краснорѣчіемъ съ одной стороны и влияніемъ своихъ благородныхъ чувствъ съ другой, очень много способствовалъ блестящимъ результатамъ, достигнутымъ тогда англійскимъ еврействомъ. Нынѣшнія его отношенія къ евреямъ суть чисто внѣшнія, формальныя, и ихъ слѣдуетъ приписать исключительно *чисто-партийнымъ цѣлямъ*: ни поведеніе англійскихъ евреевъ, вполне оправдавшихъ довѣріе къ нимъ англійскаго народа, ни увеличеніе власти самаго Гладстона, которая такъ часто кружитъ головы слабыхъ (натуръ, неповинны въ этой перемѣнѣ «всликаго старца» (the great old man), какъ фамиллярно называютъ его въ Англии. Причины его охлажденія или, точнѣе выражаясь, причины его воздержанія отъ открытыхъ заявленій порицанія современному антисемитизму и той слабости и легкомыслію, съ какими власть имущіе относятся къ дѣлу искорененія ядовитой змѣи, закрапившейся за пазуху нѣкоторой части современнаго общества, лежатъ исключительно въ соображеніяхъ партийнаго свойства и суть слѣдствія политическихъ расчетовъ съ нѣкоторой, правда, примѣсью личнаго раздраженія. Вообще г. Гладстонъ—натура цѣльная и постоянная. Онъ способенъ мѣнять свои принципы, но не измѣнять имъ. Это значить—мѣнять средства, но не цѣль. Извѣстно, что онъ въ молодости былъ однимъ изъ

самыхъ ярыхъ поборниковъ торизма. Онъ въ этомъ качествѣ и выступилъ на политическую арену и дебюты его въ консерватизмѣ увѣнчались значительными успѣхами, потому что, какъ человѣкъ искренній, онъ всецѣло отдался служенію консерватизму, видя въ его средствахъ лучшее спасеніе для общества. Крайности встрѣчаются. Въ политикѣ это выражается тѣмъ, что два антагониста преслѣдуютъ порою, одну и ту же цѣль. Цѣль м-ра Гладстона была—широкая помощь слабымъ; она и осталась такой. Но средства онъ перемѣнилъ. Убѣдившись на практикѣ въ негодности теорій консерваторовъ онъ переходитъ въ лагерь виговъ. Отношенія его къ евреямъ по существу остаются тѣ же. Есть даже основаніе думать, что еврейскій вопросъ на островѣ Джонъ Булля, застигнувшій м-ра Гладстона въ рядахъ консерваторовъ—противниковъ еврейской эмансипаціи—и сошедшій навсегда со сцены по переходѣ этого государственнаго мужа въ лагерь либераловъ—друзей еврейской эмансипаціи—косвенно вліялъ на эту метаморфозу, ибо онъ еще со скамьи, отведенной въ парламентѣ торіямъ, ратовалъ въ пользу евреевъ, вопреки общему настроенію усыновившей его партіи, и такимъ образомъ единственный разъ въ своей жизни протянулъ руку вѣчному противнику своему, м-ру Дизраэли, записному въ тѣ дни радикалу, также заступавшемуся за обиженныхъ единовѣрцевъ его предковъ и также перешедшему впоследствии въ противоположный лагерь англійскихъ политическихъ дѣятелей. Капризная игра судьбы! Точно рокомъ предназначено было, чтобы Гладстонъ и Дизраэли вѣчно боролись, мѣняясь ролями, исключая при всемъ этомъ лишь отношеніе ихъ обоимъ къ евреямъ. Повторяемъ, взгляды м-ра Гладстона на евреевъ ничуть не измѣнились. Если все-жъ-таки нельзя отрицать въ немъ нѣкотораго равнодушія къ нынѣ продѣлываемымъ надъ евреями безобразіямъ, если пламенный защитникъ болгарскихъ жертвъ все-таки хранить упорное молчаніе въ виду жестокостей баши-бузуковъ-антисемитовъ, то это происходитъ, чего опять-таки нельзя отрицать, отчасти по винѣ самихъ англійскихъ евреевъ: блестящее остроуміе лорда Биконсфильда слишкомъ увлекло ихъ; они подъ его обаяніемъ нѣсколько повліяли въ ущербъ либерализму тѣмъ, что они, какъ

это было въ Шеффилдѣ, года три тому назадъ, при перебаллотировкѣ кандидатовъ въ члены парламента подали свои голоса въ пользу консерваторовъ, и такимъ образомъ побѣда на этомъ полѣ осталась за приверженцами Биконсфильда. Это обстоятельство очень огорчило м-ра Гладстона, тѣмъ болѣе, что округъ этотъ издавна выставялъ либерала представителемъ своихъ интересовъ въ парламентъ. Это подало тогда поводъ къ тому, что у м-ра Гладстона вырвались слова обвиненія евреевъ въ «неблагодарности, такъ какъ они при господствѣ консервативныхъ ученій никогда бы не добились тѣхъ человѣческихъ правъ, какія приобрѣтены ими при помощи либераловъ». Упрекъ отчасти заслуженный, но безпристрастіе признательности въ политикѣ не требуетъ. Къ тому же и сами англичане сильно очарованы были дипломатіей и политикой Биконсфильда. И м-ръ Гладстонъ, навѣрное, вскорѣ взялъ бы свои слова обратно, если бы его раздражительности, вообще свойственной человѣку въ его лѣтахъ, не давали, отъ поры до времени, новой пицци, если бы баронъ Вормсъ, будучи однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ нынѣшней оппозиціонной партіи въ англійскомъ парламентѣ и, стало быть, чаще всякаго другаго консервативнаго члена ломая копыя съ президентомъ либеральнаго кабинета, не былъ евреемъ. При теперешнемъ же состояніи вещей, частыя пререканія и словесныя стычки между Вормсомъ и премьеромъ только возобновляютъ въ головѣ послѣдняго непріятныя воспоминанія о пораженіи въ Шеффилдѣ, благодаря евреямъ, о пораженіи, служившемъ началомъ относительнаго охлажденія Гладстона къ евреямъ. Англійскіе евреи хорошо понимаютъ это и, еще болѣе, охотно прощаютъ заслуженному мужу эту слабость старости и даже часто выражаютъ свое недовольство слишкомъ, пороку, рѣзкими требованіями барона Вормса. Еще болѣе признателенъ сэръ Мовесъ м-ру Гладстону за его дѣла въ пользу евреевъ. Старцы вообще живутъ медленнѣе и для нихъ воспоминанія прошлаго имѣютъ большую прелесть и даже свѣжесть, къ тому же онъ жилъ и чувствовалъ во время великой борьбы англійскихъ евреевъ съ игомъ вѣковыхъ ограниченій, его сердце лихорадочно билось при взвѣшиваніи всѣхъ *pro* и *contra*, что нынѣшнее поколѣніе англійскихъ евреевъ знаетъ больше

по рассказамъ, чѣмъ по опыту, а потому сердце Монтефиоре преисполнено и понынѣ глубокимъ чувствомъ благодарности къ м-ру Гладстону. Портреты супруговъ Гладстонъ украшаютъ его кабинетъ и висятъ на самомъ почетномъ мѣстѣ въ очагѣ англичанина—надъ каминомъ. Сэръ Мозесъ, когда разговоръ касается м-ра Гладстона, даже тономъ своего голоса обнаруживаетъ свое глубокое почтеніе передъ этимъ человѣкомъ. Такъ онъ однажды—это было недавно—сидѣлъ въ своей комнатѣ, окна которой выходятъ на море, и бесѣдовалъ съ однимъ посѣтителемъ. Послѣдній, сидя у окна, замѣтилъ, какъ въ это время мимо проѣхали на яхтѣ оригиналы упомянутыхъ портретовъ—м-ръ и м-риссъ Гладстонъ—и тутъ сказалъ объ этомъ сэру Монтефиоре, на что старецъ съ глубокимъ волненіемъ въ голосѣ, тепло произнесъ: «благослови ихъ Господь, они добрые, добрые люди!»

На Ионическихъ островахъ, какъ и во всѣхъ греческихъ владѣніяхъ, вообще положеніе евреевъ, благодаря стараніямъ сэра Мозеса, м-ра Гладстона и его намѣстника, сэра Строкса, быстро измѣнилось къ лучшему. Это произошло въ 1861 году. По свойственной англичанамъ практичности, тогдашній начальникъ края, желая внушить мѣстному населенію лучшія понятія о туземныхъ евреяхъ, развить въ немъ уваженіе къ нимъ, какъ къ людямъ, безъ чего лучшее обращеніе съ евреями осталось бы *pia desideria*, не довольствовался однимъ авторитетомъ власти, т. е. изданіемъ новаго закона. Зная вліяніе религіи на массу, онъ и прибѣгъ къ ея источнику. По его инициативѣ митрополитъ Афанасій въ Корфу, вслѣдъ за свѣтскимъ указомъ, объявлявшимъ евреевъ равноправными, разослалъ повсюду и своего рода церковную буллу, въ которой духовный глава всей Греціи очень обстоятельно разъясняетъ своей паствѣ, что суровое обращеніе съ евреями находится въ прямомъ противорѣчьи съ истиннымъ смысломъ и духомъ христіанскаго ученія. Это совмѣстное дѣйствіе свѣтской и духовной властей въ пользу обиженныхъ оказалось вполне достаточнымъ, чтобы «ревнивые и даже враждебные» въ отношеніяхъ къ евреямъ греки не только открыли вскорѣ *modus vivendi* для сноснаго, толерантеаго существованія вмѣстѣ, что значитъ лишь примиреніе съ неизбѣжнымъ зломъ и, стало быть, примиреніе лишь временное, — но и твер-

дую почву для полнаго сближенія и слиянія, политически и социальнаго, прочно установившагося тогда и ничѣмъ ненарушеннаго по сіе время: добрая воля и разумъ скоро вытѣснили предубѣжденія—эти плоды невѣжества.

Уладивъ это благое дѣло безъ личнаго пребыванія на мѣстѣ дѣйствій, сэръ Мозесъ, едва успѣвъ пережить самую печальную пору своей жизни — годъ траура по безпредѣльно имъ любимой супругѣ, умершей въ 1862 г., и все еще оплакивая потерю свою, уже опять въ дорогѣ. На этотъ разъ, въ 1863 г., поѣздка его посвящена была участи мароккскихъ евреевъ. Ему уже тогда было 79 лѣтъ. И хотя онъ въ общемъ обладалъ еще хорошимъ здоровьемъ, однако замѣтны были глубокіе слѣды недавней потери, чувствительно подкопавшей его организмъ. Онъ былъ настолько слабъ физически, что не способенъ былъ ѣздить верхомъ, и его носили черезъ обширную пустыню, покрытую жгучимъ пескомъ на *chaise à porteur* или въ паланкинѣ. За то тѣмъ сильнѣе казался онъ нравственно. Его нервы точно чужды были всякой слабости и духъ его не зналъ утомленія — дѣятельность его духа, казалось, дѣлалась тѣмъ энергичнѣй, чѣмъ слабѣе становилось его тѣло. Цѣли своей онъ достигъ безъ особенныхъ напряженій: мароккскій султанъ далъ ему обѣщаніе покровительствовать евреямъ своей страны и вскорѣ дѣйствительно издалъ эдиктъ въ этомъ смыслѣ. И хотя хартія эта часто нарушалась въ Марокко, однако она и нынѣ служитъ важной гарантіей относительнаго обезпеченія евреевъ противъ нападений туземцевъ—нападений, которыя до того времени проходили безнаказанно; она служитъ вытѣснѣ съ тѣмъ и основаніемъ для заявленія протеста въ случаяхъ новыхъ или вообще жестокихъ притѣсненій и ограниченій евреевъ. Эдиктъ этотъ, какъ залогъ и какъ точка опоры, оказалъ много услугъ мароккскимъ евреямъ, какъ благоприятный законъ вообще, но еще болѣе, быть можетъ, той обстановкой, при которой изданъ былъ этотъ законъ, потому что мавры тогда впервые увидѣли въ лицѣ сэра Мозеса—еврея, которому выказывалось одинаковое уваженіе и со стороны англичанъ, и со стороны ихъ собственнаго владыки, и такимъ образомъ фактически убѣдились въ томъ, что и еврей ужь вовсе не такое презрѣнное

существо, какимъ они привыкли его считать. И въ самомъ дѣлѣ, мавры были крайне поражены, будучи свидѣтелями появленія одного изъ «презрѣнныхъ» на англійскомъ военномъ суднѣ. особенно при видѣ почета, съ какимъ англійскіе офицеры сопровождали израильтянина въ столицу Марокко, и встрѣчи, какой израильтянинъ удостоился со стороны двора. Такіе факты долго живутъ въ памяти народа и остаются факторами продолжительнаго, если не окончательнаго примиренія между евреями и неевреями.

Читателямъ извѣстно уже, какія работы наполняли время филантропа между возвращеніемъ его изъ Марокко и поѣздкой въ Палестину въ 1866 г. Въ слѣдующемъ затѣмъ 1867 году, на 83 году своей жизни, онъ отправился въ Румынію, на долю евреевъ которой выпала такая тяжелая участь. Какъ велико было раздраженіе противъ несчастныхъ сыновъ Израиля, можно видѣть изъ того, что самому Монтефиоре въ Бухарестѣ грозили убійствомъ изъ-за угла. Это однако не утратило старца, привыкшаго уже ко всякаго рода угрозамъ и опасностямъ, съ которыми постоянно связана была его дѣятельность на аренѣ борьбы изъ-за беззащитно-преслѣдуемыхъ. Онъ хотя и добился нѣкоторыхъ фактическихъ облегченій и обѣщаній на еще лучшее въ будущемъ, но въ общемъ успѣхи его не могли считаться великими. Вообще, какъ это ни странно, ему удавалось гораздо больше на востокѣ, гдѣ онъ имѣлъ дѣло только съ здравымъ, не хитрымъ разсудкомъ, не просвѣщеннымъ, за то и не испорченнымъ полуобразованіемъ людей и ихъ владыкѣ, чѣмъ на западѣ, гдѣ тѣ и другіе, благодаря цивилизации, гораздо лукавѣе мудрствуютъ и съ помощью затѣйливой казуистики затемняютъ самыя простыя вещи.

Спустя четыре года ему предстояла поѣздка въ Персію. Состояніе его здоровья помѣшало ему совершить это путешествіе, но не помѣшало сдѣлать все возможное, оставаясь дома. Въ 1871 г. въ Персіи былъ страшный голодъ. Особенно страдали отъ него евреи, и вотъ Мозесъ Монтефиоре созываетъ спеціальное собраніе депутатовъ еврейскаго комитета для обсужденія способовъ вспомошествованія голодающимъ персидскимъ евреямъ. Дѣлается подписка, и въ короткое время собрана поч-

тенная сума въ 17,971 ф. ст. (около 180 тысячъ рублей). Деньги эти вручены были м-ру Алисону, британскому послу въ Тегеранѣ, для распредѣленія ихъ между евреями Персіи. Это было только началомъ цѣлаго ряда подобныхъ же сборовъ пожертвованій въ пользу евреевъ этой бѣдной страны.

Черезъ годъ послѣ этого, въ 1872 г., будучи 88 лѣтъ отъ роду, сэръ Мозесъ рѣшается на вторичную свою поѣздку въ Россію по случаю двухсотлѣтняго юбилея Петра Великаго, Собственноручно поднеся покойному императору, Александру II поздравительный адресъ, старецъ удостоился очень любезнаго приѣма въ Петербургѣ. Когда покойный императоръ узналъ о прибытіи Мозеса Монтефіоре, онъ находился въ лагерѣ, въ окрестностяхъ столицы, гдѣ производились лѣтніе маневры войскъ. Царь, чтобы избавить почтеннаго гостя отъ излишней трудности, съ которой сопряжена была бы для старца поѣздка въ лагерь, самъ нарочно пріѣхалъ въ Зимній дворецъ. Уже одна эта предупредительность очень обрадовала благодарнаго старца. Еще болѣе пріятны были впечатлѣнія, какія вообще производило на него пребываніе его въ Россіи. Покойный государь долго бесѣдовалъ съ нимъ на англійскомъ языкѣ. При этомъ разговорѣ царь коснулся между прочимъ аудіенціи сэра Мозеса у отца, императора Николая, въ 1846 г., и возобновивъ его обѣщанія, присоединилъ къ нимъ и свои собственныя увѣренія въ благосклонномъ расположеніи къ единовѣрцамъ старца. Факты на каждомъ шагѣ показывали сэру Монтефіоре, что царскія слова не были лишь выраженіями вѣжливости. Перемены къ лучшему въ положеніи русскихъ евреевъ, которыя произошли въ теченіи двадцатипятилѣтняго періода, простиравшагося между первымъ и вторымъ посѣщеніями Россіи сэромъ Мозесомъ, были громадны. «Я встрѣчалъ, пишетъ онъ, евреевъ, носившихъ знаки отличія, какію они получили собственноручно отъ императора за храбрость или другія гражданскія доблести; я лично бесѣдовалъ съ еврейскими купцами, обладающими европейскимъ образованіемъ, а также и съ писателями и даже редакторами нѣкоторыхъ періодическихъ изданій на русскомъ языкѣ; встрѣчалъ я также художниковъ и весьма искусныхъ ремесленниковъ, а въ средѣ еврей-

скихъ простолудиновъ нашелъ многихъ, которые служили въ арміи. И всѣ они, люди всѣхъ этихъ сословій и званій, одинаково выражали довольство своимъ положеніемъ, какъ евреи». Не менѣе былъ онъ очарованъ и чисто внѣшнимъ преобразованиемъ ихъ. «Евреи, пишетъ онъ далѣе, одѣваются теперь, какъ одѣваются люди приличныхъ классовъ въ Англіи, Франціи или Германіи». Особенно доволенъ онъ успѣхами своихъ соплеменниковъ на поприщѣ просвѣщенія и съ радостью отмѣчаетъ онъ факты, что «школы ихъ переполнены учащимися и что они выдаются своими предпріятіями во всѣхъ честныхъ отрасляхъ человѣческой дѣятельности». Не смотря на преданность его ортодоксальнымъ принципамъ въ еврейской религіи, онъ искренно радуется реформамъ, введеннымъ русскими его единовѣрцами даже въ этой области: «съ удовольствіемъ здѣсь вижу я, говоритъ онъ далѣе, синагоги, гдѣ проповѣди читаются на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ». Радостямъ старца не было конца. Одно пріятное удивленіе смѣнялось рядомъ другихъ такихъ же, а порою, еще болѣе пріятныхъ. Страстно любя еврейскую литературу, а главное древне-еврейскій языкъ, онъ съ неописанною радостью разсматриваетъ прекрасные атласы и карты, сдѣланные необычайно искусно, съ подробнѣйшимъ обозначеніемъ городовъ, деревень, горъ, рѣкъ и озеръ, линій желѣзныхъ дорогъ etc. и все это на древне-еврейскомъ языкѣ; съ такимъ же удовольствіемъ разсматривалъ онъ множество различныхъ воспитательныхъ книгъ, т. е. учебниковъ по исторіи, географіи, грамматикѣ, естественной исторіи, физикѣ, химіи и пр. напечатанныхъ на древне-еврейскомъ же языкѣ, съ цѣлью дать возможность образованія въ современномъ духѣ тѣмъ изъ евреевъ, которые, по незнанію русскаго или какого либо другаго европейскаго языка, лишены средствъ къ пріобрѣтенію обыкновенныхъ свѣтскихъ знаній. Всѣхъ почти сочиненій и картъ онъ забралъ съ собою по одному экземпляру и увезъ на родину, въ Англію, какъ самые лестные знаки вниманія и памяти о Россіи и о русскихъ евреяхъ, которые ему доставлены были этими продуктами успѣховъ, достигнутыхъ не безъ его содѣйствія.

Къ прискорбію, Моисеу Монтефиоре пришлось впоследствии

значительно разочароваться въ своихъ упованіяхъ на свѣтлое будущее для евреевъ Россіи. Онъ дожилъ до одного изъ тѣхъ моментовъ въ исторіи человѣчества, когда, совершая свой зигзагообразный путь къ совершенству, оно внезапно оказывается на углу, напоминающемъ одну изъ самыхъ темныхъ и мрачныхъ эпохъ варварства. Человѣческій прогрессъ, точно сознательно желая показать намъ свою цѣнность, отъ поры до времени, какъ бы для вѣщаго контраста въ свою пользу, позволяетъ просковозиться тому или другому вѣянію духа самаго густаго невѣжества черезъ покровъ цивилизаціи и тѣмъ напоминаетъ намъ о своемъ значеніи для насъ, порою, такъ легкомысленно забывчивыхъ. Тяжело было для сэра Мозеса видѣть регрессъ въ положеніи русскихъ евреевъ, когда друзья его, тщательно старавшіеся изъ состраданія къ почти столѣтнему старцу, — ибо знали, какъ глубоко это затронетъ его сердце, — скрыть отъ него перемѣну къ худшему въ обращеніи съ евреями Россіи, уже не были болѣе въ состояніи сдѣлать это. Тяжела и грустна была его обязанность снова взяться за дѣло матеріальной помощи жертвамъ направленнаго противъ евреевъ гнѣва толпы и небрежности властей въ дѣлѣ погромовъ. За то какъ несказанно обрадовался онъ, когда сталъ замѣчать въ Россіи лучи пробуждающагося у властей сознанія того позора который связанъ съ словами «еврейскіе погромы»!

Со времени его послѣдняго посѣщенія Россіи, жизнь его, по своей дѣятельности, стала отличаться менѣе бурнымъ характеромъ. Испытывая значительныя затрудненія, вслѣдствіе глубокой старости, въ продолженіи дѣятельности прежнему, онъ постепенно сталъ удаляться отъ роли активнаго дѣятеля. И это было тѣмъ легче, что времена настали относительно тихія, и общія впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ послѣднихъ странствій по дальнимъ странамъ, были успокоительнаго характера. Такимъ образомъ онъ въ 1874 г. отказался отъ чести предсѣдателя въ комитетѣ еврейскихъ депутатовъ, въ качествѣ чего состоялъ со времени существованія этого союза. Онъ и при этомъ случаѣ, хотя пассивно, совершилъ очень крупное благодѣяніе. Мы подразумѣваемъ упомянутый выше отказъ его отъ предложенія, сдѣланнаго ему въ это время его товарищами,

которые, собравъ крупную сумму въ 12000 ф. ст. съ цѣлью увѣковѣчить его имя, хотѣли воздвигнуть ему какой-нибудь памятникъ, за возвышенность его характера и важность его общественныхъ услугъ. Мозесъ Монтефиоре посовѣтовалъ друзьямъ своимъ употребить эти деньги на улучшение быта евреевъ святой земли, а именно основать фондъ для образованія строительнаго общества, которое поставило бы своей задачей снабженіе палестинскихъ евреевъ хорошими жилищами, въ чемъ чувствовался такой большой недостатокъ, требовавшій немедленнаго исправленія, какъ онъ замѣтилъ это во время шестаго своего пребыванія въ Палестинѣ. Съ этого момента совѣтъ опытнаго старца вызвалъ движеніе въ этомъ направленіи среди евреевъ не только Лондона и Рамсгета, но также и Америки, Австраліи, Италіи и другихъ странъ. Въ этой идеѣ они увидѣли лучшій способъ празднованія памяти именитаго *столтняку гуманиста*.

Въ 1875 г. послѣдовала, какъ извѣстно, прощальная поѣздка старца въ Палестину. Это было послѣднимъ общественнымъ актомъ въ длинномъ ряду прекрасныхъ поступковъ на полѣ служенія ближнимъ. Съ тѣхъ поръ, будучи уже человѣкомъ, переживающимъ десятое десятилѣтіе, что естественно должно ограничить участіе въ общественныхъ дѣлахъ, онъ очень рѣдко бываетъ въ обществѣ. Онъ однако глубоко интересуется и по сіе время всѣмъ тѣмъ, что происходитъ въ свѣтѣ, и, живя почти безвыѣздно въ своей резиденціи въ Рамсгетѣ, въ особенныхъ случаяхъ все таки является въ свѣтъ. Такъ, въ 1878 г., изъ уваженія съ одной стороны къ патріотическому энтузіазму, овладѣвшему тогда умами всѣхъ англичанъ по поводу удачъ, достигнутыхъ представителемъ ихъ интересовъ на берлинскомъ конгрессѣ, а съ другой—къ самому герою торжествъ, лорду Биконсфильду, такъ успѣшно исполнившему возложенную на него народомъ государственную миссію и теперь возвращавшемуся въ лоно своей великой и признательной родины,—сэръ Мозесъ специально поѣхалъ въ Лондонъ къ нему на встрѣчу. Живо сохранилась въ памяти англійскаго народа дѣйствительно необычайно трогательная сцена, происходившая на дебаркадерѣ гарингъ-кросскаго вокзала, когда лордъ Генри Ленноксъ

подвелъ старца-филантропа къ нѣсколько лишь моложе его старцу-дипломату. Присутствовавшіе при этой встрѣчѣ обѣихъ этихъ личностей, столь различныхъ по своимъ характерамъ и роду дѣятельности, но вмѣстѣ съ тѣмъ столь высоко цѣнимыхъ согражданами ихъ за ихъ услуги отечеству, съ воодушевленіемъ рассказываютъ объ этомъ. Другой разъ Мозесъ Монтефіоре выдавался среди гостей, сованныхъ по какому-то поводу, года три, четыре тому назадъ, принцомъ Уэльскимъ въ обширномъ саду мальборосскаго замка. Уваженіе, коимъ пользовался старецъ въ этомъ кругу самыхъ именитыхъ людей Англіи, видно было изъ общаго вниманія, съ которымъ относились къ нему гости и самъ наслѣдній принцъ. Наконецъ, носились даже одно время слухи, будто сэръ Мозесъ, не взирая на опасную въ его годы дальнюю поѣздку, собирался лично присутствовать при коронаціи императора Александра III, такъ какъ онъ льстилъ себя надеждою, что такой самоотверженный поступокъ съ его стороны возымѣетъ, быть можетъ, благотворное вліяніе на судьбы русскихъ евреевъ. Но настоянія его друзей съ его докторомъ во главѣ, а главное, высказанныя ими мнѣнія, что его соображенія въ этомъ случаѣ — не совсѣмъ убѣдительнаго свойства, отклонили старца отъ задуманнаго имъ шага. И онъ ограничился тѣмъ, что пославъ письменное поздравленіе царю, гдѣ не преминулъ, разумѣется, молить о царской милости къ своимъ братьямъ. Въ это же время онъ обратился ко всѣмъ рѣшительно депутатамъ венгерской палаты съ разъяснительной запиской о нецѣлности обвиненія судимыхъ въ Нирегизаѣ евреевъ по тисса-эсларскому дѣлу, къ которой приложилъ копію съ фирмана 1840 г., гдѣ такъ обстоятельно разсматривается и такъ убѣдительно опровергается всякое основаніе тяготящаго надъ евреями страшнаго обвиненія въ употребленіи человѣческой крови. Сэръ Мозесъ Монтефіоре, со времени сдѣланнаго имъ визита принцу Уэльскому, нигдѣ болѣе не показывался; а послѣднимъ его публичнымъ актомъ, завершившимъ собою блестящій кругъ высокихъ услугъ, какія оказывалъ этотъ неутомимый «другъ человѣка», этотъ типъ чистѣйшаго гуманиста на поприщѣ служенія высшему идеалу, было обращеніе его

къ представителямъ венгерскаго народа съ основательной просьбой:—«быть справедливыми къ угнетаемой части населенія этой страны, къ евреямъ».

Полагаемъ поэтому умѣстнымъ, закончить на этомъ мѣстѣ нашъ очеркъ о славной жизни этой личности, сказавъ въ заключеніе лишь нѣсколько словъ о томъ, какъ этотъ старецъ проводить дни свои въ настоящее время.

Вообще онъ почти во всемъ придерживается старыхъ своихъ привычекъ, исключая лишь привычки курить, отъ которой онъ счумѣлъ отучиться, будучи еще человѣкомъ среднихъ лѣтъ. Многія изъ этихъ привычекъ, естественно, кажутся крайне странными въ глазахъ современнаго поколѣнія. Такъ онъ все еще носить рубашки съ кружевами и прочими подобнаго рода вычурными украшеніями и съдлиннымъ стоячимъ «седанскимъ» воротникомъ, доходящимъ до ушей и закрывающимъ почти весь подбородокъ. До 1862 г. онъ постоянно носилъ голубой фракъ съ золотыми пуговицами, обыкновенный въ его молодости костюмъ джентельмена, но составлявшій въ шестидесятыхъ годахъ очень странный, если не смѣшной, анахронизмъ; ничто вѣдь не кажется столь смѣшнымъ, какъ запоздалые остатки измѣнчивой моды. Встаетъ онъ теперь нѣсколько позже обыкновеннаго, въ 11 часовъ утра, и ложится спать около 9 вечера. Въ хорошую погоду онъ выѣзжаетъ покататься по излюбленнымъ имъ мѣстамъ, при чемъ часто любитъ проѣзжать мимо синагоги. Хотя онъ въ дальнихъ путешествіяхъ своихъ всегда имѣлъ при себѣ собственнаго врача, такъ какъ не всегда могъ полагаться на основательность медиковъ на востокѣ, однако дома онъ почти исключительно довѣряется опытной своей сидѣлкѣ, м-триссъ Мюллеръ, которая очень умѣло ухаживаетъ за нимъ. Питается онъ теперь главнымъ образомъ молокомъ, изрѣдка супомъ и только для перемѣны, иногда, хлѣбомъ съ масломъ; другимъ главнымъ предметомъ для поддержки его существованія служитъ старый портвейнъ, котораго онъ выпиваетъ въ день два, три стакана. Завтракаетъ онъ въ постели и тотчасъ послѣ завтрака приступаетъ къ обширной и оживленной корреспонденціи, которую продолжаетъ вести при помощи двухъ постоянныхъ секретарей, одного англичанина и одного иностранца, на древ-

не-еврейскомъ и современныхъ языкахъ. Ему перечитываютъ письма и телеграммы, и тутъ же онъ дѣлаетъ распоряженія касательно отвѣтовъ, въ чемъ онъ замѣчательно аккуратенъ. Съ особенной грустью замѣчаетъ онъ, какъ рѣдѣютъ ряды его друзей и товарищей. Особенно чувствительной оказалась для него потеря стараго его сосѣда, Тайта, архіепископа кентерберійскаго, и онъ еще по сіе время съ грустью вспоминаетъ о смерти этого прелата, бывшаго его давнимъ другомъ и отличавшагося дѣйствительно рѣдкимъ умомъ и свѣтлой душой. Сэръ Мозесъ однако не тратитъ времени на оплакиваніе умершихъ. Это не въ его натурѣ, которая по сути своей мало измѣнилась. Онъ и тѣломъ и духомъ представляетъ собою типъ изъ ряда вонъ выдающагося человѣка. Рѣдкая память, логичность мышленія, связность рѣчи въ бесѣдахъ сохранились въ немъ въ прежней силѣ, остались нетронутыми временемъ; онъ обладаетъ еще въ совершенствѣ зрѣніемъ и слухомъ, духъ его не обнаруживаетъ никакихъ признаковъ свойственной этому возрасту сонливости или утомленности, рѣчь его отличается плавностью и цѣльностью; и стоя на порогѣ *своего столѣтія* онъ не ходитъ съ согбенной отъ старости спиной, хотя ростомъ онъ высокъ—6 футовъ и 8 дюймовъ, почти 2 аршина и 14 дюймовъ т. е. почти ростомъ съ Петра Великаго. Онъ не только легко узнаетъ всѣхъ своихъ родственниковъ и друзей, но помнитъ и имена всякаго изъ нихъ; но, какъ самъ признается, путается иногда въ сложныхъ генеалогіяхъ потомковъ его старинныхъ пріятелей и товарищей, которые посѣщаютъ его отъ поры до времени, чтобы лично засвидѣтельствовать ему свое глубокое почтеніе. Посѣщаютъ его многіе, и онъ всѣхъ одинаково охотно принимаетъ въ промежутокъ времени между завтракомъ и обѣдомъ въ своемъ кабинетѣ. Болѣе интимные друзья и родные имѣютъ доступъ въ его спальню, окна которой выходятъ на море. Тутъ онъ часто рассказываетъ имъ съ удивительнымъ воодушевленіемъ и подробностью интересныя исторіи сдѣланнаго, видѣннаго и слышаннаго имъ въ теченіи долголѣтней своей жизни, и замѣчательна при этомъ точность сообщаемыхъ имъ фактовъ: онъ, въ часто повторяемыхъ имъ разсказахъ и анекдотахъ, ни-

когда не измѣняетъ и не забываетъ даже мелочей. Онъ очень вѣжливъ и обходительно ласковъ со всѣми; онъ одинъ изъ тѣхъ, которые умѣютъ всякому сказать что нибудь пріятное. Говоря объ отсутствующихъ или покойныхъ, онъ никогда не проронитъ дурного слова, все равно—идетъ ли рѣчь о человѣкѣ симпатичномъ для него или нѣтъ. Но онъ умѣетъ пользоваться и ироніей; такъ онъ недавно, когда рѣчь зашла объ Антонелли, который, какъ извѣстно, былъ человѣкъ тщедушный,—ничего, конечно, не говоря объ немъ дурного, назвалъ его «fine fellow», что значитъ: умный малый, но вмѣстѣ съ тѣмъ и худой, такъ какъ *fine* значитъ *тонкій* въ тѣлесномъ или духовномъ отношеніи. Особенно любимой темой для разговоровъ служатъ для него положеніе его соплеменниковъ и значеніе прессы. Онъ съ особеннымъ оживленіемъ распространяется объ улучшеніяхъ въ участи первыхъ, поэтому съ глубокимъ чувствомъ уваженія и благодарности относится ко всѣмъ тѣмъ, которые чѣмъ-либо способствовали успѣхамъ этихъ стремленій въ пользу евреевъ, а въ томъ числѣ къ органамъ печати. Также съ удовольствіемъ останавливается онъ на тѣхъ, которые ему лично содѣйствовали въ этой работѣ. Его бесѣды однако далеко не ограничиваются одними этими сюжетами, хотя онъ и обладаетъ громаднымъ и разнообразнымъ запасомъ ихъ. Смотри по собесѣднику онъ мѣняетъ тему разговоровъ: въ кругу старыхъ друзей онъ охотно переносится въ прошлое и предается пріятнымъ воспоминаніямъ о немъ, въ обществѣ молодыхъ людей онъ, наоборотъ, касается болѣе предметовъ настоящаго и при случаѣ останавливается на выгодахъ имѣть хорошую подругу жизни и о неосновательности многихъ, видящихъ свое счастье въ посвященіи своего вниманія накопленію земныхъ благъ, «ибо, какъ выражается онъ, счастье людей не въ златѣ, а въ сердцѣ». Иногда онъ проводитъ часъ—другой въ своей собственной библиотекѣ, прилежащей къ его кабинету и отдѣланной въ чисто готическомъ вкусѣ. Тутъ имѣется масса цѣнныхъ книгъ и множество прекрасныхъ произведеній живописи и скульптуры, и между ними портреты и бюсты друзей. Его собственный портретъ, который, какъ извѣстно, представляетъ прекрасное произведеніе искусства и который на-

рисованъ былъ по заказу нѣкоторыхъ изъ его друзей нѣсколько лѣтъ тому назадъ, м-ромъ Ричардсономъ, ректоромъ академіи художествъ въ Англіи, висить въ его спальнѣ. Портретъ этотъ выпелъ замѣчательно удачнымъ: вѣрный типъ идеальной доброжелательности. И дѣйствительно нельзя себѣ представить ничего болѣе добраго и достойнаго, какъ выраженіе его лица съ свѣтящимися добротой изъ подъ четырехугольной черной ярилки глазами и съ легкой краской на щекахъ, обрамленныхъ сѣдыми бакенбардами, краской, свойственной лишь лицамъ тѣхъ старцевъ, которые молодые годы своей жизни проводили разумно, безъ ущерба для души и тѣла. Не менѣе удачна и обстановка, въ которой представленъ сэръ Мозесъ Монтефіоре: радушный пріемъ посѣтителя въ моментъ дружескаго рукопожатія, когда сэръ Мозесъ, привѣтствуя гостя, собирается вступить въ откровенный задушевный разговоръ съ послѣднимъ. И весь успѣхъ художника заключается, въ сущности, въ томъ, что онъ въ портретѣ этомъ даетъ вѣрную копию замѣчательнаго оригинала, о дѣйствіяхъ котораго, наполнившихъ собою такой длинный періодъ времени, мы могли дать тутъ лишь самый слабый отчетъ, о духѣ котораго, воодушевлявшемъ эти дѣйствія, можно, надѣмся, составить себѣ хоть нѣкоторое понятіе. «Не многимъ смертнымъ суждено имѣть за собою столѣтнее существованіе—*vivendo vincere saeculums*, еще меньше число тѣхъ, которые имѣютъ право обозрѣвать весь долгій періодъ своей жизни съ такимъ безукоризненнымъ наслажденіемъ, какимъ полонъ этотъ истинный образецъ всего лучшаго въ человѣкѣ, какъ этотъ *vir bonus*.» Такъ выражается м-ръ Сидней въ своемъ біографическомъ очеркѣ о Мозесѣ Монтефіоре, и этимъ заключимъ и мы нашъ очеркъ объ этомъ рѣдкомъ экземплярѣ даже въ средѣ лучшей породы людей.

Л. Г.

ПѢСНИ ДНЯ.

* *
* *

Съ насмѣшкой смотреть на меня,
Мои російскіе собраты,
Когда томимый злобой дня
„Жидамъ“ выдаюсь я въ объятія;
Когда-жъ Россію вновь поетъ
Моя страдальческая муза,
Гнушаясь стараго союза,
Кричатъ: „Онъ лжетъ, коварно лжетъ“.

Ну, что-же?—Смѣйтесь надо мною!
Но знайте, милые друзья,
Пока еврей гонимъ судьбою,
Его печаль—печаль моя;
Пока его клеймятъ презрѣнемъ
Не правды гласъ, а ложь и тьма,
Съ себя не сброшу я клейма
Во дни тревогъ, во дни гоненій...

Но вѣтъ, не лгу я, воль отчизнѣ
Я посвящаю стихъ порой —

Я безъ грѣха и укорины
Люблю тебя, мой край родной:
Съ тобой я кровью породнился,
Въ тебѣ позналъ опасность битвъ,
И горечь слезъ, и жаръ молитвъ;
Въ тебѣ умру, въ тебѣ родился...

И люди есть въ моей странѣ
Чтобы понять—хочу я вѣрить —
Какой достался искусь мнѣ,
И мнѣ не нужно лицемѣрить.
О! Тѣ, что въ ближнемъ свято чтуть
Превыше рода—человѣка,
Въ рядахъ бойцовъ за славу вѣка
Мнѣ мѣсто братское дадутъ!..

М. Абрамовичъ.

ПРАЗДНИКЪ ЖАРГОННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

СОЛОМОНЪ МОИСЕЕВИЧЪ АБРАМОВИЧЪ И ЕГО 25-ТИЛѢТНЯЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

Въ виду наступленія двадцатипятилѣтія литературной дѣятельности Соломона Моисеевича Абрамовича, я хочу подѣлиться съ читателями „Восхода“ нѣкоторыми отрывочными свѣдѣніями изъ жизни почтеннаго юбиляра и сдѣлать краткій обзоръ его сочиненій. Быть можетъ, читатель найдетъ въ этомъ кое-что интересное или поучительное.

О жизни и воспитаніи нашего писателя можно написать весьма объемистую книгу, но въ журнальной статьѣ мы можемъ передать лишь одни выдающіеся моменты.

Познакомился я съ С. М. еще въ ранней молодости. Не разъ, въ интимныхъ бесѣдахъ, мы передавали другъ другу все наше прошлое съ мельчайшими подробностями, и эти рассказы С. М. служатъ мнѣ теперь вѣрнымъ источникомъ для его характеристики. Надѣюсь, что мой почтенный другъ не посѣтуетъ на меня за мою нескромность, такъ какъ со своимъ незапятнаннымъ именемъ онъ смѣло можетъ предстать на судъ публики...

Вся жизнь Абрамовича составляетъ рядъ случайностей, за которыя онъ постоянно цѣплялся, пока не вышелъ на торную дорогу, которая, впрочемъ, и теперь не усыяна розами. Она представляетъ собою миниатюрную копию трагической исторіи всего нашего обездоленнаго племени, которое не чувствуетъ твердой почвы подъ ногами и несется по волѣ вѣтра, точно потерпѣвшій крушеніе путешественникъ въ арктическихъ стразахъ на морскихъ льдинахъ безъ плана и цѣли—а искомага берега все нѣтъ, да нѣтъ!.. Попадаетъ онъ по временамъ на громадную льдину, на которой отдыхаетъ нѣсколько отъ перетерпѣнныхъ бурь и урагановъ; но вотъ

небо вновь заволакивается тучами, вѣтеръ усиливается и превращается въ ураганъ, льдина кричитъ подъ ногами испуганнаго народа, еще минута—и она разсѣлась.. Небо проясняется, морскія волны утихаютъ, вновь приближается на спасеніе громадная глыба, но это, увы, опять не твердая почва, а плавающій ледъ, подъ которымъ зіяютъ холодныя морскія пучины!..

Обыденное, первоначальное воспитаніе еврейскихъ дѣтей не представляетъ собою ничего интереснаго. Каждый еврей, воспитывавшійся по методу добраго стараго времени, хорошо помнитъ всю неприглядную обстановку своего хедера, гдѣ онъ короталъ невеселые дни своего дѣтства и юношескаго возраста. Каждый еврей хорошо помнитъ своего грознаго, вѣчно сердитаго, никогда не улыбающагося и ничѣмъ недовольнаго меламеда. Кто изъ евреевъ прежняго времени, будучи въ хедерѣ, не проклиналъ въ душѣ страшную меламедскую ферулу и вѣчное, безцѣльное копѣніе надъ фолиантами, смыслъ которыхъ труднѣе было раскусить, чѣмъ скорлупу кокосоваго орѣха? Соломонъ Моисеевичъ, родившійся въ 1835 г., въ м. Копылѣ, воспитывался сначала точно также какъ и всѣ прочіе его сверстники; но хедеръ, куда онъ попалъ, все-таки выходилъ изъ ряда обыкновенныхъ, а потому остановимся нѣсколько на этомъ хедерѣ, откуда будущій писатель вынесъ свои первыя дѣтскія впечатлѣнія. Отецъ Абрамовича считался въ м. Копылѣ однимъ изъ лучшихъ талмудистовъ и за свою еврейскую ученость не только пользовался уваженіемъ и почетомъ въ бетъ-мидрашѣ, но считался первымъ авторитетомъ въ мѣстечкѣ: къ нему обращались за совѣтами не только касательно разрѣшенія трудныхъ мѣстъ талмуда, но и въ трудныхъ житейскихъ обстоятельствахъ. Какъ человѣкъ зажиточный, старикъ Абрамовичъ желалъ, чтобы сынъ его, обнаружившій съ самаго ранняго дѣтства свои недюжинныя способности, находился въ лучшихъ условіяхъ, чѣмъ его сверстники при изученіи св. Торы (подъ которой подразумѣвалось конечно не только книги св. писанія, но и талмудъ и вся громадная раввинистическая литература), т. е. онъ желалъ, чтобы его сынъ занимался больше, чѣмъ обыкновенно занимаются дѣти, и чтобы вообще драгоценное время не пропадало даромъ для ребенка. Въ это время въ м. Копылѣ находился, въ качествѣ меламеда, нѣкій Иосе Рубенсъ, который извѣстенъ былъ, какъ замѣчательный гебраистъ и талмудистъ, но въ тоже время какъ оригиналь особаго рода. И дѣйствительно, какъ было ему не слыть оригиналомъ, когда онъ, ученый талмудистъ, прекрасно понималъ столярное ремесло, искусно рѣзалъ по дереву и камнямъ, да кромѣ

того имѣть еще понятіе о живописи? Рѣзная работа на кивотѣ въ м. Копыль принадлежитъ ему; большая часть эпитафій, вырѣзанныхъ на каменныхъ плитахъ, разсѣянныхъ по копыльскому кладбищу, произведены имъ-же; печати на стали и мѣди—опять произведенія его рукъ и даже рисунки для вышиванія онъ собственноручно изготовлялъ для всего прекраснаго пола м. Копыля. Онъ же опять росписывалъ разными священными эмблемами и вычурными надписями всѣ стѣны большой синагоги, а въ случаѣ какой либо невѣдомой болѣзни, единственно онъ умѣлъ выписывать разныя заклинанія и средства на миндаляхъ и бобахъ. Этотъ самоучка-художникъ, какъ мнѣ неоднократно передавалъ С. М., былъ человекомъ прекрасной души и обладалъ хорошимъ даромъ преподаванія. Не смотря на такое множество профессій, онъ однако всегда почти терпѣлъ крайнюю нужду и меламедство въ концѣ концовъ служило ему главнымъ подспорьемъ въ жизни. Къ этому-то меламену-оригиналу опредѣлили на выучку нашего даровитаго мальчика. Хотя меламедъ добросовѣстно исполнялъ свою обязанность и не отвлекалъ вниманія ребенка своими посторонними занятіями, но послѣднія все-таки будили пытливость въ любознательномъ мальчикѣ и таяли его къ чему-то другому, ему неизвѣстному, въ какую-то мечтательную даль, долженствующую быть гдѣ-то за предѣлами талмуда и его комментариевъ. На воображеніе мечтательнаго мальчика дѣйствовали еще двѣ другія оригинальныя личности, близкіе знакомые его меламеда, которыхъ онъ имѣлъ случай наблюдать весьма часто. Одинъ изъ этихъ оригиналовъ, принадлежа къ мѣстной ученой еврейской аристократіи, разорвалъ всѣ связи съ нею и, противъ всѣхъ традицій, замѣнилъ талмудъ столярнымъ ремесломъ, которое кормило его безбѣдно, и какими-то никому невѣдомыми путями научился играть на скрипкѣ, съ которой постоянно возился въ часы досуга и потѣшалъ своей невзатѣйливой музыкой всѣхъ дѣтей м. Копыля. Между дѣтьми этотъ столяръ-артистъ былъ совершенный ребенокъ—гулялъ и игралъ съ ними, и только среди дѣтей онъ находилъ истинное удовольствіе и чувствовалъ себя хорошо. Соломонъ Моисеевичъ прикинулъ къ этому чудаку всей своей невинной дѣтской душой и съ жадностью прислушивался къ его веселенькимъ пѣсенкамъ, а также къ его фантастическимъ рассказамъ о сѣдой старинѣ. Другой оригиналъ былъ совершенно противоположный типъ—реалистъ и вольнодумецъ. Занятія и самая внѣшность его не соответствовали понятіямъ тогдашнихъ копыльцевъ. По ремеслу—фельдшеръ, онъ всегда носилъ нѣмецкое платье, брилъ бороду и вообще жилъ свободнѣе другихъ, пренебрегая нѣкоторыми обрядами и обы-

чаями, освященными вѣками. Хотя копыльцы смотрѣли на него, какъ на отщепенца, однакожъ никто не осмѣливался выступить противъ него, такъ какъ онъ былъ единственнымъ представителемъ необходимой всѣмъ и каждому медицины и, кромѣ того, онъ, при всемъ своемъ свободомыслии, все-таки обладалъ весьма солидными талмудическими познаніями и собственноручно написалъ на пергаментѣ, необыкновенно-красивымъ почеркомъ квадратнаго шрифта, свитокъ св. писанія, который передалъ въ даръ копыльской синагогѣ. Этотъ ученый фельдшеръ, диспутируя весьма часто съ меламедомъ Рубенсомъ объ ученыхъ матеріяхъ, заключающихся въ талмудѣ, привлекалъ къ себѣ все вниманіе понятливаго мальчика и кидалъ, быть можетъ, такимъ образомъ, въ юный, неокрѣпшій мозгъ первыя сѣмена анализа.

До одиннадцати лѣтъ С. М. пробылъ подъ непосредственнымъ руководствомъ меламеда, и за это время онъ основательно изучилъ все св. писаніе съ халдейскимъ переводомъ и приобрѣлъ большой запасъ знаній въ талмудѣ. Молва о необыкновенныхъ познаніяхъ и способностяхъ мальютки разнеслась далеко за предѣлы мѣстечка, и всѣ, познакомившіеся съ нимъ, сулили ему раввинскую касседу въ какой нибудь многочисленной еврейской общинѣ. Съ одиннадцати лѣтъ отецъ самъ принялъ на себя дальнѣйшее приготовленіе сына къ его будущему призванію. Занятія, само собой разумѣется, состояли исключительно въ основательномъ изученіи талмуда, со всѣми его многочисленными комментаріями и всей раввинской литературы. Ученіе подъ руководствомъ отца не имѣло никакихъ опредѣленныхъ часовъ, ни опредѣленной системы. Случалось, что нашъ юнецъ три, четыре дня подрядъ ничему не учился, а такъ слонялся изъ угла въ уголъ; но бывало, что отецъ будить своего любимаго сына въ четыре часа утра и занимается съ нимъ нѣсколько часовъ безъ отдыха, до изнеможенія силъ. По временамъ учитель и ученикъ углублялись въ самые хитросплетенные казуистическіе вопросы по юриспруденціи или другой отрасли, а иногда учитель развлекалъ утомленный мозгъ своего ученика чудесными рассказами изъ еврейскаго быта, или талмудическими легендами.

Успѣхи С. М. въ св. писаніи и талмудѣ были поразительны, такъ что въ 14-лѣтнемъ возрастѣ онъ уже считался *харифомъ* и смѣло выступалъ на поле брани, на которомъ весьма часто, съ удивительною мѣткостью, поражалъ закаленныхъ въ казуистикѣ бойцовъ. Кромѣ талмуда, онъ зналъ въ совершенствѣ всю библію и писалъ на языкѣ древнихъ пророковъ также легко, какъ иные сѣдовласые ученые на своемъ разговорномъ языкѣ. Не выходя изъ предѣловъ античнаго міра, заключающагося въ библіи и

талмудѣ, и не имѣя никакого рѣшительно понятія о какойнибудь европейской словесности, С. М. инстинктивно рвался на литературное перприще, и въ томъ молодомъ возрастѣ, когда другихъ мальчишковъ занимаютъ разныя дѣтскія шалости, онъ писалъ уже на древнееврейскомъ языкѣ нѣчто въ родѣ драмы, обличительнаго характера, а также разныя стихотворенія, въ которыхъ восхвалялъ окружающую его природу. Эта драма, о которой скажемъ еще нѣсколько словъ ниже, не имѣющая конечно никакого литературнаго достоинства, служитъ намъ однако доказательствомъ, что еще въ самомъ раннемъ возрастѣ у С. М. пробудились писательскія силы, которыя потомъ развились въ могучій потокъ.

Дни этого молодаго талмудиста текли хотя крайне однообразно, но довольно безмятежно, такъ какъ всѣ незатѣйливыя требованія, которыя можетъ предъявлять четырнадцатилѣтній коньскій юноша, не выдавшій ничего кромѣ отцовскаго дома, бетъ-мидраша, да окружавшихъ мѣстечко лѣсовъ и нивъ, всегда были удовлетворены. Но въ томъ именно возрастѣ, когда ни физическая, ни нравственная сила ребенка еще не достаточно укрѣплены, онъ лишился единственнаго своего руководителя, наставника и защитника — отца, умершаго на 41 году жизни, и съ перваго же времени своего сиротства онъ сталъ лицомъ къ лицу съ крайнею нуждою, какая только можетъ выпасть на долю еврейскаго сироты. Мать его, женщина добродушная, но крайне слабая и простая, оставшаяся послѣ смерти мужа съ порядочнымъ количествомъ дѣтей, не могла взяться за обычныя занятія своего мужа. Немногочисленное имущество, унаслѣдованное ею, стало быстро исчезать. Съ каждымъ мѣсяцемъ обстоятельства все ухудшались, и чтобы облегчить несчастную долю горестной вдовы, ближайшіе родственники рѣшили прежде всего отправить старшаго сына въ Слуцкую іешибу, дабы мальчикъ, во-первыхъ, не шатался безъ дѣла и во-вторыхъ, не сидѣлъ бы у матери на шеѣ, такъ какъ въ іешибѣ, какъ извѣстно, всѣ *бахуры* имѣютъ полное право голодать вдоволь на общественный счетъ и ходить босые и нагіе на счетъ еврейской благотворительности. Эпизоды изъ его жизни въ еврейской бурсѣ крайне занимательны. Но С. М. самъ навѣрно познакомитъ современнѣе читателей съ этой стороною еврейской жизни. Изъ-подъ его мастерскаго пера выйдетъ, безъ сомнѣнія, нѣчто болѣе цѣльное и художественное, чѣмъ изъ нашихъ, уже вторыхъ рукъ.

Какъ только пристроили С. М. въ іешибѣ, вдова Абрамовича по состояніямъ тѣхъ же родственниковъ вступила во второй бракъ и со всѣми

своими дѣтми переселилась въ недалекій отъ мѣстечка хуторокъ, гдѣ второй мужъ ея арендовалъ мукомольную мельницу. Въ и. Копылѣ осталась только старшая, замужняя сестра С. М., да тетка его со стороны матери. Съ судьбою послѣдней тѣсно связана судьба самаго С. М. Мужъ ея занимался торговлею. Во время пребыванія С. М. въ Слупкѣ, дѣла его дяди пришли въ упадокъ и кончились прахомъ. Хотя его нельзя было назвать злостнымъ банкротомъ, и пассивъ его былъ меньше пассива Струзберга или кронштадскаго банка, но для тогдашняго нецивилизованнаго времени и и. Копыля приостановка платежей въ тысячу или полторы тысячи рублей была достаточна для того, чтобы всполошить всѣхъ, и этотъ несчастный дядя долженъ былъ тайкомъ покинуть родное пепелище, и бѣжать туда, гдѣ никто не слыхалъ о его позорѣ.

Послѣ двухлѣтнаго пребыванія въ іешибѣ, С. М. возвратился въ и. Копыль и тотчасъ же былъ приглашенъ вотчимомъ къ нему на мельницу. Хуторъ, въ которомъ пришлось теперь жить С. М., имѣлъ чрезвычайно живописный видъ. Онъ раскинутъ былъ на небольшой, но чистой рѣкѣ и окруженъ громаднымъ лѣсомъ. На самой рѣкѣ стояла мельница и отъ нея вели узкія тропинки въ чащу лѣса. По этимъ живописнымъ, полнымъ поэзіи мѣстамъ весьма часто бродилъ нашъ молодой ученый, и здѣсь-то впервые въ немъ пробуждается поэтический талантъ. Здѣсь, на 17-мъ году жизни, онъ пишетъ первые восторженные гимны природѣ, подражая въ языкѣ, образахъ и способѣ выраженія псалмопѣвцу Давиду. Стихотворенія эти, не появившіяся никогда въ печати, носятъ на себѣ наивный дѣтскій характеръ, но по этому дѣтскому лепету уже видно, что имѣешь передъ собою талантъ, который при благопріятныхъ обстоятельствахъ сильнымъ полетомъ подымется ввысь. Деревенская жизнь имѣла много привлекательнаго для поэтической натуры С. М., но окружающая среда не соответствовала его восторженной душѣ; сухіе, грошевые расчеты съ мельниками и кліентами дяди отталкивали его отъ деревни, и бегъ-медрашъ въ и. Копылѣ, да бесѣды съ тамошними учеными казались ему гораздо привлекательнѣе, чѣмъ сытная, по крайне будничная жизнь въ домѣ вотчина. Онъ вновь, поэтому, поворачивается въ Копыль и вновь принимается, въ бегъ-медрашѣ, за изученіе еврейскихъ богословскихъ книгъ.

Въ это время прибылъ въ и. Копыль долгое время отсутствовавшій тамошній житель, нѣкій Авремелъ Хромой. Этотъ путешественникъ по далекимъ и невѣдомымъ странамъ, съ перваго дня своего возвращенія на родину, обратилъ на себя вниманіе всѣхъ копыльцевъ. Каждому хотѣлось

узнать, въ какихъ именно мѣстахъ онъ побывалъ, какія диковинныя вещи онъ тамъ видѣлъ и какъ вообще живетъ тамъ еврейскому люду. Красно-рѣчивый Авремелъ самыми яркими красками описывалъ значныя мѣста Во-лыни *. По его словамъ, на Волыни вовсе нѣтъ бѣдныхъ евреевъ. Каждый хозяинъ имѣетъ своихъ коровъ и козъ; каждая хата—полная чаша всякаго добра; бѣлый хлѣбъ подается не только по субботнимъ днямъ на *намозе* **, какъ это бываетъ на Литвѣ, но его ѣдятъ круглый годъ, и даже по буднямъ этимъ хлѣбомъ надѣляютъ тамъ нищихъ, а послѣднiе живутъ не хуже литовскихъ зажиточныхъ козаевъ. Онъ самъ, напри-мѣръ, встрѣчался съ нищими изъ Литвы, у которыхъ сумки наполнены были бѣлымъ хлѣбомъ и отборными кусками наилучшей *коды*. «А знаете ли вы *шима-зельники*, *** что такое кода?—прибавлялъ онъ съ одному ему свойственной усмѣшкой;—это жиръ, добываемый изъ хвостовъ тамошнихъ барановъ. Тамошнiе бараны, продолжалъ онъ, не то, что наши, они тащатъ за собою хвосты, вѣсомъ въ полъ пуда и болѣе, на колесахъ. Тамъ-то край,—окончивалъ онъ всегда свой рассказъ съ глубокимъ вздохомъ,—тамъ только жить да поживать!..

Отъ рассказовъ Авремеля слюнки текли у копылцевъ и многiе, благода-ря неурожайнымъ годамъ, рѣшились эмигрировать въ Волынь. Но мас-совое эмиграционное движенiе, какъ увидимъ, вовсе не входило въ расчетъ Авремеля. Осмотрѣвшись немного въ мѣстечкѣ, онъ сталъ часто бесѣдо-вать съ теткой С. М. и доказывать ей, что нѣтъ никакого резона не по-пытаться разыскать безъ вѣсти пропавшаго мужа, который, какъ онъ мимоходомъ слышалъ, находится гдѣ-то въ г. О, да кстати забрать съ собою также и молодого племянника, которого можно пристроить тамъ, на Во-лыни, наилучшимъ образомъ, такъ какъ волынскiе евреи еще и молитвъ порядочно не понимаютъ и рады радеконьки, когда добываютъ когонибудь изъ литовцевъ, способнаго занимать мѣсто учителя или *неемона* (управ-ляющаго, бухгалтера). Вѣдь не хорошо молодому бахуру баловаться да вѣчно корпѣть надъ талмудомъ, пора ему подумать о цѣли!... Соломонъ Моисеевичъ, хотя и смутно понималъ, что хромой бѣсъ не даромъ разво-дить турусы на колесахъ, но стремленiе къ чему-то новому, ему еще не-вѣдомому и не испытанному, желанiе вырваться изъ душной атмосферы,

* На Литвѣ, особенно въ маленькихъ мѣстечкахъ, (подъ названiемъ «Волынь» подразумеваются весь югозападный и Новоросiйскiй край и Бессарабiя.

** *Намозе*—первый кусокъ хлѣба, съѣдаемый послѣ омовенiя рукъ и бла-гословенiя надъ хлѣбомъ.

*** Неудачники.

въ которой онъ провелъ свое дѣтство и юность, жажда къ приобрѣтенію познаній, о которыхъ онъ имѣлъ самое сбивчивое понятіе, превозмогли всѣ страхи, какіе могъ внушить Авремель, и онъ тоже сталъ еще уговаривать тетку, что имъ необходимо отправиться на поиски ея мужа въ сочную Вольту, гдѣ животныя лучше питаются, чѣмъ на Литвѣ люди.

Авремель, какъ бывалый и выдавшій виды, былъ по мнѣнію всѣхъ опытныхъ людей Копыля, самымъ лучшимъ путеводителемъ въ невѣдомыхъ странахъ. Къ тому же онъ обладалъ собственнымъ возкомъ на четырехъ некованныхъ и скрипучихъ колесахъ, да старой подслѣповатой кляченкой съ вылинявшими гривой и хвостомъ. Условился Авремель доставить тетку С. М. въ гор. О. безъ всякой платы впередъ, такъ какъ за проѣздъ обязанъ заплатить ея мужъ, за племянника же онъ потребуетъ условленной платы на томъ мѣстѣ, гдѣ усѣетъ его пристроить.

Сборы были недолгіе. Наши эмигранты, справивши пасху, пустились немедленно въ путь. Простившись съ родными, нашъ молодой С. М., какъ нѣкогда холмогорскій мужичекъ за архангельскимъ обозомъ, поплелся за возкомъ Авремея Хромого. Горько плакала сестра при прощаніи съ любимымъ братомъ, которому всегда сулили блестящую будущность, и снабдивъ его цѣлымъ караваномъ чернаго хлѣба, да нѣсколькими мѣдками, выпустила его изъ своихъ объятій съ горячими благословленіями.—Съ этимъ незатѣйливымъ запасомъ, безъ всякой поклажи, безъ всякихъ рекомендацій или указаній на какихъ либо знакомыхъ, С. М. эмигрировалъ въ страну, текущую млекою и медомъ, въ полной надеждѣ, что какія нибудь капли и ему въ ротъ попадутъ.

Но съ перваго же дня путешествія нашъ юный эмигрантъ почувствовалъ, въ какія лапы онъ попалъ. На самомъ возкѣ поѣщилась только его тетка съ ея малымъ ребенкомъ, самъ же Авремель и С. М. должны были идти пѣшкомъ возлѣ возка. Съ такимъ непривычнымъ и не совсемъ комфортабельнымъ способомъ передвиженія можно было бы еще мириться, еслибы предстоящій путь былъ прямъ да сухъ; но дѣло было весною, мѣстами стояла невылазная грязь, и несчастный возокъ, не смотря на свою относительную легкость, все таки по временамъ глубоко погружался въ липкую, глинистую почву, и бѣдной клячкѣ не по силамъ было каждый разъ вытаскивать его. Возница въ такихъ случаяхъ самъ помогалъ лошади и поучалъ своего спутника, чтобы и онъ не стоялъ, сложа руки. «Не думай,—кричалъ Авремель при такихъ казусахъ,—что я тебя взялъ въ дорогу, чтобы быть паничемъ; нѣтъ братъ, ты помогай, не то, какъ

ношу бороду и пейсы, брошу тебя въ первомъ же дѣсу или болотѣ. няньчаться съ тобою я вовсе не намѣренъ». Послѣ нѣсколькихъ такихъ энергическихъ наставленій, С. М. понималъ, что самое лучшее изъ всѣхъ золь — слушаться своего путеводаителя до тѣхъ поръ, пока случай освободитъ его изъ его рукъ. Когда случалось, что возокъ застрянетъ, С. М., ужъ безъ всякихъ напоминаній, подставлялъ свои исхудалыя плечики. Конечная цѣль всей поѣздки, какъ извѣстно, былъ городъ О, лежащій въ одной изъ далекихъ областей россійской имперіи, но Авремель туда вовсе не торопился. Авремель желалъ продлить свое путешествіе какъ можно больше и побывать въ возможно большемъ количествѣ городовъ и мѣстечекъ, обитаемыхъ его единовѣрцами. Въ каждомъ городѣ или болѣе значительномъ мѣстечкѣ Авремель располагался на отдыхъ и, отправившись къ мѣстнымъ раввинамъ, разъяснялъ имъ, въ самихъ краснорѣчныхъ и трогательныхъ выраженіяхъ, что онъ ѣдетъ съ несчастною *агуною* * для отысканія мужа. Раввины выдавали ему на руки рекомендацельныя письма къ мило-сердымъ сынамъ Израиля, и послѣдніе надѣяли его мѣдными пятаками для спасенія дщери еврейской *изъ оковъ агума*. Поковчивъ со сборами въ одномъ городѣ, Авремель отправлялся въ другой, гдѣ съизнова разыгрывалъ ту-же комедію. О собранныхъ деньгахъ онъ, конечно, благоразумно умалчивалъ, увѣряя свою спутницу, что запасается, отъ раввиновъ письменными документами, которые крайне необходимы. Сомнѣваться въ географическихъ и топографическихъ познаніяхъ Авремеля Хромага небыло никакого основанія, однакожъ онъ въ своемъ путешествіи не держался прямой, слѣдовательно кратчайшей линіи, а дѣлалъ такіе зигзаги, которые могли бы поставить въ тупикъ самаго опытнаго балагулу, и посѣщалъ такіе мѣстечки и поселки, которые, безъ всякаго ущерба для главной цѣли, могли быть обойдены и пропущены. О желудкахъ своихъ пассажи-ровъ онъ мало заботился; о квартирахъ и ночлегахъ тоже нечего было беспокоиться: по прибытіи въ какую нибудь осядлость евреевъ, онъ немедленно командировалъ своего молодого спутника въ бетъ-мидрашъ, гдѣ тотъ вдоволь могъ углубиться въ премудрости талмуда, тетку же съ ребенкомъ помѣщалъ кое какъ въ обтянутой холстою тележкѣ, а самъ по цѣлымъ днямъ бѣгалъ изъ дома въ домъ, все хлопоча о несчастной агунѣ;

---

* Женщина, у которой мужъ пропалъ безъ вѣсти. Такая женщина не имѣетъ права вступить во второй бракъ, сколько бы времени мужъ, безъ вѣсти пропавшій, не отсутствовалъ.

на ночь же примащивался къ какой нибудь скамейкѣ въ одномъ изъ молитвенныхъ домовъ, которые и до сихъ поръ служатъ всѣмъ горемыкамъ-евреямъ постоянными дворами...

Это памятное путешествіе въ компаніи Авремеля Хромага доставляло, въ послѣдствіи, даровитому народному писателю много матеріала для его разсказовъ изъ еврейскаго быта. Въ этихъ разсказахъ, полныхъ юмора и незлобиваго сарказма, дышащихъ правдою и необыкновенною наблюдательностью, встрѣчаются мѣста и сцены, выхваченныя прямо изъ жизни, такъ какъ онъ имѣлъ случай близко изучать народную жизнь со всѣми ея радостями и скорбями, безъ всякихъ прикрасъ и замаскированныхъ.

Около полутора мѣсяца тащился нашъ Аврешель съ своими пассажирами, пока пріѣхалъ въ населенный евреями городъ Л. волынской губерніи. Здѣсь онъ долженъ былъ простоять нѣсколько дней, такъ какъ пріѣздъ туда совпадалъ съ кануномъ праздника *швуаъ* (пятидесятницы), продолжающагося два дня. Заѣхавъ, на предмѣстьѣ, въ какой-то полуразвалившійся домъ, не то кабачекъ, и не то харчевню, онъ, по обыкновенію, отправилъ С. М. въ бетъ-мидрашъ въ полной надеждѣ, что тутъ именно обратятъ на него должное вниманіе, и тутъ именно удастся сбыть его съ рукъ за довольно порядочный кушъ. Надежды дѣйствительно не обманули прозорливаго Авремеля. На второй день праздника, явившись въ бетъ-мидрашъ на молитву, онъ услышалъ, что всѣ почти прихожане только и толкуютъ о молодомъ ученомъ литовцѣ, и каждый изъ знати этого прихода желаетъ имѣть такого дорогаго ореха (гостя) при своемъ праздничномъ столѣ. Молодежь просто прильнула къ нему и цѣлою толпою окружала его, слушая его объясненія текстовъ св. пис. и талмуда. Евреи до настоящаго дня сохранили ту характеристическую черту, что ученость (разумѣется талмудическая) находится у нихъ въ большемъ почетѣ. Еще и теперь не рѣдкость, что богатѣйшій купецъ беретъ въ мужья для своей весьма красивой и умной дочери какого нибудь бѣднаго ученаго талмудиста, съ виду неуклюжаго, неповоротливаго и не имѣющаго никакого понятія о свѣтскихъ наукахъ и приличіяхъ. Такой ученый талмудистъ можетъ быть не по вкусу дочери, это въ расчетъ не принимается, такъ какъ нѣжныя родители не имѣютъ новомодной привычки справляться со вкусомъ своего любимаго дѣтища. Аврешель Хромай, зная хорошо характеръ своихъ единовѣрцевъ, рассчитывалъ, почти безошибочно, что въ такомъ городѣ, какъ Л., найдутся охотники на привезенный имъ товаръ, и онъ, разумѣется, какъ свать, покровитель и опекунъ, не уступитъ его

дешево. Расчетъ Авремеля оказался вѣрнымъ. Какъ только онъ вступилъ въ бетъ-мидрашъ, его окружили со всѣхъ сторонъ съ разпросами о происхожденіи, лѣтахъ, занятіяхъ и мѣстожителствѣ молодого ученаго. Удовлетворивъ любопытству обращавшихся къ нему и выставивъ все въ наилучшемъ свѣтѣ, онъ немедленно вступилъ въ переговоры. Переговоры эти продолжались и за стѣнами бетъ-мидраша, и каждый день Авремелъ по нѣскольку разъ забѣгалъ въ бетъ-мидрашъ на самое короткое время и съ особенной любезностью докладывалъ С. М., что Богъ поможетъ и въ скоромъ времени его пристроить, какъ онъ того самъ не ожидалъ, если, разумѣется, онъ, Авремелъ, будетъ пользоваться полнымъ довѣріемъ. Пропустивъ все мимо ушей, С. М. все-таки ломалъ себѣ голову надъ вопросомъ, какое счастье сулитъ ему его нѣжный опекунъ и путеводитель. Между тѣмъ время проходило довольно весело среди л-ской молодежи. Въ то время л-ская молодежь хотѣла основать благотворительное общество для вспоможенія бѣднымъ. Пользуясь пребываніемъ С. М. въ ихъ средѣ, молодежь эта обратилась къ нему съ просьбою о составленіи устава для будущаго общества. Онъ охотно взялъ на себя этотъ трудъ, и уставъ, написанный прекраснымъ еврейскимъ слоюзомъ и красивымъ почеркомъ, привелъ всѣхъ въ восхищеніе. Такимъ образомъ въ г. Л., быть можетъ, остался первый самостоятельный трудъ будущаго еврейскаго писателя.

На третія или четвертыя сутки послѣ праздника, Авремелъ какъ бомба влетѣлъ въ бетъ-мидрашъ и объявилъ на ухо С. М., что онъ, С. М., уже просватанъ за прекрасную дочь какого-то мѣстнаго богача, и всѣ ждутъ его прихода. Авремелъ не жалѣлъ красокъ для описанія богатства будущаго тестя и красоты невѣсты. „Ты просто будешь кататься какъ сыръ въ маслѣ“, закончилъ онъ свою рѣчь, и взявъ его за рукавъ, хотѣлъ, почти насильно, потащить его въ домъ невѣсты. Недовѣріе къ Авремелю Храому, мысль о томъ, что онъ оставилъ родину не для женитьбы, а для другихъ цѣлей, дали С. М. твердую рѣшимость энергически сопротивляться предложенію, и выслушавъ болтовню Авремеля, онъ категорически заявилъ ему, что не имѣетъ ни малѣйшаго намѣренія вступить въ бракъ и просить его на будущее время оставить всякія заботы о его женитьбѣ. Увидѣвъ, что изъ рукъ его ускользаетъ такой лакомый кусокъ, Авремелъ сталъ угрожать, что броситъ его на произволъ судьбы, что вѣчно съ нимъ возиться не станетъ и т. д. Убѣдившись однако, что и угрозы не помогаютъ, Авремелъ, скрѣпя сердце, вновь запретъ свою лошадку, чтобы потащиться по мѣстамъ осѣдлости евреевъ для эксплуатаціи ихъ хоть въ пользу *агуни*.

Долго тащились они по юго-западному краю. По дорогѣ были еще двѣ-три неудачныя попытки со стороны Авремеля сбыть свой товаръ, наконецъ, въ первыя числа августа они прибыли въ г. К., п-ской губерніи, чрезвычайно живописно раскинутый на высокой скалѣ и окруженный т. н. фольварками. Въ одно изъ этихъ предмѣстій въѣхалъ поздно вечеромъ Авремель со своими пассажирами и расположился въ какой-то оставленной, полуразвалившейся корчмѣ безъ оконъ и дверей, стоявшей на окраинѣ предмѣстья. Истрадавшіеся пассажиры, привыкшіе къ непрекословному новиновенію, не протестовали противъ въѣзда въ этотъ необитаемый отель и расположились кое-какъ по разнымъ угламъ. Авремель всталъ съ разсвѣтомъ и отправился въ городъ хлопотать по своимъ дѣламъ. Вдругъ грянулъ громъ, сверкнула молнія и дождь полилъ какъ изъ ведра. Вся корчма, казалось, стонетъ; вотъ еще одинъ порывъ вѣтра—и она похоронитъ подъ своими развалинами нашихъ путешественниковъ, и бѣдному Авремелю не останется уже ни агуны для эксплоатаціи милосердія евреевъ, ни молодого бахура, котораго все-таки, въ концѣ концовъ можно будетъ выгодно для себя просватать. Еслибъ теперь подвернулся Авремелю къ проголодавшемуся, измокшему и взябшему С. М., то его краснорѣчивое предложеніе имѣло-бы, кажется, успѣхъ; но судьба иначе рѣшила: Авремель потерпѣлъ въ г. К. полное фіаско и ему не удалось получить отъ тамошнихъ раввиновъ открытаго письма для сбора пожертвованій въ пользу *агуми*. Въ крайнемъ раздраженіи возвратился онъ поздно вечеромъ и объявлялъ своимъ спутникамъ, что завтра же, какъ только немного прояснится, они оставляютъ негостепріимный г. К. и отправляются въ г. Х. «Но это будетъ послѣднее мѣсто, куда завезу тебя,—обратился онъ къ С. М.—Захочешь тамъ вступить въ законный бракъ—ладно, не захочешь, то хоть вѣшайся и дѣлай, что тебѣ угодно. Паспорта твоего конечно не отдамъ тебѣ, пока не залатишь за проѣздъ, а тамъ какъ знаешь. Надѣюсь, однакожь, что ты, наконецъ, образумишься, поймешь свою пользу и самъ сознаешь, что я зла тебѣ не желаю, что тебѣ уже давно пора пристроиться. Не забудь, что ты уже, слава Тебѣ Господи, не мальчишкѣ, еще годъ и еще годъ—и ты уже старый бахуръ, на котораго никто и поглядѣть не захочетъ».

Какую ночь С. М. провелъ въ уютной корчмѣ въ сосѣдствѣ съ Авремелемъ, легко себѣ представить. Долго думалъ онъ о своемъ безысходномъ горѣ. Вдругъ онъ припомнилъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ изъ его роднаго м. Копыля уѣхалъ его товарищъ по іешивѣ, который, какъ

онъ слышалъ еще дома, состоитъ въ хорѣ при знаменитомъ канторѣ большой синагоги города К. Какъ утопающій хватается за первый попавшійся ему предметъ въ надеждѣ, что будетъ спасенъ, такъ и С. М. ухватился за эту мысль и лишь только разсвѣло, не смотря на слякоть и дождь, отправился разыскивать своего бывшего товарища. Долго онъ бродилъ по разнымъ улицамъ и переулкамъ, пока наконецъ добрался до квартиры знаменитаго кантора. Съ бѣніемъ сердца и дрожащею рукою онъ отворилъ двери завѣтной квартиры. Его встрѣтила пожилая, прилично одѣтая, женщина, и сообщила ему, что его бывший товарищъ дѣйствительно состоитъ въ числѣ хористовъ, но въ настоящее время уѣхалъ вмѣстѣ съ канторомъ по губерніи и возвратится лишь къ праздникамъ. Последняя надежда лопнула! Съ удрученнымъ сердцемъ, поникшею головою и пустымъ желудкомъ С. М. возвратился обратно въ корчму къ Авремелю Храому. Последний встрѣтилъ его съ упреками за отлучку, чортъ знаетъ куда, и заявилъ, что немедленно выѣзжаетъ изъ распроклятаго города К.

Накрѣпывалъ густой и прохладный дождикъ, когда Авремель выѣхалъ изъ корчмы. Вся природа, казалось, проливала горькія слезы вмѣстѣ съ двумя несчастными жертвами людской корысти, добровольно отдававшимися въ руки палача. Грустно было на душѣ С. М., оставившаго всякую надежду на какую-либо болѣе свѣтлую будущность. Она обрисовывалась ему тогда въ такой же неприглядной мглѣ, которою окутанъ былъ весь оставленный имъ г. К., который онъ впервые, случайнымъ образомъ увидѣлъ, и котораго, быть можетъ, никогда болѣе не увидитъ. Пробираясь въ слякоти и грязи по какой-то непривѣтливой, извилистой горной тропинкѣ, ведущей въ г. Х., куда онъ безцѣльно направилъ стопы свои, С. М. задумался о томъ, что тамъ его ожидаетъ и на что онъ можетъ надѣяться. Дождикъ не унимался и бѣдная лошадка напрягала послѣднія силы, чтобы тащить возокъ съ горемычною женщиною и ея озябшимъ ребенкомъ. Авремель былъ крайне не въ духѣ и все время молчалъ, не заговаривая съ С. М. ни слова, какъ бы давая ему чувствовать, что терпѣніе его лопнуло и гнѣвъ его безпредѣленъ. Послѣ долгаго хожденія по извилистой тропинкѣ, они наконецъ очутились на перепутьи и дорога въ г. Х. лежала направо. Городъ К. давно уже исчезъ съ горизонта и для С. М., казалось, закатилась всякая надежда когда-либо вырваться изъ своего бѣдственнаго положенія, въ которое онъ попалъ по своей собственной винѣ. Находясь на этой ледяной глыбѣ, ему казалось, что вотъ-вотъ упадетъ онъ въ бездонную пропасть, откуда и возврата не будетъ. Этой бездонной

пропастью считалъ онъ г. Х., гдѣ нѣтъ для него ни родственниковъ, ни друзей, ни знакомыхъ гдѣ, безъ сомнѣнія, не найдется ни одной сочувствующей ему живой души и гдѣ злобствующій на него Авремель оставитъ его на произволъ судьбы безъ копѣйки денегъ въ карманѣ. Минута была дѣйствительно ужасная, отчаяніе С. М. безпредѣльно, сложила его желѣзная воля, энергія оставила его, и онъ проклиналъ часъ своего выѣзда изъ Копыля. Но въ этотъ именно моментъ, когда ему казалось, что онъ стоитъ уже на краю пропасти, наступилъ кризисъ, имѣвшій рѣшительное вліяніе на всю его будущность. И странно сказать, причиною рѣшительнаго перелома въ жизни Соломона Моисеевича оказалась лошадиная подкова.

— Повици-ка подкову, которую лошадь туѣ гдѣ-то уронила,—скомандовалъ Авремель полуповелительно, полупросительски, пріостановивъ свою клячечку.

С. М. пустился со всѣхъ ногъ исполнить приказаніе Авремеля, дабы этой услугой вновь заслужить милость своего патрона. Не торопясь, онъ сталъ тщательно осматривать довольно большое пространство пройденнаго пути, на нѣкоторыхъ мѣстахъ копался съ особымъ усердіемъ, прошло уже больше получаса, но къ величайшему своему прискорбію онъ ничего не находилъ. Возвращаясь назадъ съ пустыми руками и сердцемъ, полнымъ отчаянія, онъ вдругъ видитъ, какъ ему на встрѣчу ѣдетъ четверка, запряженная въ типичную въ тѣхъ мѣстностяхъ краковскую кибитку. Съ завистью и любопытствомъ онъ засмотрѣлся на тѣхъ счастливицевъ, которые находились внутри кибитки. Остановившись на минуту, онъ слышитъ, что кто-то окликаетъ его по имени. Соломонъ Моисеевичъ не повѣрилъ своимъ ушамъ. Неужели, подумалъ онъ, въ подольской степи можетъ найтись какое-нибудь человѣческое существо, которое знало бы его, заброшеннаго изъ роднаго гнѣзда, бродящаго безцѣльно по вѣлвію рока, какъ осенній листъ, оторванный отъ дерева, несетъ по рвамъ и болотамъ по волѣ вѣтра? Кибитка между тѣмъ остановилась, и изъ нея выскочилъ молодой человѣкъ, который безъ словъ и безъ всякаго привѣтствія заключилъ въ свои объятія отчаявшагося Соломона Моисеевича. Послѣ минутнаго объясненія, молодой человѣкъ, такъ внезапно явившійся, энергически потребовалъ, чтобы Соломонъ Моисеевичъ возвратился съ нимъ же въ г. К. Этотъ молодой человѣкъ былъ никто другой, какъ тотъ хористъ знаменитаго кантора, котораго С. М. искалъ. Онъ вмѣстѣ съ канторомъ и всѣмъ хоромъ возвращался обратно въ К. Канторъ, по просьбѣ своего люби-

маго хориста, заплатилъ Авремелю условленные деньги, получилъ у него паспортъ, и забравъ Соломона Моисеевича къ себѣ въ кибитку, уѣхалъ съ нимъ въ г. К., съ которымъ тотъ часа два тому назадъ распростился, какъ казалось, навсегда.

Съ прибытіемъ въ г. К. начинается новый періодъ въ жизни С. М., періодъ интеллектуальнаго развитія и самостоятельной дѣятельности, о чемъ онъ постоянно мечталъ. Односторонній ученый талумидъ превращается мало по малу въ европейски-образованнаго человѣка, мыслителя и писателя. Не станемъ впрочемъ забѣгать впередъ. Канторъ, забравшій его съ собою въ К., оказался человѣкомъ съ теплою душою. Съ перваго момента прибытія въ городъ, канторъ позаботился, чтобы С. М. не терпѣлъ недостатка ни въ чемъ, а для занятій онъ повелъ его въ тотъ бетъ-мидрашъ, въ которомъ находилась самая лучшая общественная библіотека. Въ этомъ бетъ-мидрашѣ молилась почти вся мѣстная аристократія, тамъ же занимались, самостоятельно, изученіемъ талмуда юноши лучшихъ семействъ. Соломонъ Моисеевичъ скоро обратилъ на себя вниманіе своими солидными талмудическими и экзегетическими познаніями, и всѣ непрерывъ искали его знакомства. Посѣтители бетъ-мидраша полюбили его за его скромность и примѣрное прилежаніе. Молодежь то и дѣло обращалась къ нему за разъясненіями трудныхъ мѣстъ, или указаніемъ источниковъ. Чѣмъ дольше онъ пребывалъ въ бетъ-мидрашѣ, тѣмъ болѣе росло къ нему довѣріе и уваженіе, такъ что нѣкоторые богачи поручили ему руководить ихъ взрослыми сыновьями при ихъ самостоятельномъ изученіи талмуда, и щедро вознаграждали его за труды. Будучи матеріально обезпеченъ, С. М. могъ бы вполне удовлетворить своей жадѣ къ наукѣ; но какимъ образомъ можно добыть эту науку? гдѣ взять первоначальнаго руководителя, который указалъ бы ему надлежащій путь? гдѣ достать необходимыя руководства и какими способомъ возможно будетъ ихъ водворить въ бетъ-мидрашъ? Вотъ вопросы, надъ которыми онъ понапрасну ломалъ себѣ голову и рѣшить которые онъ никоимъ образомъ не могъ. Но случай и здѣсь вывелъ его на самую вѣрную дорогу. Въ бетъ-мидрашѣ, о которомъ говоримъ, постоянно занимался изученіемъ талмуда одинъ почтенный старецъ, пользовавшійся уваженіемъ всѣхъ прихожанъ за свое искреннее благочестіе и богобоязненность. Этому почтенному старцу особенно любился нашъ молодой литовецъ, съ которымъ онъ весьма часто велъ ученныя бесѣды. Сопедашивъ съ нимъ поближе и узнавъ, что кромѣ талмуда онъ въ совершенствѣ владѣеть и древнееврейскимъ языкомъ, этотъ старецъ, къ величайшему

изумленію и удовольствію Соломона Моисеевича, посовѣтовалъ ему, однажды въ интимной бесѣдѣ, познакомиться съ учительствовавшимъ въ то время въ мѣстномъ казенномъ еврейскомъ училищѣ, нашимъ наставителемъ по этому Готтлоберомъ. «Ты сходи къ нему когда-нибудь вечеромъ, чтобы никто этого не замѣтилъ,—сказалъ ему старецъ—и познакомься съ нимъ. Хотя онъ, какъ британскій *шолтыксъ* *, не пользуется уваженіемъ и довѣріемъ нашей общины, и мы оберегаемъ нашихъ молодыхъ людей отъ всякаго съ нимъ знакомства, но тебѣ, какъ знающему, что отвѣчать *этикой-ресу*, бояться нечего. Ты смѣло можешь съ нимъ познакомиться, и онъ, какъ большой *м'дакдекъ* ** можетъ быть тебѣ полезнымъ. Помни слова раби-Меера: «вкусный плодъ съѣдай, а негодную скорлупу брось». Я скажу *шамесу* *** и онъ тебѣ укажетъ, гдѣ живетъ этотъ *шолтыксъ*». Иня г. Готтлобера было уже давно извѣстно Соломону Моисеевичу, и можно себѣ представить съ какимъ нетерпѣніемъ онъ ждалъ этого знакомства, надеясь, что этотъ ученый на новый ладъ укажетъ ему настоящій путь къ наукѣ, наставитъ его, какъ взяться за дѣло, и при его содѣйствіи онъ, безъ сомнѣнія, достигнетъ желанной цѣли.

На второй день подъ вечеръ, послѣ описаннаго нами сейчасъ разговора, нашъ С. М., въ сопровожденіи шамеса, шагаль уже къ квартирѣ Готтлобера, захвативъ съ собою единственное свое литературное произведеніе—написанную еще въ дѣтствѣ драму, оставшуюся безъ всякаго заглавія, съ намѣреніемъ выслушать мнѣніе великаго поэта и получить указаніе и наставленіе на будущее время. Готтлоберъ, какъ мнѣ передавалъ объ этомъ самъ С. М., не могъ удержаться отъ хохота, прочитывая произведеніе дѣтской фантазіи. Онъ похвалилъ его однакожъ за благородное стремленіе и предсказалъ ему блестящую литературную будущность. Готтлоберъ съ перваго момента увидѣлъ, что въ молодомъ литовцѣ таится недожинный талантъ, а потому, не ожидая просьбы, самъ предложилъ С. М. свои услуги и свою весьма отборную бібліотеку. Ласковый приѣмъ, который С. М. постоянно встрѣчалъ въ домѣ Готтлобера, новыя, дотолѣ совершенно ему неизвѣстныя мнѣнія, рѣчи и разсужденія, которыя впервые ему приходилось слышать изъ устъ уважаемаго поэта, привязали его къ этому дому и въ скоромъ вре-

* Безупутный, негодный (на мѣстномъ жаргонѣ).

** Лексикокогъ, знающій хорошо еврейскую грамматику.

*** Служба при синагогѣ или бетъ-мидрашѣ.

мени онъ сдѣлался тамъ домашнимъ человѣкомъ. До знакомства съ домою г. Готтлобера, С. М. не имѣлъ никакого понятія о какой-либо еврейской азбукѣ и тутъ лишь, подъ руководствомъ старшей дочери г. Готтлобера, онъ сталъ изучать русскую и нѣмецкую азбуки и первыя начала ариметики. Предъ нимъ открылось также новое поле въ еврейской литературѣ, совершенно ему чуждой и неизвѣстной. Съ жадностью онъ проглатывалъ цѣлыя сочиненія новой еврейской литературы; съ необыкновеннымъ рвеніемъ сталъ изучать нѣмецкій и русскій языки и знакомиться съ наукою. Не смотря на то, что С. М. не имѣлъ почти никакихъ учителей (любезныя, по временамъ, указанія г. Готтлобера, нельзя назвать занятіями настоящаго учителя), которые могли бы направлять и систематизировать его занятія, онъ все-таки шелъ правильнымъ путемъ при изученіи научныхъ предметовъ, и одно знакомство съ людьми европейски образованными, было для него достаточно, чтобы вырваться изъ древне-схоластическаго міра, которымъ онъ весь былъ пропитанъ, на обширныя и богатыя поля европейской науки. Продолжая заниматься въ бетъ-мидрашѣ теологическими предметами, онъ въ то же время, на дому, посвящалъ достаточно много времени изученію языковъ и науки.

Многіе изъ богатыхъ прихожанъ того бетъ-мидраша, гдѣ постоянно занимался С. М., стали на него смотрѣть, за его ученость и скромность, какъ на весьма выгодную партію. *Шадхамы* съ самыми выгодными предложеніями стали осаждать молодаго литовца со всѣхъ сторонъ и С. М., не смотря на свою твердую волю и энергію, не могъ устоять противъ соблазна роскошной, беззаботной жизни, которую всю можно будетъ посвящать наукѣ, и обручился съ дочерью мѣстнаго богача, человѣка всѣмъ обществомъ уважаемаго, честнаго и ученаго. Сунружество это оказалось однакожъ не изъ счастливыхъ. Хотя домъ, куда онъ попалъ, былъ ему чрезвычайно милъ, такъ какъ тестъ оказался человѣкомъ ученымъ, обладавшимъ громадною бібліотекою по всѣмъ отраслямъ знаній, которою онъ могъ пользоваться вполне свободно, родители жены были къ нему чрезвычайно ласковы, всѣ прочіе члены семейства были люди интеллигентные и сошлись съ нимъ очень дружески, но жена оказалась до того неразвитою, что не могла удовлетворить даже и крайне нетребовательнаго молодаго человѣка. Онъ откровенно заявилъ объ этомъ своему тестю, котораго полюбилъ какъ отца роднаго, и послѣдній, сознавая, что дочь его не подѣлать Соломону Моисеевичу, согласился добровольно на разводъ, и первыя брачныя узмы были расторгнуты. С. М. между тѣмъ, за время

пребыванія у тестя, успѣлъ до того уже подготовиться, что выдержалъ экзаменъ на званіе учителя и поступилъ немедленно на службу въ мѣстномъ казенномъ еврейскомъ училищѣ. Достигнувъ самостоятельнаго и обезпеченнаго положенія, С. М. сталъ усиленно работать надъ самообразованиемъ. Какъ прежде онъ всецѣло преданъ былъ изученію св. книгъ и талмуда, съ такимъ же рвеніемъ принялся онъ теперь за изученіе языковъ и свѣтскихъ наукъ, и благодаря своему трудолюбію и прилежанію, дѣлалъ замѣчательные успѣхи въ изучаемыхъ предметахъ. Не позволяя себѣ никакой роскоши, никакого излишества въ жизни, онъ въ то же время не жалѣлъ никакихъ денегъ на приобретение полезныхъ книгъ.

Въ это время стала выходить первая газета на древнееврейскомъ языкѣ, подъ названіемъ Hamagid. Газета эта издавалась и до сихъ поръ издается въ Пруссіи въ г. Лыкѣ. Извѣстные еврейскіе писатели сотрудничаютъ въ этой газетѣ, и Соломону Моисеевичу тоже захотѣлось попробовать свои авторскія силы. Онъ написалъ для упомянутой газеты статью подъ заглавіемъ Nachinosh (о воспитаніи). Не увѣренный еще въ своихъ силахъ, онъ оставилъ ее на своемъ письменномъ столѣ между прочими бумагами. Одинъ изъ знакомыхъ Соломона Моисеевича, чело-вѣкъ образованный и правдивый, посѣтивъ его однажды, случайно увидѣлъ эту статью. Прочитавъ ее, онъ нашелъ, что по трезвости взгляда, логичности изложенія и вообще по крайней элегантности стиля она должна быть обнародована. По энергичному настоянію этого прія-теля, статья была отправлена въ Hamagid. Редакторъ, разувѣтсся, охотно принялъ ее и немедленно пригласилъ автора въ постоянные со-трудники своей газеты. Статья эта имѣла громадныи успѣхъ среди еврей-ской читающей публики, на нее обратилъ вниманіе и состоявшій тогда при министерствѣ народнаго просвѣщенія извѣстный ученый Л. Г. Ман-дельштамъ. При объѣздѣ виѣстѣ съ министрами Норовымъ юго-западнаго края, онъ познакомился съ Солом. Моис. и былъ край-не удивленъ, что авторъ упомянутой статьи еще такъ молодъ. «Я былъ убѣжденъ, сказалъ г. Мандельштамъ автору, что такая серьезная статья написана пятидесятилѣтнимъ ученымъ». Г. Мандельштамъ, узнавши ав-тора поближе, посоветовалъ ему отправиться въ славившееся тогда Па-дуанское раввинское училище въ Италію, обѣщавъ ему выхлопотать ка-зенную стипендію. С. М. конечно согласился на предложеніе г. Мандель-штама, но по стеченію разныхъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ, планъ этотъ не могъ состояться, и С. М. остался въ Россіи. На сколько по-

лезна была бы эта побѣдка за границу для С. М. мы теперь рѣшить не можемъ. Но можемъ сказать съ увѣренностью, что русское еврейство потеряло бы тогда въ немъ своего народнаго писателя, писателя, который самъ виѣсть съ своимъ многострадальнымъ народомъ проходилъ горькую школу терпѣнія, неудачъ, разочарованій и всяческихъ бѣдствій, и изучая въ этой практической школѣ всю духовную жизнь своего народа, сумѣлъ съ неподражаемымъ искусствомъ передавать малѣйшіе изгибы народной души и самъ чувствовать слабѣйшее бѣненіе народнаго пульса.

По стеченію разныхъ обстоятельствъ С. М. переехалъ, впоследствии, изъ города К. въ еврейскую Москву—городъ В., гдѣ и былъ натурализованъ, т. е. переименованъ въ Литвы въ тамошнее общество, въ которомъ числится по настоящее время. Нашедши здѣсь спутницу жизни по своему желанію, онъ прочно водворился въ городѣ В. и посвятилъ всю свою жизнь служенію своимъ единовѣрцамъ литературой.

Въ Ноябрь мѣсяцѣ 1859 года появилось, въ печати, первое серьезное сочиненіе Соломона Моисеевича Абрамовича подъ заглавіемъ *Mischpat-Schalom*, которое сразу обратило на себя вниманіе еврейской читающей публики. Эта маленькая книжка надѣлала много шуму и цѣлый переворотъ въ древнееврейской литературѣ. Евреи, привыкшіе слушать одни только похвальные отзывы о своихъ сочинителяхъ, впервые услышали сильный голосъ здоровой, неподкупной критики. Книжка эта вызвала съ одной стороны восторгъ и рукоплесканія, а съ другой — недовольство и скрежетъ зубовъ. Какъ возможно, завопили нѣкоторые изъ патентованныхъ писателей, чтобы какой нибудь монокосъ осмѣлился выступить противъ насъ, сѣдовласыхъ пинтовъ, и порицать то, что весь міръ до сихъ поръ хвалилъ! Какъ онъ смѣетъ возставать противъ нашихъ твореній, забаррикадированныхъ разными похвальными отзывами знаменитыхъ мужей—авторовъ? С. М. не испугался этого крика отчаянія и старческой немощи и подобно опытному хирургу твердою рукою совершалъ дальнѣйшія операціи и мало по малу сталъ вырывать шлевала, намопившіяся въ еврейской литературѣ. Цѣлыми рядомъ критическихъ статей, появлявшихся одна за другой въ еврейскихъ періодическихъ изданіяхъ и отдѣльными брошюрами, С. М. сдѣлался блещетъ бездарностей, но виѣсть съ тѣмъ провозвѣстникомъ новыхъ идей и новыхъ литературныхъ требованій. Онъ, можно сказать, начинается собою новую эпоху въ древнееврейской литературѣ, потому что до него не-

было серьезной критики. Съ его легкой руки выступаетъ цѣлая фаланга молодыхъ критиковъ, изъ которыхъ многие были весьма талантливы.

Выступивъ критикомъ на литературномъ поприщѣ, С. М. въ тиши кабинета предался съ особенною любовью изученію естествовѣденія. Хотя онъ не имѣлъ никакихъ руководителей (о кабинетахъ по естественной исторіи и говорить нечего), онъ въ теченіи трехъ лѣтъ приобрѣлъ такіа основательныя познанія въ этой наукѣ, что принялся за переводъ, на древнееврейскій языкъ, естественной исторіи профессора Ленца. Имъ переведены всего три тома: о млекопитающихся, о птицахъ, о земноводныхъ и пресмыкающихся. Если онъ въ первомъ томѣ придерживается почти буквально профессора Ленца, то слѣдующіе два тома являются уже не просто переводомъ, а большимъ самостоятельнымъ трудомъ, въ которомъ видна солидная эрудиція Соломона Моисеевича. При всякомъ удобномъ случаѣ онъ сопоставляетъ взгляды и степень познаній древнихъ талмудистовъ въ области естествовѣденія съ настоящимъ временемъ и весьма часто даетъ замѣчательно мѣткія объясненія нѣкоторымъ мѣстамъ талмуда по этой части. Въ особую заслугу надо поставить С. М. его превосходный стиль, чистоту и легкость языка. Если вспомнить, какъ бѣденъ древнееврейскій языкъ вообще и особенно для выраженія научныхъ терминовъ, то понятно будетъ, какой громадный трудъ онъ долженъ былъ преодолѣть при написаніи трехъ томовъ по естествовѣдѣнію. Правительство наше обратило свое просвѣщенное вниманіе на этотъ трудъ и для поддержанія автора покупало у него, при изданіи каждаго тома, на пятьсотъ р. книгъ, которыя и разсыладо въ бібліотеки казенныхъ еврейскихъ училищъ.

Говоря о литературной дѣятельности С. М. на древнееврейскомъ языкѣ, мы не должны умолчать и о попыткѣ его создать романъ изъ народной еврейской жизни. Если самъ романъ, какъ первый опытъ юности, страдаетъ еще многими недостатками, то все-таки въ немъ уже замѣчается талантъ и глубокое знаніе человѣческаго сердца.

Сочувствуя всегда своимъ единовѣрцамъ и желая принести имъ пользу по мѣрѣ своихъ силъ, С. М. рѣшился, въ ущербъ своей собственной славы, писать съ этихъ поръ не на древнееврейскомъ языкѣ, понятномъ только ограниченному кругу избранныхъ, а на языкѣ народномъ, на которомъ говорить всѣ евреи Россіи въ настоящее время, дабы и необразованная масса могла его читать, понимать и видѣть въ свои болячки, которыя прилипли къ ея тѣлу отчасти по ея собственной винѣ, отчасти, благодаря вишнимъ обстоятельствамъ. Къ писаніямъ подобнаго рода С. М. приступилъ послѣ

тщательнаго изученія всего внутренняго духа своего народа, всей его жизни, какъ она есть на самомъ дѣлѣ, всѣхъ отношеній евреевъ другъ къ другу и къ окружающей ихъ средѣ. Въ своихъ сочиненіяхъ на разговорномъ языкѣ Соломонъ Моисеевичъ не льститъ толпѣ, которой посвящена вся его литературная дѣятельность, и не гоняется за дешевой славой и легкимъ барышемъ. Онъ выступаетъ на самый тернистый и неблагодарный путь, на путь порицанія всего нехорошаго, съ указаніемъ путей къ уврачеванію зла; но онъ не является въ своихъ разсказахъ сухимъ моралистомъ, порицающимъ все скверное и восхваляющимъ достойное похвалы; нѣтъ, то и другое вытекаетъ всегда само собою, самымъ естественнымъ образомъ изъ его живаго разсказа, который, какъ панорама, развертывается предъ глазами читателя изъ дѣятельности и характера лицъ, дѣйствующихъ въ разсказѣ. Всѣ типы его — это живыя лица изъ плоти и крови, жившіе страстями и страстишками, свойственными людямъ съ ясною опредѣленною фізіономіею и рельефнымъ характеромъ. Во всѣхъ своихъ главныхъ проявленіяхъ эти типы не подчиняются волѣ автора, а дѣйствуютъ самостоятельно — каждый шагъ ихъ есть необходимое слѣдствіе всей ихъ прежней жизни, воспитанія и тѣхъ обстоятельствъ, среди которыхъ имъ приходилось жить и дѣйствовать. Въ своихъ народныхъ твореніяхъ Абрамовичъ является не только тонкимъ психологомъ, но отчасти и прорицателемъ. Подмѣчая, какъ сказано выше, слабѣйшее біеніе народнаго пульса, онъ съ увѣренностью предсказываетъ послѣдствія того или другаго народнаго недуга, или злобы дня, и когда предсказанное имъ сбывается, тогда начинаютъ лишь вспоминать, что Абрамовичъ давно уже это предсказывалъ въ томъ или другомъ изъ своихъ твореній.

Первое его сочиненіе изъ народнаго быта, на разговорномъ языкѣ, это—*Das kleine Menschele* (человѣчекъ). Въ этомъ разсказѣ приводится біографія одного человѣка, вышедшаго изъ самыхъ низменныхъ слоевъ общества, достигающаго пронырствомъ и нахальствомъ самыхъ высшихъ общественныхъ положеній и богатства. Всѣ жители города, стонущіе подъ гнетомъ этого всевѣдшаго кулака, ненавидятъ его отъ всей души, но непрекословно подчиняются его волѣ—такова уже сила золота, что все склоняется передъ нимъ. Въ этомъ разсказѣ встрѣчаются и типы честные, смиренныя, скопированные авторомъ изъ дѣйствительной жизни. Кто не узнаетъ въ Гутманнѣ нашего настрадаго поэта Готтлобера? Войдите въ его уютную квартиру, и ваша душа отдохнетъ послѣ всѣхъ видѣнныхъ вами безобразій при знакомствѣ съ главнымъ героемъ разсказа; но защемятъ ви-

стѣ съ тѣмъ у васъ душа, когда вы убѣдитесь, что въ этой честной и опрятной бѣдности перетерпѣваютъ всяческія нужды.

Во второмъ своемъ разсказѣ *Fischka der Krummer* (Фишка хромой), авторъ знакомитъ насъ съ жизнью еврейскихъ нищихъ. Этотъ особый, своеобразный міръ, куда никто изъ еврейскихъ писателей еще не заглядывалъ, выставленъ авторомъ во всей его полнотѣ. Міръ этотъ авторъ изучалъ въ городѣ Б., куда стекаются нищіе всего міра, лично посѣщалъ притоны, бесѣдовалъ со многими нищими, калѣками, интересовался ихъ житейскимъ бытомъ и весьма часто разбиралъ даже ихъ мелкіе споры. Тыны, выведенные авторомъ въ этомъ разсказѣ, встрѣчаются во всѣхъ мѣстахъ осѣдлости евреевъ, и каждый изъ читателей удивляется, какимъ образомъ авторъ могъ изучить бытъ нищихъ той мѣстности, гдѣ никогда не бывалъ.

По мнѣнію Соломона Моисеевича величайшее зло въ соціальной еврейской жизни—это коробочный сборъ. Въ каждомъ городѣ или мѣстечкѣ черты осѣдлости евреевъ, кружкосодержатель является главнымъ фокусомъ вокругъ котораго группируется цѣлая стая тунеядцевъ, живущихъ на счетъ трудовой кѣпѣйки несчастнаго рабочаго класса. Мѣткія нападки на кружкосодержателей, какъ на народныхъ кулаковъ, и ихъ приспѣшниковъ тянутся красною нитью во всѣхъ его мастерскихъ разсказахъ изъ народного быта. Но вромѣ, такъ сказать, мелкихъ перестрѣлокъ, С. М. задалъ кружкосодержателямъ генеральное сраженіе въ особомъ сочиненіи, подъ заглавіемъ *Die Taxe oder die Bande Stodt-Baal-towos* (коробочный сборъ, или шайка народныхъ благодѣтелей). Ни въ одномъ городѣ, конечно, злоупотребленія кружкосодержателей и ихъ сподручниковъ не могли достигнуть такихъ колоссальныхъ размѣровъ, какъ въ городѣ Б. Изучивъ весь механизмъ коробочнаго сбора, всѣ тайны пружины, двигающія этимъ механизмомъ, С. М., въ формѣ драмы, выставляетъ на судъ публики дѣятелей коробочнаго сбора. Всѣ мерзости и подлости, совершаемыя, заправилами коробочнаго сбора, носятъ на себѣ, почти всегда, характеръ благочестія и заботы о чистотѣ редигии, но авторъ *Таксы* искусною рукою срываетъ съ нихъ эту маску и ставитъ ихъ предъ лицомъ публики въ настоящемъ ихъ видѣ.

Послѣ появленія *Таксы*, Б-скіе гуси до того были раздражены, что авторъ долженъ былъ убраться изъ своего мѣста жительства въ болѣе укромное мѣсто; масса-же народная стала его превозносить и смотрѣть на него, какъ на своего благодѣтеля. Такса, съ перваго дня появленія въ свѣтъ, сдѣлалась народнымъ достояніемъ и каждая мѣткая фраза, каждая

острота и каждый каламбуръ превратились въ народныя поговорки и до того вошли въ плоть и кровь народа, что нерѣдко теперь услышать отъ лицъ, совершенно чуждыхъ литературы, цѣлыя фразы изъ *Таксы*. Успѣхъ этой драмы былъ такъ великъ, какъ въ свое время успѣхъ „Горе отъ ума“ въ Москвѣ, когда она обращалась въ публикѣ въ рукописяхъ. Не смотря на то, что драма эта написана на простомъ народномъ еврейскомъ языкѣ, она сдѣлалась извѣстною администраціи края, и тогда-же стали прискивать средства къ уменьшенію зла, проистекающаго изъ коробочнаго сбора. Всѣ сочиненія С. М. на разговорномъ языкѣ до того народны, что весьма трудно могутъ быть передаваемы на какойнибудь европейскій языкъ. Въ переводѣ теряется вся мѣткость сатиры, вся острота каламбуровъ, и особенно не могутъ быть удачно переведены истинно-народныя пословицы и поговорки. Кромѣ совершеннаго знанія того языка, на который переводится данный рассказъ, надо еще обладать и тонкимъ поэтическимъ чутьемъ, чтобы сносно передавать весь юморъ, заключающійся въ сочиненіяхъ Абрамовича, и вотъ почему переводъ *Таксы*, появившійся недавно въ печати, крайне неудаченъ.

Послѣ появленія *Таксы*, Абрамовичъ, какъ сказано выше, оставилъ городъ Б. Переселился онъ тогда со всѣмъ своимъ семействомъ въ городъ Ж. гдѣ сталъ прилежно готовиться къ экзамену, при существовавшей тогда раввинскомъ училищѣ, на званіе раввина. Хотя онъ давно уже былъ извѣстенъ въ министерствѣ, какъ хорошій педагогъ и писатель, однакожь безъ аттестата ему все-таки трудно было добиться оффиціальнаго мѣста, въ которомъ онъ къ сожалѣнію, постоянно нуждался, такъ какъ одна еврейская литература никогда не обеспечивала своимъ служителей, особенно тѣхъ, которые посвятили ей лучшіе годы своей жизни, безъ всякой корысти.

По окончаніи экзамена, Абрамовичъ написалъ свое безсмертное твореніе подъ заглавіемъ *Die Klatscha* (кляча), или „Записки Сумашедшаго“. Идея этого аллегорическаго рассказа зародилась у него вслѣдствіе посѣщенія имъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ отсутствія, гор. Б., гдѣ онъ случайно увидѣлъ, что какая-то тощая, але живая и вся въ язвахъ клячонка, тащила песокъ и глину къ громадной постройкѣ какого-то мѣстнаго кулака, или общественнаго заправителя города. Въ своемъ рассказѣ онъ выводитъ нѣкоего Срулика, страдающаго галлюцинаціями и клячу-оборотня, т. е. человека, превращеннаго злымъ духомъ въ клячу, говорящую и чувствующую, по временамъ, какъ человекъ. Сруликъ, во время своихъ галлюци-

націй, составляетъ записки о своихъ разговорахъ съ клячею-оборотнемъ, или излагаетъ свои собственные наблюденія надъ участіемъ этой несчастной клячи.

Въ этомъ фантастическомъ разсказѣ затрогивается есць „еврейскій вопросъ“ въ полномъ своемъ объемѣ, или лучше сказать, въ немъ разбираются всѣ вопросы касательно евреевъ, которые выдвинуты, лишь въ послѣднее время, русскою печатью. Своимъ тонкимъ чутьемъ С. М. предвѣщаетъ своимъ единовѣрцамъ многое, что въ то время, когда онъ писалъ, казалось совсѣмъ несбыточнымъ. Всѣ обвиненія, выставляемыя лишь теперь противъ евреевъ и всѣ бѣдствія, постигшія евреевъ въ послѣднее время, очерчены въ разбираемомъ нами разсказѣ, самыми яркими красками. Если примемъ въ соображеніи, что «Кляча» написана въ 1873 году, въ то время, когда счастье, казалось, улыбалось евреямъ, то намъ станетъ еще болѣе удивительнымъ, какимъ образомъ онъ могъ тогда предсказывать все нынѣ случившееся. Чтобы читатели, не читавшіе „Клячи“, имѣли хоть какое нибудь понятіе о разбираемомъ нами фантастическомъ разсказѣ, приведемъ изъ него въ извлеченіи, два слѣдующія мѣста: Во второй главѣ подъ названіемъ «Сруликъ и Кляча», первый разсказываетъ слѣдующее: «Въ одинъ прекрасный лѣтній день я отправился гулять далеко за городъ. Нѣсколько часовъ я все бродилъ по полямъ и лугамъ, наконецъ я прилегъ подъ дерево, вовлѣ какой-то канавы, для отдыха. Оттуда я смотрѣлъ, какъ на полѣ насутся господскіе козлы, ослы и цѣлыя табуны лошадей, имѣющихъ аттестаты о своемъ благородномъ происхожденіи: дѣдъ одной лошади—англійскій жеребецъ, бабушка другой—тоже знаменитой породы и въ жизни своей много пороку нюхала, а прабабушка третьей получила отличное воспитаніе въ какомъ-то извѣстномъ заводѣ и отличалась своими танцами въ извѣстѣйшихъ циркахъ виѣстѣ съ другими образованными лошадьми. Надо замѣтить, что у лошадей весьма важную роль играетъ происхожденіе. У нихъ обращаютъ большое вниманіе на благородство крови, и тѣ, которыя родились отъ породистыхъ родителей, называются лошадыми чистокровными. Эти благородныя, чистокровныя лошади свободно паслись на самыхъ поляхъ, портили хлѣба, и никто не обращалъ на это никакого вниманія; онѣ прыгали, бѣгали, перегоняя другъ дружку, какъ бы щеголяя своею силою и ловкостью, и за это ихъ не только не выгоняли изъ хлѣбныхъ полей, но даже не покрикивали на нихъ. Вдругъ издалека слышался какой-то шумъ, крикъ людей и лай собакъ. Сначала я полагалъ, что тутъ вѣроятно собираются крестьяне, чтобы выгнать господскихъ

ковловъ и лошадей, зашедшихъ въ хлѣба. Не тутъ-то было. Голоса стали удаляться и слышались имѣ совсѣмъ съ другой стороны. Я полюбопытствовалъ посмотрѣть, что тамъ такое происходитъ, и пустившись по голосу, донесшемуся до моего слуха, прибылъ на громадную площадь, заросшую травой. Тамъ глазамъ моимъ представилась страшная сцена: мальчишки-шалуны гнались, со всѣхъ сторонъ, за какою-то исхудалую, тошею клячей, бросали въ нее камнями и травили ее цѣлой сворой собакъ различныхъ породъ. Нѣкоторые изъ тѣхъ собакъ только лаяли и скрежетали зубами, другія же кусали ее, куда попало. Я не могъ остаться хладнокровнымъ зрителемъ при такой потрясающей сценѣ, во первыхъ изъ жалости, во вторыхъ несчастная кляча имѣла полное право, чтобы я за нее заступился, въ виду того, что состою членомъ общества покровительства животныхъ, цѣль котораго—заботиться, чтобы не мучили и не тиранили никакого живаго существа на землѣ.

— Шалуны, закричалъ я, приблизившись къ мальчикамъ, что вы имѣете противъ этой несчастной клячи?

Нѣкоторые изъ мальчиковъ какъ будто не слышали моего вопроса, другіе просто нагло смѣялись. Нѣкоторые собаки смотрѣли на меня съ удивленіемъ, другія лаяли издали, а третьи вытаращили на меня глаза, скрежетали зубами и готовы были броситься и разорвать меня въ клочки.

— Шалуны! обратился я вновь къ нимъ,—почему вы мучаете твореніе Божіе—эту несчастную клячу?

— Несчастненькая!—передразнили меня мальчики,—а почему она насется здѣсь, эта красивенькая кляча?

— Потому что здѣсь общественный выгонъ, отвѣтилъ я имъ,—потому что здѣсь насется весь городской скоть, съ давнихъ временъ.

— Городской скоть это совсѣмъ другое дѣло, отвѣтили они въ свою очередь,—онъ имѣетъ право, а эта нѣтъ.

— Почему-же она не имѣетъ права, спрашиваю я вновь,—у нея развѣ не такая же душа, какъ у другихъ городскихъ скотинъ?

— Можетъ быть, и не такая.

— Подлецы вы, если такъ разсуждаете; но она, вѣроятно, имѣетъ здѣсь хозяина, платящаго въ городскую кассу всѣ налоги и повинности, она вѣдь тоже городская скотина!

— Вотъ это-то намъ неизвѣстно, отвѣтили они съ насмѣшкой,—городская-ли она скотина или нѣтъ, въ томъ-то и весь вопросъ!

— Какъ бы тамъ нибыло, хотѣлъ я ихъ урезонить, — но кляча между тѣмъ голодна, она хочетъ ѣсть.

— Пусть околѣбеть съ голода, отвѣтили они мнѣ. — Что общаго между нами и ею? Зачѣмъ такой паскудѣ жрать и отнимать кормъ у городскихъ скотинъ?

— Разбойники! крикнулъ я уже не своимъ голосомъ, — почему вы не обращаете вниманія, что тамъ ходятъ цѣлыя стада господскихъ козловъ, цѣлые табуны лошадей, которые сѣдаютъ настоящей хлѣбъ, а тутъ вы жалѣете несчастной клячѣ горсточку травы? Вы не обращаете вниманія, что той травы, которую тѣ топчутъ ногами, было бы достаточно для бѣдной клячи и всего ея потомства? Разбойники! У васъ нѣтъ ни капли совѣсти, и вы еще имѣете дерзость говорить о правахъ и корчить изъ себя защитниковъ городскихъ скотинъ!

— Вотъ какъ! — отвѣтили вѣкоторые съ хохотомъ. — Видите, онъ совѣмъ сердитъ и предлагаетъ какіе-то вопросы! Пойдемте господа, зачѣмъ намъ слушать его болтовню, пусть себѣ деретъ горло на здоровье. Пойдемте!..

Одинъ изъ шалуновъ свиснулъ, и вся ватага, вмѣстѣ съ собаками, напустились на бѣдную клячу и долгое время гнались за нею съ лаемъ, свистомъ, гикомъ и гамомъ, пока наконецъ не загнали ее въ какую-то глубокую яму, гдѣ она погрузилась по шею“...

Въ приведенномъ отрывкѣ читатель развѣ не узнаетъ весь крикъ и лай извѣстныхъ борзописцевъ, накинувшихся, въ послѣднее время, на евреевъ съ бѣшеной пѣной у рта? Развѣ въ этихъ строкахъ не слышатся вся логика извѣстнаго сорта писателей нынѣшняго времени, разсуждающихъ на разные лады, о еврейскомъ вопросѣ?

Въ девятой главѣ подъ заглавіемъ: „Покровительство Животнымъ“, авторъ приводитъ разговоръ Срулика съ клячей. Последняя совѣтуетъ ему, чтобы онъ оставилъ всякія о ней хлопоты, такъ какъ своимъ ничтожнымъ заступничествомъ онъ ничего не успѣетъ; что весь энтузіазмъ его не болѣе, какъ юношеская вспышка, которая съ годами пройдетъ окончательно. Сруликъ же все доказываетъ, что кляча напрасно его обвиняетъ въ страстности и увлеченіи, что онъ вовсе не фантазеръ, а всегда дѣйствуетъ на реальной почвѣ, и для подкрѣпленія своихъ словъ, онъ прочитываетъ клячѣ письмо, отправленное имъ въ Общество Покровительства Животнымъ, слѣдующаго содержанія: „Состраданіе такъ вошло въ жоду въ настоящее время, что люди не только имѣютъ состраданіе къ себѣ

подобнымъ, т. е. они не только не угнетаютъ и не отравляютъ жизнь своихъ ближнихъ, какъ это было въ давнопрошедшее время, ибо смотреть на всякаго, безъ различія страны, національности и религіи, какъ на брата, товарища и друга, но даже съ безсловесными животными стали обращаться мягкосердечно и смотреть на нихъ какъ на твореніе божіе; поэтому настоящее время вполне заслуживаетъ названіе: «время человѣчности». Вамъ, господамъ представителямъ Общества Покровительства Животнымъ, принадлежить вся похвала за нынѣшнее счастливое время! Благодаря вашимъ стараніямъ и неусыпнымъ трудамъ, въ настоящее время обращаются гораздо лучше, гораздо мягче и человѣчнѣе со многими животными и нѣтъ болѣе мученій и тѣлесныхъ бичеваній! Повсюду, на всѣхъ дорогахъ и перекресткахъ, во всѣхъ городахъ, мѣстечкахъ и деревняхъ находятся ваши добросердечные, благородные и умные члены вашего общества, которые зорко слѣдятъ за тѣмъ, чтобы никого не мучили и не обижали!.. Я тоже имѣю честь состоять членомъ вашего общества, а потому мой прямой долгъ васъ увѣдомить объ одномъ божьемъ созданіи, которое будто бы безъ имени и званія и которое—самъ не знаю, какъ его опредѣлить. Сказать, что это твореніе—кляча, не могу, такъ какъ оно кажется человѣкъ, человѣкомъ опять нельзя его назвать, потому что оно все-таки кляча. Прошу васъ, господа, не смѣяться, это не моя выдумка, это странное твореніе все-таки живетъ на бѣломъ свѣтѣ, оно, положимъ кляча, но всѣ чувства и поступки у него человѣческія.. Какъ бы тамъ ни было, извѣщаю васъ, что въ нашемъ краѣ есть какое-то твореніе, (назовите его какъ хотите) которое страшно страдаетъ: работаетъ у каждаго, кто только не пожелаетъ, на шеѣ у него ярию, а тяжести носить сверхъ своихъ силъ; всякій нелѣпный извлекаетъ изъ него пользу, и несмотря на все это поступаютъ съ нимъ крайне несправедливо—его, какъ бы зачумленное животное, держать вдали отъ городского стада за особой оградой. Пусть оно попробуетъ что-нибудь лизнуть, сейчасъ травятъ его собаками и поднимаютъ крикъ, что оно захватываетъ весь хлѣбъ, и на эту несчастную скотинку сыплются удары со всѣхъ сторонъ. Многие члены нашего общества самолично видятъ это, и къ моему величайшему удивленію, хранятъ глубокое молчаніе, какъ будто это твореніе внѣ закона и наше общество никакихъ обязательствъ въ отношеніи къ нему не имѣетъ. Я какъ-то разъ, другой попробовалъ заступиться, но меня подняли на смѣхъ. Ради Бога, что тутъ такое творится?... Допустимъ, что это животное, о которомъ теперь рѣчь, дѣйствительно кляча, но оно все-таки Божіе твореніе и не хуже другихъ

клячь, поэтому оно тоже имѣетъ право на покровительство, какъ и другія животныя... Вы же, представители нашего дорогара общества, имѣющіе состраданіе ко всѣмъ животнымъ, сжалитесь также надъ бѣдной, несчастной клячей, помогите ей въ ея нуждахъ, заступитесь за нее, освѣтите ее вашими крыльями и пусть она, несчастная, тоже узнаетъ, что въ настоящее время нѣтъ произвола въ мірѣ, что существуетъ Общество Покровительства животнымъ!!...“

На ѣдкія и насмѣшливыя замѣчанія клячи, касательно восторженнаго письма и на вопросъ ея—какой отвѣтъ послѣдовалъ отъ комитета общества, Сруликъ вынимаетъ изъ бокового кармана другую бумагу и читаетъ слѣдующее:

„Въ отвѣтъ на ваше прошеніе на счетъ клячи, комитетъ общества покровительства животнымъ извѣщаетъ васъ, милостивый государь, что кромѣ вашего сообщенія получены нами еще и другія отъ разныхъ лицъ, все касательно той-же клячи. Нѣкоторые жалуются на мучителей ея, описывая въ самихъ врачныхъ краскахъ ея скверное положеніе, и просятъ, чтобы мы приказали нашимъ членамъ слѣдить за тѣмъ, чтобы обходились съ клячею, гдѣ бы она ни находилась, точно также, какъ со всѣми другими животными, состоящими подъ нашимъ покровительствомъ; чтобы мы приказали разъ навсегда, что состраданію подлежатъ всѣ животныя, даже и кляча, и кто ее обидитъ, съ тѣмъ поступлено будетъ на законномъ основаніи.— Другіе-же пишутъ какъ разъ противоположно. Вы не можете и вы не обязаны, говорятъ они намъ, возбуждать противъ себя тѣхъ, которые отъ времени до времени и колотятъ эту клячу. Кулакъ для нея необходимъ, съ нею иначе невозможно. Далѣе они говорятъ, что кляча очень дика, всѣ ея поступки не такіе какъ должны быть. Если ее хотятъ заперчь, она становится на дыбы, заглядишься—она выпрыгиваетъ изъ оглобель, недосмотришь—она скидываетъ съ себя ношу. Тайкомъ она любитъ лягать ногами да кусать маленькихъ дѣтей. Ей нуженъ кнутъ, безъ кнута съ нею ничего не подѣлаешь. Кромѣ того она нечистоплотна—въ гривѣ у нея болтается колтунъ, голова въ язвахъ, сама она кашляетъ, и нѣтъ возможности держать ее вѣстѣ съ другими лошадыми, которыя могутъ отъ нея заразиться. Что касается работы, то ко многимъ работамъ она совсѣмъ негодна, а имѣетъ склонность къ извѣстнымъ неприличнымъ занятіямъ. Она крайне прожорлива — весьма часто попадаетъ на хлѣбныхъ поляхъ и тѣмъ наноситъ страшный вредъ крестьянамъ, ее поэтому крайне опасно держать въ деревьяхъ. Вы, право, прибавляютъ они еще, должны

смотреть сквозь пальцы на тѣхъ, которые, по временамъ, даютъ ей пинки. Состраданіе общества не можетъ распространиться на всѣхъ безъ разбора. Кляча вполне заслуживаетъ свою участь.

«По выслушаніи комитетомъ защитниковъ и обвинителей и послѣ собранія ихъ, негласно, черезъ своихъ агентовъ, точныхъ свидѣній, рѣшено было передать все дѣло о клятѣ особой комиссіи, дабы она, послѣ внимательнаго и всесторонняго обсужденія, дала свое заключеніе по этому предмету. Комиссія, съ своей стороны, весьма усердно работала надъ рѣшеніемъ этого важнаго во всѣхъ отношеніяхъ вопроса и приняла наконецъ къ желанному результату. Въ своей резолюціи комиссія предложила слѣдующее: Во избѣжаніе многихъ неприяностей и столкновеній и для улучшенія будущаго быта несчастной клячи, необходимо, прежде всего, снять съ нея болтающійся въ гривѣ колтунъ. Дабы она небыла такъ неуклюжа, необходимо научить ее маршировать по общепринятому методу и еще нѣкоторыя вещи. Послѣ усвоенія ею всѣхъ кунштутовъ, требуемыхъ современнымъ образованіемъ, она можетъ воспользоваться нашими состраданіемъ, и общество тогда не должно давать ее въ обиду. До поры до времени-же, для собственнаго ея блага, надо зорко слѣдить за тѣмъ, чтобы удалять ее, во всякомъ случаѣ, отъ хлѣбныхъ полей, такъ какъ хлѣбныя поля, портить ли она ихъ, или нѣтъ, служатъ всегда главнымъ поводомъ къ нападенію на нее...

„Планъ комиссіи нами утвержденъ и мы, съ своей стороны, учинили уже надлежащее распоряженіе“.

Выставляя весьма рельефно скверное положеніе евреевъ и предсказывая имъ въ будущемъ еще худшее, С. М., въ томъ же рассказѣ, не гладитъ своихъ единовѣрцевъ по головкѣ, а съ свойственной ему ѣдкой сатирой бичуетъ многіе недостатки, указывая въ то-же время путь къ исправленію:

Все богослуженіе у евреевъ, какъ извѣстно, совершается на древнееврейскомъ языкѣ, который для массы совершенно недоступенъ. Масса конечно молится совершенно искренне, но не понимаетъ высокаго смысла молитвъ, состоящихъ, большею частью, изъ псалмовъ и высокопоэтическихъ гимновъ. Появились, разновременно, многіе переводы молитвъ на разговорный языкъ, но всѣ эти переводы не только не уясняли смысла молитвъ, но окончательно затемняли и искажали. Абрамовичъ, обративъ на это вниманіе, попробовалъ передать богослужебныя книги на разговорномъ языкѣ, въ стихотворной формѣ. До настоящаго времени онъ перевелъ такимъ образомъ субботнія застоющія пѣсни (Zmirot), Perek Schi-

гаи, которыя уже напечатаны, и всѣ псалмы Давида, находящіяся еще въ рукописи. Оцѣнить весь этотъ трудъ можетъ только тотъ, кто хорошо знакомъ съ древнееврейскимъ языкомъ и знаетъ, какъ составлены еврейскія молитвы и какъ трудно онѣ поддаются переводу. Абрамовичъ побѣдилъ всѣ трудности; не удаляясь отъ текста, онъ передаетъ молитвы въ легкихъ и благозвучныхъ стихахъ, доступныхъ пониманію массы. Не смотря однакожъ на всѣ старанія и труды Абрамовича, эта часть его литературной дѣятельности, до сихъ поръ еще не оцѣнена по достоинству еврейскою массою; причина тому весьма проста—масса еще не доросла до пониманія высокой поэзіи. Это несочувствіе массы послужило главнымъ поводомъ, почему Абрамовичъ остановился въ дальнѣйшемъ переводѣ еврейскаго молитвослова.

Къ тому-же времени его литературной дѣятельности надо отнести и поэму въ стихахъ подъ заглавіемъ „Юдель“. Въ этой поэмі, въ видѣ бытоваго разсказа, Абрамовичъ передаетъ всю исторію еврейскаго народа, начиная отъ временъ библейскихъ до умственного развитія евреевъ въ эпоху Мендельсона. Въ этой поэмі встрѣчаются мѣста высокохудожественныя по своей обработкѣ и по глубинѣ мысли. Не смотря на то, что первое изданіе этой поэмы разошлось очень быстро, мы все-таки сомнѣваемся, понята-ли она массою, но во всякомъ случаѣ она оставляетъ цѣнный вкладъ въ литературу, и весьма желательно было бы видѣть эту поэму въ переводѣ на одномъ изъ европейскихъ языковъ.

Среди дѣла и бездѣля, Абрамовичъ перевелъ для народа изъ Жюль-Верна «Воздушное Путешествіе черезъ Африку». О достоинствахъ этого перевода, равно какъ о другой брошюркѣ подъ заглавіемъ: «Рыба, поглотившая пророка Юна», не стану распространяться, такъ какъ пишущій эти строки тоже участвовалъ въ этой работѣ.—Начиная съ 1873 года С. М. издаетъ народные календари, которые расходятся массами и приносятъ весьма много барыша издателямъ и весьма мало вещественныхъ благъ самому автору. Упомянемъ еще объ одномъ юмористическомъ разсказѣ подъ заглавіемъ: «Путешествіе Бенямина Третьяго». Беняминъ Третій—еврей маленькаго мѣстечка, отрѣзаннаго самой природой отъ всѣхъ путей сообщеній. Со дни своего рожденія до самыхъ зрѣлыхъ лѣтъ, Беняминъ никуда не выходилъ изъ предѣловъ своего мѣстечка, ничего кромѣ своего родного языка не понимаетъ, кромѣ родного мѣстечка ничто его не интересовало, и онъ всегда былъ доволенъ своей судьбой, которая впрочемъ не баловала его. Случайно натолкнулся онъ въ бібліотекѣ мѣстнаго бетъ-

мидраша на описаніе странъ и народовъ какого-то древняго еврейскаго путешественника, и съ того момента на него находятъ блажь сдѣлаться путешественникомъ. Идея эта, такимъ крѣпкимъ гвоздемъ засѣла въ его головѣ, что въ концѣ концовъ онъ дѣлается маниакомъ, бредитъ только пустынями, морями и фантастическими звѣрями, и въ мѣстечкѣ его провозглашаютъ сумасшедшимъ. Этотъ сумасшедшій находитъ себѣ однакожъ достойнаго товарища по путешествію въ лицѣ Сендерля по прозванію «баба» (бабой его называютъ потому, что жена его управляетъ всей скудной торговлей, а самъ Сендерль исправляетъ должность хозяйки—топить печку, стряпаетъ обѣдъ, моетъ посуду и бѣлье и штопаетъ чулки) и оба они отправляются въ невѣдомыя страны.—Послѣ многихъ курьезныхъ и смѣшныхъ приключеній, оба героя прибываютъ въ гор. Гнилопять (Бердичевъ), который принимаютъ за Стамбуль, а рѣку Гнилопять за Босфоръ, потомъ добираются до самаго Кіева, откуда, чуть-ли не по этапу, препровождаютъ ихъ обратно на родину, прежде чѣмъ они узрѣли рѣку Самбатіонъ, на берегу которой живутъ красноволосые евреи, и горы вѣчной тьмы.—Этотъ рассказъ написанъ съ такимъ юморомъ, что съ первой до послѣдней страницы нельзя его читать безъ сердечнаго хохота. Сцены, тины, мѣняющіеся въ рассказѣ, какъ въ калейдоскопѣ, мастерски очерчены и не оставляютъ желать ничего лучшаго.

Съ 1877 года въ жизни С. М., который никогда не могъ жаловаться на излишнія баловства со стороны судьбы, наступаютъ тѣкія обстоятельства, которыя отнимаютъ у него всякую охоту къ литературной дѣятельности. Распространяться здѣсь объ этихъ обстоятельствахъ считаемъ лишнимъ и неумѣстнымъ. Скажемъ только, что этотъ, бывший черезъ край источникъ, подъ влияніемъ удручавшихъ его обстоятельствъ, вдругъ какъ бы иссякъ и совершенно пересталъ дѣйствовать. Не разъ жаловался мнѣ въ то время С. М. на свое нравственно угнетенное положеніе. „Перестать мыслить, сказалъ онъ мнѣ однажды, это значить перестать жить, а мыслить, кажется, мнѣ уже невозможно. Мозгъ мой залитъ свинцомъ, а сердце окаменѣло». С. М. никогда не ропталъ на свою судьбу, но чтобы выдержать ея удары, которые она сыпала щедрою рукою, довольно долго, на его спину—на это надо было имѣть желѣзные нервы и желѣзный, закаленный и честный характеръ, какимъ владѣеть С. М., и только благодаря этой нравственной силѣ, онъ не палъ подъ ударами рока и мужественно выдержалъ натискъ со всѣхъ сторонъ, который могъ бы сломить и великана...

Буря, разразившаяся надъ головою нашего народнаго писателя и очень долго бушевавшая, мало по малу улеглась; тучи, покрывавшія весь его небосклонъ, разсѣялись и маленькая льдина, на которой онъ еле-еле держался на безбрежномъ океанѣ жизни, благополучно пристала къ берегу, и теперь, когда мы собираемся поздравить его съ 25-лѣтней литературной дѣятельностью, нашъ С. М. находится въ мирной и тихой гавани, въ которой вновь можетъ предаваться своимъ занятіямъ на пользу своихъ единовѣрцевъ. И дѣйствительно С. М., какъ надо было ожидать, не остался въ долгу передъ публикой. За свое долгое молчаніе, онъ къ 25-лѣтію своей плодотворной дѣятельности, написалъ прекрасную драму, изъ еврейскаго быта, подъ названіемъ: «Призывъ». Она теперь издается въ Петербургѣ друзьями и почитателями его таланта. Мы ничего не будемъ говорить объ этой драмѣ, хотя читали ее въ рукописи, такъ какъ желаемъ, чтобы публика сама оцѣнила это произведеніе безъ всякой предвзятой мысли.

Мы съ своей стороны, привѣтствуя сердечнаго друга нашего—почтеннаго юбиляра, 25-лѣтнимъ служеніемъ литературѣ, отъ всей души ему желаемъ еще долго, долго дѣйствовать на избранномъ имъ благородномъ поприщѣ, на пользу своихъ единовѣрцевъ, нуждающихся теперь и еще на долгое время въ такихъ честныхъ, безкорыстныхъ и талантливыхъ сѣятеляхъ добра, какъ Соломонъ Моисеевичъ Абрамовичъ.

Левъ Блинштокъ.

Житомиръ.

4-го октября 1884 г.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

КАВКАЗСКІЕ ЕВРЕИ.

Путешествіе по Кавказу и Закавказскому краю І. Я. Чернаго (תור
המסעות בארץ קרקו ובמדינות אשר סביב לקרקו С.-Пб. 1884).

Слишкомъ 20 лѣтъ тому назадъ Общество для распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи получило отъ нѣкоторыхъ лицъ, хорошо знавшихъ автора нынѣ вышедшей, обозначенной въ заголовкѣ книги, Іосифа Іегуды Чернаго, предложеніе оказать ему содѣйствіе въ предпринятомъ имъ путешествіи по Кавказу и Закавказскому краю съ цѣлью познакомиться, какъ съ темнымъ историческимъ прошлымъ, такъ и съ своеобразнымъ общественнымъ, религіознымъ и семейнымъ бытомъ живущихъ тамъ евреевъ. «Общество», признавъ всю пользу такого путешествія съ научною цѣлью и весь интересъ, какой представляютъ собою свѣдѣнія о кавказскихъ евреяхъ, недавно только присоединенныхъ къ Россіи, и ихъ исторія, какъ отрывокъ изъ исторіи 10 колѣнъ Израилевыхъ, судьба которыхъ со времени разрушенія перваго храма и вавилонскаго плѣненія все еще окутана таинимъ мракомъ неизвѣстности, и потомками которыхъ считаютъ себя кавказскіе евреи—признавъ все это въ высшей степени достойнымъ изслѣдованія, „общество“, однако, по ограниченности своихъ средствъ и по несоответствію такого рода предпріятія съ тѣсною сферой своей дѣятельности, опредѣленной уставомъ, не могло тогда оказать нуждавшемуся въ средствахъ путешественнику матеріальной поддержки. Поэтому оно принуждено было ограничиться только врученіемъ І. Я. Черному рекомендабельныхъ писемъ во многимъ высокопоставленнымъ административнымъ лицамъ, чѣмъ оно дѣйствительно оказало путешественнику громадную услугу. Благодаря этимъ рекомендаціямъ отъ „Общества“ ему удалось получить отъ бывшаго тогда намѣстникомъ Кавказа Великаго Князя Михаила Ни-

колаевича, и начальниковъ отдѣльныхъ областей закавказскаго края открыты листы ко всѣмъ мѣстнымъ административнымъ властямъ съ порученіемъ оказывать ему вездѣ всевозможное содѣйствіе, покровительство и защиту. Путешествіе І. Я. Чернаго получило такимъ образомъ офиціозный характеръ, чѣмъ путешественникъ хорошо умѣлъ пользоваться, обращаясь повсюду, куда онъ ни пріѣзжалъ, прежде всего къ мѣстнымъ властямъ, которыя встрѣчали его очень радушно, заботясь объ отведеніи ему удобныхъ квартиръ на счетъ еврейскихъ общинъ, объ облегченіи ему путешествія даровымъ проѣздомъ на казенныхъ или обывательскихъ лошадяхъ, объ охранѣ его личной и имущественной безопасности и т. д. и т. д. Кромѣ того, онъ получилъ также нѣкоторую матеріальную поддержку изъ частныхъ средствъ нѣсколькихъ петербургскихъ евреевъ-богачей.

Снабженный такими средствами, І. Я. Черный объѣзжалъ почти весь Кавказъ и закавказскій край, побывавъ въ нѣкоторыхъ областяхъ и городахъ, напр. въ Кутаисѣ, Дагестанѣ и Эривани даже по два и по три раза.

Пропутешествовавъ такимъ образомъ слишкомъ десять лѣтъ, онъ наконецъ вернулся въ Одессу, имѣя въ виду приняться за приведеніе въ порядокъ множества накопившагося у него чрезвычайно цѣннаго матеріала и изданіе его въ свѣтъ. Но тутъ постигла его смерть. Развившаяся у него на Кавказѣ горловая чахотка черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по пріѣздѣ его въ Одессу свела его въ могилу. Онъ умеръ 16-го апрѣля 1880 г. въ одесской еврейской больницѣ на 45 г. своей жизни.

Послѣ его смерти Общество для распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи получило отъ своего одесскаго отдѣленія увѣдомленіе, что покойный оставилъ объемистое, но еще не обработанное описаніе своего путешествія, много документовъ историческаго характера, снимки надгробныхъ памятниковъ съ надписями на еврейскомъ, татарскомъ и греческомъ языкахъ, генеалогическую таблицу, которая издавна ведется семействомъ князей Багратионовъ, считающихъ себя потомками царя Давида, снимки съ печати послѣдняго съ изображеніемъ различныхъ эмблемъ власти и много другаго цѣннаго историческаго матеріала, и что все это путешественникъ завѣщалъ «Обществу» для изданія въ свѣтъ.

Когда все оставленное І. Я. Чернымъ было переслано въ Петербургъ, то комитетомъ Общества была назначена подъ предсѣдательствомъ д-ра А. Я. Гаркави комиссія для рассмотрѣнія всѣхъ его бумагъ. Выборъ предсѣдателя, что такъ рѣдко случается со всѣми нашими общепольными на-

чинаніями, былъ какъ нельзя болѣе удачнымъ. Чуждый всякаго дилетантизма, нашъ уважаемый ученый, съ отличающею его серьезностью и обстоятельностью въ анализѣ научныхъ данныхъ, подвергъ всѣ рукописи покойнаго путешественника тщательной критикѣ, и приведши ихъ въ порядокъ, насколько это было возможно, раздѣлилъ на три категоріи. Къ первой онъ отнесъ собранныя путешественникомъ письменныя памятники кавказскихъ евреевъ, которые почти всѣ относятся лишь къ послѣднимъ тремъ столѣтіямъ, за исключеніемъ трехъ-четырехъ, относящихся, сколько можно предполагать, къ болѣе ранней эпохѣ. Во вторую категорію онъ включилъ собранныя покойнымъ устные рассказы туземцевъ объ ихъ прошломъ и описанія покойнымъ своихъ собственныхъ наблюденій надъ ихъ экономическимъ, духовнымъ, нравственнымъ и религіознымъ бытомъ. Къ третьей категоріи, имѣющей спеціально для евреевъ значеніе второстепенное—разныя собранныя І. Я. Чернымъ выписки изъ кавказскихъ газетъ, календарей, сборниковъ, и изъ сочиненій разныхъ путешественниковъ по Кавказу и разныя свѣдѣнія о другихъ племенахъ, населяющихъ Кавказъ, родословныя таблицы нѣсколькихъ княжескихъ семействъ и проч. въ томъ же родѣ.

Такъ какъ большая часть матеріаловъ, относящихся къ первой категоріи, имѣетъ несомнѣнный интересъ, не смотря на то, что покойный путешественникъ, по вынесенному А. Я. Гаркави убѣжденію: „не былъ научно подготовленъ для своей миссіи“, но замѣнилъ этотъ недостатокъ усердными розысканіями и преданностью своей задачѣ, то „Общество“ рѣшило издать болѣе цѣнную въ историческомъ и этнографическомъ отношеніи часть его трудовъ на свой счетъ, съ тѣмъ, чтобы выручка отъ изданія поступила въ пользу оставленнаго путешественникомъ семейства. Г. Гаркави опять принялъ на себя трудъ привести все въ порядокъ и приготовить къ печати—трудъ немаловажный, если принять во вниманіе, что покойный не успѣлъ обработать литературно почти ничего изъ громадной массы накопленнаго имъ матеріала и оставилъ все въ разрозненныхъ листкахъ, часто безъ связи, съ разными недомолвками и противорѣчіями, — листкахъ, написанныхъ при томъ же на невозможномъ языкѣ: древне-еврейскомъ, перемѣшанномъ съ жаргонными словами и даже цѣлыми жаргонными періодами.

Ища, однакожъ, память автора и притомъ имѣя въ виду что книга представляетъ болѣе практической, научно исторической и правоописательный интересъ, чѣмъ чисто литературный, почтенный ученый, при редакци-

рованіи книгъ, имѣлъ въ виду, главнымъ образомъ, внутреннюю суть ея, игнорировавъ почти совершенно всѣ попадающіяся въ ней неправильности языка и оставивъ даже безъ измѣненія встрѣчающіяся въ ней очень часто слова, выраженія и даже цѣлыя страницы, написанныя на разговорномъ еврейскомъ жаргонѣ.

При оцѣнкѣ этой книги намъ также поэтому приходится игнорировать совершенно ея внѣшнюю литературную сторону и заняться самымъ содержаніемъ ея, имѣя въ виду преимущественно этнографическую часть ея и отсылая интересующихся историческими документами къ самой книгѣ.

У евреевъ всего Закавказья существуетъ преданіе, что они происходятъ отъ 10 колѣнъ Израилевыхъ, уведенныхъ въ плѣнъ царемъ вавилонскимъ Навуходоносоромъ. По распаденіи вавилонскаго царства, они жили нѣкоторое время въ Персіи, откуда вслѣдствіе разныхъ гоненій, переселились на Кавказъ. Волѣе или менѣе обстоятельныхъ свѣдѣній объ ихъ исторической судьбѣ за весь этотъ длинный періодъ, отъ вавилонскаго плѣненія до настоящихъ дней, у нихъ не сохранилось, и на всѣ вопросы путешественника они, почти вездѣ, гдѣ онъ ни былъ, отвѣчали ему, что всѣ письменные историческіе памятники, оставленные имъ ихъ предками издревле, а равно позднѣйшаго времени до покоренія Кавказа Россіей, уничтожены или затеряны при тѣхъ безчисленныхъ несчастіяхъ, жестокихъ гоненіяхъ и преслѣдованіяхъ, которыми они до послѣдняго времени непрерывно подвергались. Тѣ же свѣдѣнія, которыя они дали о себѣ путешественнику, носятъ на себѣ печать недостоверности и даже какъ будто преднамѣренной лжи, хотя довольно наивной. Вотъ напр. одинъ изъ множества приведенныхъ путешественникомъ въ книгѣ письменныхъ отзывовъ еврейскихъ общинъ обязанныхъ имъ городовъ объ ихъ прошломъ; документъ этотъ, подписанный старѣйшими общины г. Тарку (Дагестанской области) гласитъ слѣдующее:

„При Навуходоносорѣ мы были уведены въ плѣнъ въ Вавилонію и жили тамъ долгое время. Когда царь персидскій Артаксерксъ властвовалъ надъ Вавилоніей, то онъ обложилъ насъ данью въ три серебряныхъ селавъ (до 3 р.) въ годъ съ cadaго дома. По смерти его наследники увеличили эту дань, поэтому тѣ, которымъ было тяжело платить, вышли изъ Персіи и поселились въ Тегеранѣ. Въ это время тамъ царствовалъ Баба-Ханъ-Шахъ, который не вынималъ съ насъ больше трехъ р. съ cadaго дома въ годъ, но когда его наследникъ увеличилъ эту дань, то мы вышли изъ Тегерана и поселились въ Гамаданѣ. Гамаданскіе ханы сначала не

требовали съ насъ больше, чѣмъ мы платили раньше въ Тегеранѣ, но когда и они стали требовать больше, то мы вышли изъ Гамадана и поселились въ Ренимѣ. Тамъ Идаять-Ханъ бралъ съ насъ только по три р., но когда и онъ увеличилъ налогъ, мы поселились въ Кубѣ; сначала правители Кубы не требовали больше 3 р. но когда требованія ихъ возросли, мы ушли оттуда и поселились въ Аба-Сова въ горахъ при Дербентѣ и т. д. и т. д.* Такимъ образомъ все въ томъ же родѣ исчисляются еще другіе города, изъ которыхъ они также ушли все изъ-за той же надбавки, свыше трехъ руб. пока не поселились въ Тарку, гдѣ съ нихъ больше денегъ не требуютъ.

Оказывается, такимъ образомъ, что все ихъ прошлое, за почти двухтысячелѣтній періодъ отъ царя Навуходносора до нашихъ дней, заключалось въ трехъ рубляхъ, не больше и не меньше ни на одну копѣйку, какъ будто ихъ предки дали обѣтъ еще у горы Синая—никому и ни въ какой странѣ больше трехъ р. никогда не платить, а иначе переселиться!

Печать такой же достовѣрности и обстоятельности, за немногими исключеніями, носятъ письменные отзвымы всѣхъ общинъ другихъ городовъ, къ которымъ путешественникъ обращался за свѣдѣніями объ ихъ историческомъ прошломъ. Не удивительно поэтому, что нигдѣ дѣло съ такими людьми, столь невѣжественными въ своей исторіи, путешественнику не удалось собрать касательно исторіи кавказскихъ евреевъ почти ничего документальнаго, чтобы пролить на нее новый свѣтъ, тѣмъ болѣе, что онъ самъ, какъ сказано выше, не имѣлъ для этого достаточной научной подготовки,

Но если историческаго матеріала во всей книгѣ такъ мало и все сводится къ догадкамъ и предположеніямъ, которые еще нуждаются въ научномъ подтвержденіи и освѣщеніи другихъ болѣе серьезныхъ историковъ, чѣмъ любитель-путешественникъ, за то книга его богата матеріаломъ этнографическимъ и бытовымъ, интереснымъ тѣмъ болѣе, что евреи Кавказа во многомъ довольно рѣзко отличаются отъ европейскихъ евреевъ бытомъ семейнымъ, общественнымъ, религіознымъ и даже политическимъ, языкомъ, одеждой, воспитаніемъ, занятіями и даже многими чертами характера, словомъ, составляютъ какъ бы особое племя. Рѣзко отличаясь отъ своихъ единовѣрцевъ изъ Европейской Россіи, они не менѣе различествуютъ и между собою, какъ не похожи другъ на друга и ихъ сограждане, всѣ эти грузины, армяне, лезгины, осетины, чеченцы, черкесы, татары и проч. и проч., населяющіе эту чудную гористую страну, которая поражаетъ такимъ необыкновеннымъ разнообразіемъ природы и климата, и въ которой,

кажется, все соединилось для того, чтобы мѣшать сближенію населяющихъ ее разнородныхъ племень между собою. Различныя формы мѣстности, неожиданныя видоизмѣненія почвы, климата и растительности, представляющія то всё удобства для жизни осѣдлой, земледѣльческой, то принуждающія жителя скитаться по горнымъ тропамъ и вести жизнь первобытно-кочевую—все это отразилось на быту и характерѣ живущихъ тамъ отдѣльныхъ племень и разсѣянныхъ между ними евреевъ. Составить, поэтому, общую характеристику послѣднихъ чрезвычайно трудно для читателей разбираемой нами книги, но трудность составить себѣ по описаніямъ какое нибудь общее представленіе еще усугубляется влѣдствіе отсутствія всякой системы при составленіи книги, матеріаль для которой оставленъ авторомъ въ набросанныхъ на лету, разрозненныхъ листкахъ, въ которыхъ перепутаны описанія всего видѣннаго имъ въ землѣ кубанскаго войска, губерніяхъ ставропольской, тифлиской, кутанской, эриванской, елисаветпольской и бакинской, и въ областяхъ дагестанской, терской и кубанской. Впечатлѣнія, имъ вынесенныя оттуда и наблюденія надъ евреями всѣхъ этихъ мѣстъ до того разнообразны и изложеніе его до того страдаетъ отсутствіемъ всякой системы и запутанностью, такъ какъ матеріаль оставленъ имъ въ сыромъ видѣ, что при чтеніи въ головѣ образуется странная путаница. Рѣшительно невозможно составить себѣ объ описываемой мѣстности цѣльное представленіе.

Попробуемъ, однакожь, разобраться въ книгѣ хоть нѣсколько, тѣмъ болѣе, что мѣстами она представляетъ значительный интересъ въ виду тѣхъ своеобразныхъ особенностей, какими отличается описываемый въ ней мало кому изъ насъ вѣдомый отдѣльный еврейскій мірокъ, соединенный теперь, послѣ испытанныхъ имъ разнообразныхъ историческихъ судебъ, подъ однимъ съ нами скипетромъ.

Особенно обстоятельно и подробно останавливается авторъ на бытѣ и особенностяхъ евреевъ, населяющихъ область дагестанскую и губернію кутанскую, относясь съ благоволеніемъ къ первымъ и съ худо скрываемымъ пренебреженіемъ и даже съ нѣкоторою злобою къ послѣднимъ. И дѣйствительно, между тѣми и другими нѣтъ почти ничего общаго ни въ языкѣ, ни въ одеждѣ, ни въ образѣ жизни, ни въ нравственныхъ воззрѣніяхъ. Отличаются они между собою даже въ исполненіи религиозныхъ обрядовъ и самомъ отношеніи къ религіи.

Евреевъ Дагестана и прилежащихъ горъ г. Немировичъ-Данченко въ одной изъ своихъ книжекъ, посвященныхъ ихъ описанію, назвалъ «воинству-

щия Израилемъ», по чрезвычайному ихъ сходству съ воинственными гораными племенами, среди которыхъ ихъ забросила судьба. Такими они представляются и въ описаніи нашего путешественника, Чернаго, со всѣми, порою очень симпатичными, порою отталкивающими чертами характера первобытныхъ племенъ, замкнутыхъ въ своихъ горахъ въ непосредственномъ общеніи съ природой и остающихся внѣ вліянія нравственно совершенствующей, но во многихъ отношеніяхъ и деморализующей современной цивилизаціи. Отличаясь отъ своихъ сосѣдей мусульманъ и христіанъ только языкомъ, который авторъ называетъ древне-персидскимъ, и письмомъ, состоящимъ изъ смѣси ассирійскаго письма съ еврейскимъ, они похожи на нихъ почти во всемъ остальномъ. Всѣ они одѣты по черкесски въ архалуки, на головѣ носятъ высокія бараньи папахи, отъ мала до велика вооружены кинжалами, пистолетами и пашками, которыхъ не снимаютъ, даже ложась спать и во время молитвы въ синагогахъ; этимъ же оружіемъ въ серебрянной эмальированной оправѣ украшены и стѣны ихъ домовъ. Всѣ онѣ также съ малолѣтства приучены къ верховой ѣздѣ, «и еслибы равнины ихъ,—иронически замѣчаетъ въ одномъ мѣстѣ авторъ, не привыкшія къ такой рыцарской обстановкѣ среди трусливыхъ и невзрачныхъ польско-русскихъ евреевъ,—были столь же ловки и свѣдущи въ богословіи, какъ они ловки въ верховой ѣздѣ, то они были бы великими знаменитостями». Впрочемъ, внѣстѣ съ развѣшаннымъ по стѣнамъ ихъ домовъ блестящимъ оружіемъ, тамъ же висятъ для просушки въ изобиліи соленая рыба и баранина, отчего воздухъ въ ихъ низкихъ и грязныхъ жилищахъ пропитанъ отвратительною вонью, невыносимою для заѣзжаго человѣка. Живутъ они въ обществѣ очень невыскаательно, одинаково какъ богатые, такъ и бѣдные, и между первыми и послѣдними вѣтъ никакой разницы въ обиходѣ, не замѣтно того пренебрежительнаго высокомерія съ одной стороны и подобострастія съ другой, той невыносимой смѣси богача и рабскаго угодничества бѣдняка, какими отличаются отношенія между собою евреевъ Россіи и Польши. Богатые охотно помогаютъ бѣднымъ; и вся община неустанно печется о томъ, чтобы никто изъ ея членовъ не впалъ въ безысходную нищету. Впрочемъ, самый родъ ихъ экономической дѣятельности, преимущественно земледѣльческой, исключаетъ возможность быстраго обогащенія однихъ и крайняго обнищанія другихъ. Они воздѣлываютъ на поляхъ, очень рѣдко принадлежащихъ имъ самимъ и большею частію арендуемыхъ у мусульманъ за высокую плату натурой, табакъ и красильное вещество марену для продажи въ Россію, сѣютъ также овощи, воздѣлываютъ виноградъ, и выдѣлы-

вають кожи и сафьянъ. Торговлей же занимаются очень мало, и то только мелочною, больше въ разность.

Будучи бѣдными, они однакожь отличаются радушнымъ гостеприимствомъ, и у нихъ сохранился древній еврейскій обычай обивать ноги страннику, входящему въ ихъ домъ, каковую обязанность исполняютъ женщины.

Женщины, какъ и у всѣхъ восточныхъ народовъ, ведутъ у нихъ чрезвычайно тяжелую жизнь. Онѣ отдѣлены отъ мужчинъ въ особой комнатѣ, не сидятъ съ ними за однимъ столомъ и чужому человѣку показываются очень рѣдко, и то съ закрытымъ фатой лицомъ. Только по вечерамъ ихъ можно видѣть, какъ въ библейскіе времена, отправляющимися, безъ различія состоянія, богатыя какъ и бѣдныя, босикомъ съ кувшинами на головахъ къ городскимъ колодцамъ за водою. Для нихъ, впрочемъ, это составляетъ нѣкоторое развлеченіе. Замкнутыя цѣлый день дома, гдѣ онѣ занимаются хозяйствомъ и шитьемъ на все семейство, (такъ какъ у нихъ нѣтъ портныхъ, и богатымъ, какъ бѣднымъ, шьютъ всю одежду ихъ жены) онѣ у колодца устраиваютъ нѣчто въ родѣ клуба, гдѣ другъ передъ дружкой отводятъ душу и удовлетворяютъ врожденной каждой женщинѣ наклонности къ болтовнѣ, пересудамъ и сплетнямъ. Кромя этого онѣ охотно предаются еще другому роду удовольствія, который европейскимъ дамамъ незнакомъ, или же который послѣднія себѣ позволяютъ только съ глазу на глазъ со своими мужьями при маленькихъ домашнихъ стычкахъ. Дѣло въ томъ, что когда почтеннымъ еврейскимъ дамамъ Кавказа становится уже черезъ чуръ скучно, то онѣ собираются со всего города на лужайкѣ или же на плоской восточной крышѣ какого нибудь дома и обцѣмъ хоромъ начинаютъ горько плакать и неистово голосить по комъ нибудь изъ умершихъ горожанъ—безразлично, умеръ ли онъ годъ или десять лѣтъ тому назадъ, родственникъ ли онъ, знакомый, или совершенно чужой человѣкъ. Дѣлается это по слѣдующей программѣ. Когда всѣ соберутся и разсядутся на полу въ кружокъ, поджавши подъ себя, по восточному, ноги, одна становится среди нихъ на колѣни и начинаетъ, все быстрѣе и учащеннѣе качаясь всѣмъ корпусомъ изъ стороны въ сторону, пѣть какую нибудь заунывную пѣсню; остальные ей подтягиваютъ. Мало по малу, когда грустный тонъ переходитъ въ плачь, встаетъ одна и съ выраженіемъ глубокой скорби на лицѣ ударяетъ себя кулаками въ лицо и грудь и съ громкими рыданіями называетъ ния какого нибудь покойника. Подруги отвѣчаютъ ей громкимъ плачемъ, стараясь перекричать одна другую. Подни-

мается невообразимый крикъ, отчего онѣ все болѣе и болѣе приходятъ въ экстазъ, и съ бѣшенными тѣлодвиженіями начинаютъ кусать себѣ до крови пальцы, рвать себѣ волосы и неистово колотить себя кулаками въ голову и грудь, пока въ совершенномъ изнеможеніи падаютъ одна за другою на полъ. Этимъ удовольствіе кончается, и онѣ, до слѣдующаго раза, раскочуются, «повеселившись» всласть, по домамъ.

Разумѣется, что при той степени высокаго удовольствія, которое доставляетъ имъ плачь, настоящія похороны, когда покойника не надо выдумывать, а онъ передъ глазами—для нихъ праздникъ. Лишь только кто умираетъ—къ нему собирается весь городъ, мужчины и женщины, и плачь доходитъ у всѣхъ до бѣснованія, плачутъ не только въ день похоронъ, но вся община предается плачу, въ домѣ покойника, цѣлую недѣлю сряду, подкрѣпляя свои силы по вечерамъ веселыми пирушками на общій счетъ, въ складчину, также въ честь покойника.

Въ остальномъ похороны мало отличаются отъ похоронъ у европейскихъ евреевъ, за исключеніемъ одного суевѣрнаго обычая, состоящаго въ томъ, что надъ открытымъ гробомъ разламываютъ на мелкіе кусочки серебряную монету и разбрасываютъ ее въ разныя стороны, для удаленія нечистой силы.

Врообще въ суевѣрія, эти жители горъ, окруженные таинственностью причудливой и подавляющей своимъ величіемъ кавказской природы, мало просвѣтленные разумомъ религіи и трезвостью знанія, еще значительно превосходятъ окутанныхъ мракомъ хассидизма, единовѣрныхъ имъ жалкихъ слѣпцовъ, томящихся въ юго-западной полосѣ черты осѣдлости. Передаемъ нѣсколько рисующихъ ихъ суевѣріе эпизодовъ изъ тѣхъ многихъ, которые разбросаны въ книгѣ.

Недалеко отъ деревни *Химвалъ* путешественнику указали на домъ нѣкоего князя Кай Хозро Давидовича Авшалова, у котораго хранится древняя библія, обладающая чудодѣйственной силою. Путешественникъ осмотрѣлъ эту библію, которая оказалась самою обыкновенною печатною и не особенно древнею. Князь держитъ ее завернутою въ шелку въ особомъ ящикѣ, передъ которымъ постоянно горятъ свѣчи. Эта торжественная обстановка привлекаетъ въ его домъ множество евреевъ и даже христіанъ, которые платятъ ему за одно только позволеніе взглянуть на святыню. Про эту библію въ народѣ распространены слѣдующія преданія. Разъ одинъ князь сказалъ со смѣхомъ: какъ можетъ эта библія проклятыхъ жидовъ помогать или повредить комунибудь?—Дотронься только до нея,

отвѣтилъ ему ея обладатель,—и ты увидишь! Невѣрующій дотронулся и его рука окаменѣла. Надъ библіей пролетѣлъ разъ пѣтухъ, и онъ сейчасъ же палъ мертвымъ. На домъ ея владѣтеля напали разъ разбойники и унесли ее съ собою, но по дорогѣ у нихъ отнялись ноги, и они должны были возвратить ее. Въ такія и тому подобныя росказни народъ вѣритъ свято, и князь этимъ пользуется.

Еще болѣе суевѣрными рисуется авторъ кутаисскихъ евреевъ. Рассказываетъ онъ между прочимъ, что у одного живущаго между ними литовскаго еврея, Симона Хазанова, околѣла курица, и онъ велѣлъ своему сыну бросить ее въ рѣку. Мальчикъ, полѣнившись пойти туда, бросилъ ее въ дрова противъ синагоги. Жившій противъ синагоги не-еврей нашель ее на слѣдующій день на своихъ дровахъ и перебросилъ на синагогальный дворъ. Когда ее нашли тамъ евреи, то они страшно испугались и подняли крикъ на весь городъ, что христіане сдѣлали этимъ надъ ними колдовство, и побѣжали къ раввинамъ. Равнины послѣ долгаго совѣщанія объявили общій постъ и молитву съ трубными звуками. Когда же литовскій еврей, сынъ котораго надѣлалъ всю эту кутерьму, рассказалъ имъ, въ чемъ дѣло, они долго не хотѣли ему вѣрить — до того сильна въ нихъ вѣра во все сверхъестественное и въ силу колдовства.

Какъ видно изъ этого примѣра, равнины не только не стараются духовнымъ просвѣтленіемъ своей паствы разсѣять мракъ суевѣрія, но еще, напротивъ, сами своимъ примѣромъ увлекаютъ темный народъ, точь въ точь какъ наши цадики въ юго-западной Россіи и въ Галиціи. Авторъ дѣлаетъ въ этомъ отношеніи различіе между раввинами Дагестана и Кутаиса. Первые гораздо ученѣ послѣднихъ, нѣкоторые изъ нихъ даже довольно бѣгло говорятъ на древне-еврейскомъ языкѣ, между тѣмъ какъ послѣдніе—страшные невѣжды, лицеѣры, шарлатаны и корыстолюбцы, что и не удивительно, такъ какъ, по рассказамъ автора, аттестатъ на званіе раввина можетъ получить первый встрѣчный отъ главнаго кутаисскаго раввина за пять руб. Продажею такихъ аттестатовъ, кромѣ этого раввина, занимаются и другіе равнины окружныхъ городовъ. Объ одномъ изъ нихъ авторъ рассказываетъ слѣдующее. Разъ пришелъ къ раввину одинъ еврей и попросилъ аттестатъ. Сторговались въ цѣнѣ, и равнинъ велѣлъ ему придти черезъ нѣсколько дней, когда аттестатъ будетъ написанъ. Между тѣмъ еврей, не знавшій даже основныхъ правилъ рѣзки скота, каковая обязанность соединена тамъ со званіемъ раввина, почувствовалъ угрызеніе совѣсти, и не желая облечь себя въ званіе, на которое онъ, по своимъ

познаніямъ, не имѣлъ права, за аттестатомъ не явился. Тогда раввинъ послать за нимъ, и прочитавъ ему правоученіе о томъ, что разъ заказавши аттестатъ и заставивъ людей потрудиться написать его, не честно не платить за трудъ, получилъ отъ него деньги и вручилъ ему аттестатъ противъ его воли.

Но оставимъ пока Кутансъ, о которомъ еще сдѣлаемъ ниже нѣсколько интересныхъ выписокъ, и вернемся еще разъ къ дагестанскимъ евреямъ, къ судьбѣ которыхъ авторъ своими рассказомъ объ ихъ крайне плачевномъ экономическомъ и гражданскомъ состояніи возбуждаетъ живѣйшее участіе.

Какъ мы говорили уже, они почти всѣ занимаются земледѣліемъ и притомъ не на собственныхъ участкахъ земли, а на арендуемыхъ у своихъ иновѣрныхъ сосѣдей. Тѣмъ не менѣе, не смотря на ихъ производительныя занятія, честный и мирный образъ жизни, отношеніе иновѣрцевъ къ нимъ очень враждебное. Мусульмане часто нападаютъ на дома евреевъ, предають ихъ разграбленію, отводятъ воду отъ ихъ деревень, по ночамъ разрушаютъ ихъ кладбища, разрываютъ могилы и ругаются надъ ихъ мертвыми и проч. и проч. Находясь еще отъ нихъ въ матеріальной зависимости по найму земель, евреи у нихъ въ полномъ экономическомъ рабствѣ. Они отягчены страшными, чрезмѣрными поборами, превосходящими всякое представленіе. Не знаемъ, улучшилось ли ихъ положеніе хоть нѣсколько съ того времени, къ которому относятся почти невѣроятные рассказы объ ихъ адской жизни І. Я. Чернаго, но то, что онъ изображаетъ, какъ очевидецъ, далеко превосходитъ мрачностью колорита даже картины Бичеръ-Стоу о жизни невольниковъ негровъ въ Америкѣ, обратившія на себя вниманіе всего цивилизованнаго міра и значительно способствовавшія освобожденію этихъ несчастныхъ чернокожихъ.

Вотъ безыскусственный рассказъ автора о посѣщеніи имъ одной изъ деревень Дагестана, населенныхъ евреями.

«8-го августа я прибылъ въ деревню Руколь и спросилъ сопровождавшаго меня раввина Нисима: гдѣ же самая деревня и гдѣ дома?»

— Тутъ, въ ямахъ, подъ землей, живутъ евреи, отвѣтилъ онъ мнѣ спокойно, какъ человѣкъ, говорящій о чемъ-то очень обыкновенномъ.

«Мы сошли съ лошадей, нукеръ (проводникъ) привязалъ ихъ къ дереву и мы спустились въ одну изъ этихъ ямъ, казавшуюся больше остальныхъ, возвышаясь на аршинъ надъ уровнемъ земли. Ее покрывала крыша изъ переплетенныхъ вѣтвей, обмазанныхъ смѣсью изъ глины, земли и щебня. Ма-

ленькое окошечко безъ стекла скупю пропускало солнечный свѣтъ. Стѣны темной землянки были обмазаны глиной, а на полу валялась плохая циновка, роскошь, которою эта землянка отличалась отъ другихъ. Больше въ землянкѣ ничего не было».

Не нашедши въ землянкѣ никого, такъ какъ все населеніе деревни, кромѣ старцевъ и увѣчныхъ, отправилось на работу на поля, принадлежащія владѣльцамъ деревни, мусульманскимъ бекамъ, путешественникъ также отправился къ послѣднимъ въ верхнюю часть деревни, гдѣ отдѣльно отъ евреевъ живеть мусульманское населеніе. Когда онъ представилъ бекамъ рекомендательное письмо отъ дербентскаго губернатора, они приняли его привѣтливо и пригласили остановиться въ ихъ домѣ. Онъ уклонился отъ ихъ гостеприимства отвѣтомъ, что уже заѣхалъ къ одному еврею изъ деревни и что не въ обычаѣхъ страны переѣзжать отъ одного къ другому. Тогда беки предложили ему взять хоть отъ нихъ свѣчи, такъ какъ евреи, по бѣдности, не освѣщаютъ ночью своихъ землянокъ. Послѣднее онъ принялъ, хотя, прибавляетъ онъ, «я очень хорошо зналъ, что за стоимость свѣчей они потомъ взыщутъ вдесятеро съ евреевъ».

По просьбѣ его, беки освободили всѣхъ евреевъ отъ работы, дабы они могли дать ему нужныя свѣдѣнія о своемъ положеніи.

«Вечеромъ, рассказываетъ онъ дальше, стали собираться ко мнѣ одинъ за другимъ евреи. Каждый изъ нихъ при входѣ палъ мнѣ въ ноги, поцѣловалъ мой башмакъ и разразился плачемъ. «Зачѣмъ вы плачете, спросилъ я ихъ черезъ переводчика, и зачѣмъ вы цѣлуете мои башмаки»? Они отвѣтили только глубокими вздохами, изъ чего я могъ только заключить объ ихъ крайней заботѣ и удрученномъ положеніи. Когда всѣ собрались и мы вмѣстѣ помолились, я вдругъ услышалъ съ улицы душу раздирающіе крики. Я поспѣшилъ выйти и глазамъ моимъ представилось слѣдующее возмутительное зрѣлище. Два нукера (дворовые люди бековъ), пришедшіе съ верхней деревни, жестоко били двухъ евреекъ, вырывая у нихъ куски дровъ, которыя онѣ принесли съ собою съ работы. Когда мнѣ объяснили въ чемъ дѣло, я послалъ двоихъ изъ провожавшей меня стражи за нукерами. На мой вопросъ, зачѣмъ они пришли и за что они бьютъ женщинъ, они отвѣтили, что по приказу бековъ пришли объявить всѣмъ евреямъ, на какую имъ завтра отправиться работу, а евреекъ били за то, что они безъ позволенія взяли щепы. Я велѣлъ имъ сію же минуту отправиться во свояси, чтобы болѣе не мѣшать мнѣ, и опять спустился въ землянку. Послѣ вечерней молитвы, когда зажгли свѣчи, всѣ усыпались

на полу, и я хотѣлъ уже приступить къ приведенному меня сюда дѣлу, какъ вдругъ въ землянку ворвалась съ неистовымъ плачемъ женщина, грохнулась предо мною на землю и стала цѣловать мнѣ ноги. Я поднялъ ее съ земли и спросилъ ее черезъ переводчика, почему она такъ убивается. Судорожно вслипывая, она рассказала мнѣ слѣдующее: «Вчера пришелъ ко мнѣ одинъ изъ нукеровъ бека и потребовалъ отъ меня для него птицъ и яицъ. Когда я показала ему, что въ нашемъ домѣ нѣтъ не только птицъ или яицъ, но даже хлѣба, онъ яростно сталъ бить меня своею палкой по головѣ и всему тѣлу до тѣхъ поръ, пока не переломилъ мнѣ руку. Когда мой мужъ отправился съ жалобой на него къ беку, бекъ только расстѣялся и велѣлъ его прогнать, а нукера оставилъ безнаказаннымъ».

— Чѣмъ же я могу тебѣ помочь, спросилъ я ее, глубоко тронутый ея рассказомъ, — я могу, развѣ, послать тебя въ Дербентъ и дать тебѣ письмо къ городскому врачу, чтобы онъ тебя принялъ въ больницу, или же принести за тебя жалобу губернатору.

— Нѣтъ, испуганно отвѣтила она, — сохрани меня Богъ отправиться въ Дербентъ, ибо, когда я приѣду назадъ, то беки подвергнутъ за это меня и всѣхъ членовъ моего семейства еще горшимъ мученіямъ, какъ этому бывали неоднократно примѣры.

«Я долженъ былъ отпустить эту женщину, не будучи въ силахъ ничѣмъ помочь ей. Когда она ушла, всѣ собравшіеся подтвердили мнѣ, что они дѣйствительно боятся обращаться съ жалобами къ начальству, чтобы не раздражать бековъ, и въ подкрѣпленіе своихъ словъ указали мнѣ на одного человѣка, котораго бекъ, десять лѣтъ тому назадъ, собственноручно такъ избилъ палкою по шеѣ, что у него на ней образовалась отъ этого громадная опухоль въ видѣ мѣшка, величиною съ арбузъ. Эту опухоль я видѣлъ собственными глазами. Тѣмъ не менѣе, пострадавшій, изъ страха передъ беками, никому на нихъ не пожаловался. Беки это хорошо знаютъ, а потому ихъ своеволію и жестокости вѣтъ границъ.»

Затѣмъ собесѣдники рассказали путешественнику слѣдующее, изложивъ все на бумагѣ, за подписью и печатью всѣхъ членовъ общины:

Документъ, приведенный въ книгѣ путешественника цѣликомъ, между прочимъ гласитъ:

«... Когеновъ и левитовъ между нами вѣтъ, синагога у насъ одна, свитка завѣта у насъ вѣтъ, ибо мы всѣ нищіе и не имѣемъ средствъ не только на приобрѣтеніе чего либо подобнаго, но и на наемъ меламеда для обученія дѣтей, или на приглашеніе раввина и рѣзника. Всѣ мы босы и

• наги и у насъ нѣтъ даже рубашекъ для прикрытія тѣла, ибо все наше время уходитъ на работу только на бековъ и ничего не успѣваемъ сдѣлать для себя. Деревня наша состоитъ изъ тридцати трехъ домовъ и живемъ мы отдѣльно отъ бековъ. Собственныхъ земельныхъ участковъ у насъ нѣтъ. Иногда мы нанимаемся на поденную полевую работу къ мусульманамъ или же нанимаемъ у нихъ участки для посѣва табаку, давая имъ пятую часть урожая. Кромѣ этого и кромѣ обыкновенныхъ податей и налоговъ, которые мы платимъ правительству, мы должны еще исполнять для бековъ каждый годъ слѣдующія повинности.

- 1) 15 дней вся наша деревня обязана жать на поляхъ бековъ хлѣбъ.
- 2) 12 дней мы должны чистить на ихъ поляхъ водопроводныя канавы.
- 3) 3 дня мы обязаны заниматься посѣвомъ на ихъ поляхъ марены.
- 4) 3 дня убирать эту марену.
- 5) 3 дня чинить плетни.
- 6) 3 дня полоть травы.
- 7) 3 дня полоть хлѣбные злаки.
- 8) 3 дня 15 человекъ изъ насъ убираютъ съ полей солому.
- 9) 3 дня строимъ въ лѣсу стойла для ихъ лошадей и рогатаго скота.
- 10) 1 день мы и наши жены чинимъ крыши на ихъ домахъ.
- 11) 1 день жжемъ въ лѣсу уголья для ихъ кузницъ.
- 12) 1 день 30 человекъ изъ насъ строятъ въ лѣсу загороди для дойныхъ коровъ.
- 13) 1 день всѣ мы отправляемся по домамъ мусульманъ для собиранія взимаемой съ нихъ беками дани: десятую часть добываемой ими соли.
- 14) 1 день собираемъ съ нихъ же дань, состоящую изъ десятой части урожая пшеницы, которую тащимъ на себѣ, такъ какъ вьючнаго скота намъ не даютъ.
- 15) 1 день тридцать человекъ изъ насъ вывозятъ на поля изъ скотныхъ дворовъ навозъ.
- 16) 1 день нарѣзываемъ хворостъ и вяжемъ метлы для хозяйства бековъ.
- 17) 3 дня очищаемъ свѣгъ съ крышъ ихъ построекъ.
- 18) 24 дня (два раза въ мѣсяцъ) всѣ мы рубимъ въ лѣсу для нихъ дрова.
- 19) 24 дня (2 раза въ мѣсяцъ) наши жены молотятъ ихъ хлѣбъ.
- 20) 2 раза въ недѣлю наши жены собираютъ навозъ.

21) 1 день въ недѣлю мы чистимъ у нихъ ретирадныя мѣста и по-
мойныя ямы.

22) Каждый день одинъ изъ насъ отправляется по очереди на работу
въ ихъ кузницахъ.

23) Когда они ни потребуютъ, мы должны копать и доставлять имъ
песокъ.

24) Каждый изъ насъ долженъ ежегодно сходить одинъ разъ въ годъ
въ Дербентъ и принести оттуда на себѣ известъ для бѣленія ихъ домовъ
(отъ Дербента до Руколи около 15 верстъ).

25) Часто посылаютъ насъ еще въ Дербентъ отвести туда ихъ му-
ловъ, закупать керосину и по другимъ хозяйственнымъ надобностямъ.

26) Нѣсколько человекъ изъ насъ должны рыть ежегодно ямы въ
лѣсу, въ которыя мы же ссыпаемъ для хранения хлѣбъ въ зернѣ, перетаскивая
его на себѣ съ полей до пятисотъ пудовъ.

27) Въ періодъ дождей мы должны собирать изъ нашихъ печей золу
и покрывать ею крыши ихъ домовъ, чтобы въ нихъ не проникла вода.

28) Каждый домъ долженъ имъ доставлять ежегодно 12 куръ и пѣ-
туховъ и 150 яицъ. Въ случаѣ недоимки ихъ служители забираютъ изъ
дома что попало и жестоко бьютъ всѣхъ въ домѣ.

29) Каждый домъ долженъ имъ доставлять ежегодно по 12 паръ баш-
маковъ.

30) Съ тѣхъ, которые воздѣлываютъ табакъ на арендуемыхъ у му-
сульманъ поляхъ, беки взимаютъ по 20 фунтовъ табаку ежегодно.

31) Съ остальныхъ они взимаютъ стоимость 20 фунтовъ табаку день-
гами.

32) Каждый женатый платитъ имъ по 30 коп. въ годъ, холостые и
дѣти по 15 коп.

33) Съ каждаго дома полагается еще по 2 фунта табаку для ихъ
служителей.

34) Служителямъ, собирающимъ съ насъ поборы, полагается каждый
разъ по 3 к. съ дома въ ихъ пользу.

35) При свадьбахъ у когонибудь изъ бековъ взимается съ каждаго
дома отъ 1 до 2 р.

36) При свадьбахъ у насъ—отецъ жениха платитъ имъ 12 р. и кромѣ
того даетъ одинъ платокъ, одного пѣтуха и десятокъ яицъ».

Вотъ голый перечень всѣхъ повинностей работой, натурой и деньгами,
которыя заброшенные въ глубь Кавказа евреи должны были (съ нѣкото-

рыми маловажными измѣненіями) платитъ бекамъ почти во всѣхъ деревняхъ Дагестана, которыя посѣтилъ путешественникъ всего 18 лѣтъ тому назадъ! Русскіе крестьяне уже нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ были объявлены свободными людьми, но стоны крѣпостныхъ рабовъ-евреевъ, находившихся уже тогда подъ властью Россіи, были заглушаемы высокими сѣвѣжными горами недоступной еще глазъ цивилизованнаго міра страны, куда забросили ихъ, остатки 10 колѣнъ Израилевыхъ, превратности рока. Улучшилась ли съ того времени ихъ тяжелая участь, вышли ли они теперь изъ того состоянія рабства, которое, кажется, превосходило рабство ихъ предковъ у фараоновъ въ Египтѣ—объ этомъ мы, еврей европейской Россіи, ихъ единовѣрцы и соотечественники, имѣемъ очень мало свѣдѣній.

Извѣстія изъ Дагестана достигаютъ до насъ такъ рѣдко, да и писать оттуда тоже, кажется, некому, и кто знаетъ—не своевольничаютъ ли также беки надъ обрабатывающими ихъ землю безответными еврейскими крестьянами и нынѣ, какъ въ недавнее еще время! Во всякомъ случаѣ, намъ кажется, что Общество для распространенія земледѣлія между евреями въ Россіи сдѣлало бы доброе и вполне подходящее къ своей задачѣ дѣло, еслибъ обратило побольше вниманія на этихъ, уже готовыхъ земледѣльцевъ изъ евреевъ, заброшенныхъ такъ далеко отъ своихъ остальныхъ единовѣрцевъ и также, какъ русскіе подданные, имѣющихъ право на нашу заботливость одинаково съ остальными нашими единовѣрцами внутренней Россіи...

Впрочемъ, здѣсь не мѣсто объ этомъ распространяться. Намъ еще остается отиѣтить нѣсколькими штрихами ту разницу между евреями дагестанскими и кутаисскими, о которой мы говорили выше. Кутаисскіе евреи, благодаря громкому процессу, обратившему на себя нѣсколько лѣтъ тому назадъ вниманіе всей Европы, стали тѣмъ самымъ въ болѣе близкія къ намъ отношенія, такъ что описаніе ихъ внутренней жизни, которому путешественникъ посвящалъ почти половину вышедшихъ теперь изъ печати своихъ записокъ, должно представляться намъ еще болѣе интереснымъ.

Мы говорили уже, что онъ относится къ нимъ съ нескрываемихъ презрѣніемъ и даже съ нѣкоторою враждебностью.

Послѣдуемъ за нимъ при его наиболѣе интересныхъ знакомствахъ и встрѣчахъ съ перваго дня его пріѣзда въ губернской городъ. Первымъ дѣломъ, разумеется, знакомятся съ раввиномъ, какъ представителемъ общины, и вотъ его портретъ.

«Раввинъ—старикъ съ длинною сѣдою бородой почти до пояса, но глупость его, кажется, старѣе его самого. Онъ—пламенный фанатикъ до мозга

костей. Европейскихъ евреевъ онъ ненавидитъ всѣми фибрами своей души, точно также какъ и иновѣрцевъ. Разъ, когда я завелъ съ нимъ разговоръ объ открытіи для юношества училищъ, объ образованіи, о преподаваніи языка страны и объ учрежденіи талмудъ-торы, онъ вдругъ вспылилъ, раскричался и объявилъ напрямикъ, что этого никогда не будетъ, что гораздо лучше, чтобы евреи остались хоть дикарями, лишь бы имъ только не учиться. Всѣ его помыслы устремлены только на ѣду, питье и безцѣльную праздность. Онъ также крайне невѣжествененъ въ богословіи, тѣмъ не менѣе во всей области слыветъ чуть ли не гениальнымъ ученымъ».

«Можно ли послѣ этого многого требовать отъ общины, продолжаетъ путешественникъ, исчисливъ еще другія отталкивающія черты этого раввина,—если таковъ ихъ представитель и пастырь! Какъ я вижу, настоящими разрушителями ихъ общины являются именно раввины и хахамы, которые никоимъ образомъ не достойны этого званія. Они не даютъ народу дѣлать ни одного шага впередъ, и Богъ знаетъ, проникнетъ ли туда когда нибудь хоть единый лучъ образованія. Всѣ они, эти ихъ раввины, приверженцы каббалы, вѣрятъ во всевозможныя глупости и вводятъ въ заблужденіе народъ».

Говоря о томъ, что раввины приверженцы каббалы, авторъ однако, отнюдь этимъ не утверждаетъ, что они дѣйствительно что нибудь смыслятъ хотя бы въ каббалѣ. Вотъ въ чемъ эта своеобразная каббалистика у нихъ выражается.

«Разъ, рассказываетъ путешественникъ, описывая свое посѣщеніе Кутанса въ третій разъ,—пришелъ ко мнѣ хахамъ Юсифъ Эмигуловъ (второй раввинъ города) и рассказалъ мнѣ о великомъ чудѣ, которымъ сподобилъ его Господь. Наканунѣ Пурима онъ пришелъ, по своему обыкновенію, въ синагогу къ утренней молитвѣ. Лишь только онъ стѣлъ на мѣсто, онъ увидѣлъ около себя одного, высокаго роста и обѣмистаго тѣлосложенія, почтеннаго и сіявшаго неземною красотой чужестраннаго мужа, который молился громкимъ голосомъ, глубоко проникавшимъ въ сердца слушателей. Полагая, что это вѣрно одинъ изъ наиболѣе уважаемыхъ уполномоченныхъ палестинскихъ евреевъ (послѣдніе часто отряжаютъ туда посланцевъ для сбора пожертвованій) онъ, раввинъ, по окончаніи молитвы, подошелъ къ нему и протянулъ руку, чтобы поздороваться, но какъ велико было его удивленіе, когда загадочный человѣкъ тутъ же передъ его глазами исчезъ, какъ бы сквозь землю провалился. Думая, что онъ, вѣроятно, послѣшивъ скорѣе выйти изъ синагоги по дѣламъ, затерялся незамѣтно въ толпѣ, онъ, рав-

винъ, прождалъ его у себя цѣлый день до предвечерней молитвы, но тотъ не явился. Вечеромъ онъ сталъ разспрашивать о немъ всѣхъ прихожанъ синагоги, но всѣ они, крайне удивленные, единогласно отвѣтили, что такого человѣка никто изъ нихъ никогда въ синагогѣ не видѣлъ. Другой хахамъ, р. Эллиогу, также страшно пораженный такимъ чудомъ, сейчасъ же догадался, что этотъ невидимый для всѣхъ человѣкъ былъ Илья пророкъ, и былъ очень огорченъ, почему и онъ, подобно своему товарищу, не сподобился увидѣть его. На слѣдующій день тотъ же таинственный незнакомецъ явился рабби Иосифу во снѣ и, спросивъ его, почему его сапоги не чищены, вынулъ изъ бышей у него въ рукѣ тряпки сапожную ваку съ двумя щетками и сталъ ему чистить сапоги. Рабби Иосифъ, проникнутый къ нему благоговѣннѣмъ, сталъ просить не дѣлать этого, но призракъ не обращалъ на это вниманія, продолжалъ свое дѣло пока не придалъ его сапогамъ необыкновеннаго блеска.

«Пробудившись, раввинъ Иосифъ рассказалъ о своемъ снѣ раввину Эллиогу и рѣзнику, которые истолковали его въ томъ смыслѣ, что Илья пророкъ пришелъ очистить его отъ грѣховъ большихъ какъ и малыхъ, даже такихъ маленькихъ, мимо которыхъ человѣкъ проходитъ, наступая на нихъ ногой.

Рассказавшій мнѣ объ этомъ р. Иосифъ, видѣвшій Илью пророка днемъ на яву и ночью во снѣ, твердо убѣжденъ въ этомъ и только сожалѣеть о томъ, что не успѣлъ тогда въ синагогѣ пожать Илья пророку руку и поздороваться съ нимъ, а коллега его, второй раввинъ раби Эллиогу, до сихъ поръ скорбитъ, что онъ также не удостоился этого чуда. Всѣ же остальные прихожане свято вѣрятъ, что Илья пророкъ молился вмѣстѣ съ нимъ въ ихъ синагогѣ и очень этимъ гордятся, какъ увѣряетъ путешественникъ.

«Какое попь, такое приходъ», эта народная пословица какъ нельзя болѣе подходитъ къ тѣмъ остаткамъ десяти колѣвъ Израилевыхъ, которые изъ подъ власти своихъ грѣшныхъ царей, въ родѣ Иеровоама бенъ-Навота попали послѣ долгихъ тысячелѣтнихъ мытарствъ и скитаній, подъ ферулу такихъ наставниковъ и руководителей, которымъ Илья пророкъ чиститъ сапоги. Какъ на прямое послѣдствіе ихъ глубокаго суевѣрія, авторъ указываетъ на то, что смертность между ними больше, чѣмъ у другихъ потому, что они никогда не лечатъ своихъ больныхъ, считаютъ лекаря, приготовляема въ аптекѣ, трѣфною нечистою, и въ особенно важныхъ случаяхъ прибѣгаютъ къ колдовству, заклинаніямъ, амулетамъ и проч.; но и это бываетъ очень рѣдко, больше же частью они оставляютъ больного безо всякихъ попеченій и очень радуются его смерти, праздноя

такое, для всѣхъ другихъ людей горестное, событіе веселыми пирами, попойками и проч., такъ какъ по ихъ повѣрью, всякій еврей, какъ бы грѣшнѣе онъ ни былъ, прямо попадаетъ въ рай. Это противорѣчащее взглядамъ другихъ евреевъ, повѣрье они основываютъ на слѣдующемъ преданіи. Когда Богъ заключилъ завѣтъ съ Авраамомъ между половинами тельца, онъ показалъ ему всѣ будущіе вѣка, всѣ страны и народы, а также рай и адъ и сказалъ ему: «смотри, потомки твои будутъ грѣшить и переступать Мои заповѣди, выбери же теперь для нихъ наказаніе: разсѣять ли Мнѣ ихъ между всѣми этими народами и по всѣмъ этимъ странамъ, или ввергать каждаго изъ нихъ послѣ смерти въ этотъ адъ». Авраамъ, увидѣвъ страшныя мученія ада, взмолился къ Богу, чтобы Онъ разсѣялъ лучше евреевъ по всей землѣ и между всѣми народами. Богъ заключилъ съ нимъ о томъ завѣтъ, а потому всѣ евреи, безъ исключенія, имѣя теперь адъ на землѣ, попадаютъ за то послѣ смерти прямо въ рай, на небѣ.

Смотря на смерть, какъ на переходъ къ лучшему и оставляя поэтому безъ ухода своихъ больныхъ, кутаисцы, разумѣется, не имѣютъ даже понятія о тѣхъ благотворительныхъ учрежденіяхъ, какъ больницы и богадѣльни, которыя русскіе евреи, съ такою похвальною рачительностью, спѣшатъ открывать во всякомъ, даже самомъ незначительномъ городкѣ своей черты осѣдлости. Безучастіе къ бѣднымъ доходитъ у нихъ до жестокости. Разъ, рассказываетъ путешественникъ, одинъ бѣдный еврей, пришедшій въ Кутаисъ за милостыней, тяжко заболѣлъ. Не найдя пріюта, онъ отправился въ синагогу и легъ тамъ на порогѣ. Такъ онъ лежалъ тамъ нѣсколько сутокъ. Ежедневно по три раза, собираясь на утреннюю, полуденную и вечернюю молитву, всѣ евреи переходили черезъ него, но никто не обратилъ на него ни малѣйшаго вниманія. Наконецъ бѣднякъ въ страшныхъ мученіяхъ испустилъ духъ на томъ же порогѣ. Тогда только они убрали его трупъ...

Въ другой разъ одинъ изъ русскихъ евреевъ, переселившійся въ Палестину, пріѣхалъ къ нимъ въ деревню Кулашъ (не далеко отъ Кутаиса) за сборомъ пожертвованій на Іерусалимъ. Онъ упалъ съ лошади и сломалъ себѣ ногу. Доползши до синагогальнаго двора, онъ остался тамъ лежать и никто не подошелъ къ нему, никто не счелъ нужнымъ даже взглянуть на него. Долго бы онъ лежалъ такъ, еслибъ одинъ изъ мѣстныхъ князей, услышавъ объ этомъ, не взялъ его къ себѣ домой. Онъ отвелъ ему комнату и ухаживалъ за нимъ до его выздоровленія...

«Посѣщеніе больныхъ», эта—одна изъ самихъ святыхъ для евреевъ заповѣдей, и «спасеніе погибающихъ» не значатся въ вѣроученіи людей Грузіи», заключаетъ съ грустью авторъ, рассказавъ о нѣсколькихъ другихъ подобныхъ же фактахъ.

Столь же невыгодно отличаются эти «люди Грузіи» отъ своихъ ближайшихъ сосѣдей, людей Дагестана, и въ отношеніяхъ между богатыми и бѣдными, въ дѣлѣ оказанія помощи ближнему и въ гостепріимствѣ. Богачи скарены, грубо высомѣрны и стремятся начальствовать надъ всею общиной, вѣчно воюя между собою за первенство. Бѣдные предоставлены собственной судьбѣ. Вотъ какими чертами рисуетъ авторъ, въ главѣ о евреяхъ мѣстечка Цхинваль, ихъ благотворительность.

«Три раза въ день ходятъ они молиться. Одно лишь богомоленіе сятяютъ они святымъ. Другихъ добрыхъ дѣлъ я у нихъ не замѣтилъ. Милостыню даютъ они съ крайнею неохотой. Когда требуется что нибудь пожертвовать на какую нибудь нужду, между ними начинается ссора, споръ и брань. Ссорятся они между собою вѣчно, даже безъ всякихъ поводовъ, какъ будто они всё исполняютъ данный ими обѣтъ—вѣчно между собою грызться. Въ этомъ они во всѣхъ областяхъ и городахъ другъ на друга похожи, какъ будто одна мать родила ихъ».

«У евреевъ Грузіи и Иметрин и губернскаго города Кутанса въ особенности, говоритъ авторъ, ложь какъ будто превратилась во вторую натуру. Что они ни говорятъ, ничему нельзя вѣрить, да и льстецы они къ тому же. Они любятъ пообѣщать золотыя горы, предлагаютъ вамъ чуть ли не солнц и луну, но когда приходитъ время сдержать слово, вы никого изъ нихъ не застанете дома, каждый, въ минуту увлеченія страстью ко лжи, пообѣщавъ что либо другому, старается избѣгать съ нимъ встрѣчи, и завидя его на улицѣ скрывается. Эта привычка всѣхъ и каждого, бѣдныхъ какъ богатыхъ, старыхъ и молодыхъ, никогда не говорить ни слова правды, до того вкоренилась въ нихъ, что не возможно имѣть съ ними ни какого дѣла и особенно тяжело положеніе между ними человека пріѣзжаго, не знающаго еще о такой похвальной чертѣ ихъ характера. Всѣ они, говоритъ дальше авторъ, хитры какъ змѣи, и необходимы и грубы, какъ дикари. Единственную ихъ добродѣтель, что они отправляются три раза въ день въ синагогу на общую молитву, даже и ту едва ли можно приписать истинному благочестію, а единственно только привычкѣ, такъ какъ, едва только ребенокъ начинаетъ ходить, родители берутъ его уже съ собою въ синагогу. Рѣдкіе же у нихъ случаи благотворительности также слѣ-

дуетъ приписать не искреннему желанію помочь ближнему, а тщеславію и желанію шеголять передъ тѣми, которые ничего не въ состояніи давать»..

Описывая ихъ религіозные обычаи, авторъ утверждаетъ, что они обращаютъ очень мало вниманія на правила объ отдѣленіи молочной посуды отъ мясной. Между разными ихъ обычаями, чуждыми европейскимъ евреямъ, онъ упоминаетъ объ одномъ очень странномъ и очень грубомъ, состоящемъ въ томъ, что во вторую ночь пасхи они высылаютъ за дверь одного юношу, который, постоявъ тамъ нѣкоторое время, начинаетъ стучаться.

— Кто ты? спрашиваютъ его.

— Еврей! отвѣчаетъ онъ.

— Чѣмъ ты это докажешь?

— На мнѣ нити видѣнія! (Цицисъ).

— Этого мало; чѣмъ ты еще докажешь?

Юноша отвѣчаетъ, что у него пейсы, что у него голова бритая (они тамъ всѣ брѣютъ голову) и проч. тому под. Когда же онъ наконецъ говоритъ, что надъ нимъ совершенъ обрядъ обрѣзанія, они велютъ ему зайти и доказать это. Юноша входитъ и исполняетъ сказанное при всеобщемъ громкомъ хохотѣ всѣхъ женщинъ и мужчинъ. Этотъ пошлый циничный обычай повторяется у нихъ изъ года въ годъ и каждый разъ вызываетъ тотъ же общій веселый хохотъ.

Кажется, по всѣмъ приведеннымъ очеркамъ, можно себя представить, каковы вообще эти несчастные въ нравственномъ, умственномъ и религіозномъ отношеніяхъ. Во всей книгѣ собрано объ этомъ очень много интереснаго матеріала. Объ экономическомъ ихъ положеніи авторъ говоритъ мало, ограничиваясь только въ нѣсколькихъ мѣстахъ упоминаемъ, что они преимущественно занимаются торговлей. Есть между ними и богачи, но всѣ они живутъ чрезвычайно грязно, ѣдятъ безвкусно, не знаютъ, что такое вилка, ножъ и ложка и одѣваются въ лохмотья.

Возмущенный до глубины души ихъ скотскою жизнію, путешественникъ во многихъ городахъ силился хоть нѣсколько упорядочить ихъ общинное устройство и для этого издавалъ, покровительствуемый мѣстными административными властями, обязательныя постановленія, поражающія наивностью его вѣры въ силу такихъ бумажныхъ регламентацій. Вотъ, какъ образчикъ, одна изъ этихъ регламентацій, которую онъ сочинилъ для общины въ Сураѣ.

«Кто разговариваетъ въ синагогѣ во время молитвы, платитъ штрафъ 10 к. Кто прокликаетъ другаго платитъ 50 к. Кто ругаетъ другаго пла-

тить 1 руб. За нанесеніе побоевъ взыскивается: отъ богатей 5 руб., отъ людей среднего состоянія 3 р., отъ несостоятельныхъ 2 р. За открытіе своей лавки передъ утренней молитвой 1 р. За несоблюденіе субботы или праздниковъ 3 р. За занятіе торговлей до погребенія жертваго родственника 3 р. За отказъ страннику въ гостепрѣмствѣ на Пасху по жеребію 1 р. Тотъ, кто не будетъ класть филиактерія (тефилинъ при молитвѣ) въ теченіи 4 мѣсяцевъ платитъ 1 р. Кто не носить нитей видѣнія—10 р. и т. д.

Изъ этихъ правилъ, говоритъ авторъ, самъ читатель можетъ себѣ составить понятіе о той низкой ступени нравственнаго умственнаго и религіознаго развитія, на которой они прозябають.

Само собою разумѣется, что всѣ эти правила должны были остаться звукомъ пустымъ. Да и не въ правилахъ нуждались и, по всей вѣроятности, нуждаются не менѣе и теперь, эти дикіе, суевѣрные люди, а въ новой системѣ воспитанія молодежи и въ распространеніи среди нихъ образованія и понятій истинно религіозныхъ. И если для Общества распространенія земледѣлія и ремесель среди евреевъ въ Россіи открыто мирное поле для благотворной дѣятельности въ нынѣ русской провинціи, Дагестанѣ, то для дѣятельности общества распространенія просвѣщенія предстоитъ еще болѣе важная задача среди евреевъ Кутаиса и его окрестностей.

Общество это бѣдно, но не взять ли ему въ этомъ дѣлѣ инициативу и снестись съ Alliance Israelite Universelle? Alliance издерживаетъ ежегодно значительныя суммы на открытіе училищъ для евреевъ всѣхъ странъ свѣта, преимущественно же азіатскихъ, такъ что мы позволимъ себѣ предположеніе, что евреи Кавказа оставались до сихъ поръ внѣ его попеченія потому, что на нихъ вообще мало кто обращалъ пока вниманіе, и ихъ существованіе какъ бы совсѣмъ игнорируется всѣми ихъ единовѣрцами...

Хотя бы только для того, чтобы хоть отчасти загладить предъ ними эту нашу невнимательность, мы желали бы, чтобы книга І. Я. Чернаго нашла себѣ среди русскихъ евреевъ, понимающихъ древне-еврейскій языкъ, самое широкое распространеніе. Многія страницы ея въ высшей степени интересны и поучительны. Хотя она и не выдается своими литературными достоинствами, чего отъ книги, составленной по смерти автора, изъ бѣглыхъ дорожныхъ замітокъ и беспорядочно собранныхъ рукописныхъ отрывковъ, и требовать несправедливо, за то она заключаетъ въ себѣ очень много фактическаго матеріала и живыхъ бытовыхъ очерковъ изъ совершенно незнакомой и чуждойнамъ жизни, а потому чрезвычайно занимательныхъ по своей новизнѣ.

Г.-Б.-Г.

ЕВРЕЙСКІЕ СТУДЕНЧЕСКІЕ КРУЖКИ

ВЪ ВѢНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

(Письмо изъ Вѣны).

Ни въ одной странѣ національныя страсти не развиты такъ сильно какъ въ Австріи, и ни въ одномъ городѣ страсти эти не проявляются такъ рѣзко, какъ въ Вѣнѣ. Составленная изъ исключковъ, населенная самыми разнокалиберными элементами, Австро-Венгрія, въ лицѣ своей первой резиденціи, Вѣны, представляетъ такую смѣсь племенъ, лицъ и состояній, грозно сжимающихъ вулаки другъ противъ друга, какую въ исторіи можно встрѣтить развѣ только въ Вавиловѣ. Нѣмцы, мадьяры, поляки, евреи, хорваты, сербы, чехи, путаются, мѣшаются. Здѣсь рѣдко можно найти двухъ субъектовъ съ одинаковыми идеалами, взглядами и стремленіями; въ обществѣ нѣтъ никакого единства, никакой общности.

Руководители австрійской политики хорошо знаютъ, что объединительный духъ въ Австріи невозможенъ и потому пользуются этимъ грознымъ настроеніемъ національностей въ интересахъ цѣлости габсбургской монархіи. Они подчасъ даже искусственно раздуваютъ пламя разрозненности, чтобы, такимъ образомъ, вѣрнѣе сохранить прочность государственныхъ основъ. Дѣло въ томъ, что австрійское правительство не имѣетъ за собой ни одной націи, которая назвала бы его своимъ, которая бы признала его надъ собою. Русины частію лелѣютъ мысль о независимости Украйны, частію пропагандируютъ духовную связь съ Россіей. Нѣмцы, какъ высказался въ парламентѣ въ началѣ 1883 года извѣстный Deutsch-Liberal и антисемитъ Шенереръ, признаютъ своимъ императоромъ Вильгельма, главою своего правительства Бисмарка. Волненіе хорватовъ побуждаетъ правительство прибѣгать къ

чрезвычайнымъ мѣрамъ; стремленія поляковъ слишкомъ хорошо выяснены, чтобъ опять говорить о нихъ. Каково-же было-бы положеніе австрійскаго правительства, если-бы всѣ эти національности, одушевленные одною идеею національной независимости, были между собою дружны, дѣйствовали одновременно, каждая въ пользу своихъ интересовъ? Результатъ не подлежалъ-бы сомнѣнію, и вотъ правительство, отлично понимая, что національныя вспышки неизбежны, стремится къ тому, чтобъ поселить между націями непріязнь, не допускать возможности одновременности общей вспышки и умирять страсти одной націи непріязнью къ ней другой. Такъ она нѣмцевъ науськиваетъ противъ славянъ, такъ она румыновъ возстановляла противъ мадьяръ, поляковъ противъ русиновъ, сербовъ противъ хорватовъ и т. д. И такъ какъ это науськиванье, сначала искусственное, настолько долговременно, что успѣло внѣдрить непріязнь націй въ кровь и плоть ихъ, то теперь потребовалось-бы слишкомъ много усилій, чтобы ее уничтожить.

Учащаяся молодежь всегда носила и носитъ на себѣ отпечатокъ общаго народнаго характера. Въ эпоху французскихъ революцій студенчество занималось политическими событіями; итальянская молодежь, если можно такъ выразиться, идеально стремительна, нѣмецкая, напротивъ, практически-усидчива... Такую аналогію между настроеніемъ всего народа и его молодаго поколѣнія мы находимъ и въ Австріи.

Вѣнское студенчество раздѣлено на кружки, устроенные на національныхъ началахъ, Товарищество «Сіг», Академическій «спелекъ», общество «Буковина», дружество, «Зора» и т. д.—все это студенческіе кружки различныхъ славянскихъ національностей. Кружки эти, по большей части, живутъ въ сравнительно мирныхъ отношеніяхъ между собою и составляютъ нѣчто въ родѣ оппозиціи «нѣмецинѣ», цѣлому ряду корпорацій и Burschenschaft'овъ нѣмецкихъ студентовъ. Кромѣ итальянскаго, румынскаго и другихъ также враждебныхъ нѣмцамъ кружковъ, существуютъ такъ называемые «Corps Studentenschaften», пропагандирующія не національную, а государственно-австрійскую тенденцію. Такихъ кружковъ очень мало и число членовъ въ каждомъ изъ нихъ, разумѣется, не очень значительно. Когда эти кружки сталкиваются при какомъ-нибудь общемъ предпріятіи, то вражда до-

ходить до *pes plus ultra*. Существуетъ, напр., при вѣнскомъ университетѣ общество для вспомошествованія нуждающимся учащимся, въ которомъ ежегодно происходятъ выборы кассировъ. Кажется, дѣло неважное, а сколько при этомъ бываетъ интригъ и подвоховъ! Каждый кружокъ стремится провести «своихъ», преслѣдуетъ свои цѣли въ ущербъ общимъ интересамъ. А развѣ во всей габсбургской монархіи не тоже происходитъ? Развѣ не тоже происходитъ въ австрійскомъ парламентѣ, гдѣ правую составляютъ чехи, центръ румыны и поляки, а лѣвую нѣмцы? Всѣ эти партіи борются не въ силу своихъ прогрессивныхъ и консервативныхъ идеаловъ, а въ силу національной неприязни.

Переходимъ однако къ обзору еврейскаго студенчества. Среди той національной розни, въ которой живутъ вѣнскіе студенты, евреи не занимали отдѣльнаго мѣста до конца 70-хъ годовъ. Ассимилируясь въ сильной степени съ тѣми націями, между которыми они выросли и мужали, еврейскіе юноши являлись то поляками, то нѣмцами, то хорватами, смотря по мѣсту своего рожденія. Нужно отдать справедливость и христіанской студенческой молодежи: она искренно считала евреевъ своими родными братьями и съ радостью открывала имъ свои объятія. Евреи, не зная своей національной обособленности, примыкали къ своимъ землякамъ, участвовали въ ихъ борьбѣ, увлекались, отдавались всѣмъ случайностямъ невзгодъ и нерѣдко жертвовали даже своей жизнью въ эпоху возстаній венгерцевъ и южныхъ славянъ...

Но вотъ какимъ-то чудовищнымъ, злымъ гениемъ началъ распространяться духъ антисемитизма. Явились лица, возбуждавшія изъ своекорыстныхъ цѣлей молодежь, появились антисемитическія газеты, брошюры... На горизонтѣ показались толпы лишенныхъ крова страдальцевъ, страшнымъ призракѣмъ возстали лица оскорбленныхъ и обезчещенныхъ, раздавались крики и мольбы отчаянія съ одной стороны, крики озлобленія съ другой... Передъ евреями вдругъ открылись картины безысходнаго униженія и позора... И вотъ заработала мысль. Черная кошка пробѣжала между молодежью. Нѣмцы и славяне перестали смотрѣть на евреевъ, какъ на своихъ компатріотовъ, евреи почувствовали на себѣ тяжесть взводимыхъ обвиненій и начали холодно относиться къ бывшимъ своимъ друзьямъ. Между тѣмъ антисемитизмъ разрастался

все шире и глубже. Нѣмецкіе бурши вспомнили средневѣковыя времена, и крики: «гепъ-гепъ» чаще стали вырываться изъ устъ потомковъ феодаловъ-рыцарей. Особенно заразились юдофобіей нѣмцы. Нѣкоторыя нѣмецкія корпораціи сдѣлали антисемитизмъ своимъ девизомъ. Стали встрѣчаться, напр., такіе, прежде совершенно невозможные, случаи: въ зданіи университета бурши, по какомунибудь ничтожному поводу, «во имя принципа» колотили своихъ товарищей-евреевъ. Дерзость антисемитовъ-студентовъ простиралась еще дальше.

Въ началѣ 1883 г. въ Вѣнѣ судили трехъ студентовъ по обвиненію въ оскорбленіи еврея-чиновника. Въ Bier-Halle за однимъ столомъ пили пиво студенты, за другимъ — чиновникъ. Между студентами, порядкомъ подвыпившими, шелъ разговоръ о евреяхъ, отгускались «вицы», направленные противъ семитовъ; шутки эти нашли себѣ сочувствіе въ окружающей хохотавшей публикѣ. Дѣло пошло дальше, и бурши задѣли чиновника; послѣдній отвѣтилъ рѣзко и пригрозился отомстить бунямъ. Тогда разгоряченные бурши начинаютъ, къ восторгу публики, требовать отъ чиновника чтобъ онъ прыгалъ черезъ палку, угрожая въ противномъ случаѣ исколотить его, что и сдѣлали, когда онъ отказался исполнить ихъ дикое требованіе.

Подобные факты стали повторяться все чаще и чаще, и студенты-антисемиты, имѣя во главѣ депутата Шенерера, образовали стройную организацію, и крики: гепъ-гепъ! долой жидовъ! вырвались уже одновременно изъ цѣлыхъ сотенъ устъ.

Антисемитизмъ буршей нашелъ себѣ сочувствіе въ средѣ нѣкоторыхъ профессоровъ, тоже бывшихъ буршей. Такъ напр. проф. Вильротъ въ своемъ сочиненіи «Lehren und Lernen der medicinischen Wissenschaften» публично объявляетъ весь еврейскій народъ цѣлкомъ бездарнымъ *. Все это въ впечатлительныхъ, склонныхъ одинаково ко враждѣ и любви юношескихъ сердцахъ должно было непремѣнно оставить зародышъ, неудовольствія, которое впоследствии должно было превратиться въ горькое сознаніе необходимости постоять за себя. Явилось понятіе о солидарности всѣхъ

* Не смотря на то, что при его клиникѣ первымъ ассистентомъ состоитъ еврей д-ръ Вельфлеръ (о нь-же женихъ его дочери), а консультантомъ — другой еврей, д-ръ Френкель.

евреевъ-студентовъ между собою. Отношенія между еврейскими юношами тогда совершенно измѣнились. Прежде евреи хорваты и т. д. искренно считали себя врагами евреевъ-венгерцевъ, теперь же они мало-по-малу стали протягивать другъ другу руку примиренія, стали изолироваться, выдѣляться изъ различныхъ національныхъ группъ, образуя собою обособленный кружокъ. Общія еврейскія движенія начали принимать опредѣленную форму. Американская эмиграція, съ которой вѣнцы были очень мало знакомы, eo ipso нашла себѣ приверженцевъ, и вотъ евреи раздѣлились на двѣ группы: «Палестинцевъ» и «людей». Последнимъ прозвищемъ отжѣчались тѣ, которые, не отказываясь совершенно отъ «еврейской» тенденціи, признавали въ тоже время принципы «человѣчества». Юные мечтатели стали вѣрить въ мысль о возрожденіи еврейской Палестины въ смыслѣ государства, другіе, не питая такихъ широкихъ замысловъ, признавали палестинскую колонизацію хорошей мѣрой для развитія земледѣлія среди евреевъ. Какъ-бы то ни было, идея палестинской колонизаціи получила право гражданства въ умахъ вѣнской еврейской молодежи и слѣдствіемъ этого явился объединенный студенческій кружокъ «Kadimah», проповѣдующій палестинское движеніе. Такимъ образомъ группа тѣхъ самихъ студентовъ-евреевъ, которые еще такъ недавно были славянами, нѣмцами или мадьярами, теперь громко провозгласила себя евреями по національности.

Узколобые націоналисты Kadima'йцы объявили ренегатами всѣхъ тѣхъ студентовъ, которые не пристали къ нимъ, и потому ими былъ возбужденъ раздоръ въ средѣ еврейскаго студенчества. Встрѣченные враждебно нѣмецкими и славянскими студентами, и находясь въ непріязненныхъ отношеніяхъ, къ еврейскимъ «людямъ», палестинцы—Kadimah'йцы оказались совершенно одинокими. Скоро они показали себя неспособными къ серьезному дѣлу. Честолюбивые споры изъ-за предсѣдательства въ совѣщаніяхъ и изъ-за разныхъ комитетскихъ должностей, интриги и сплетни сопровождали первые шаги юнато общества. Мелкія дрязги отжѣснили на задній планъ основную идею общества. Въ итогѣ всѣ эти студенты, палестинскіе колонизаторы, оказались лишь способными устраивать танцевальныя вечера и попойки, на которыхъ время отъ времени произносились, правда, громкія рѣчи, сопровождае-

мыя аплодисментами полуньянныхъ уже студентовъ, и пѣлась вновь созданные національные гимны... Дальше этого дѣло не шло.

Между тѣмъ «люди», не составляя никакой организованной корпорации, изучали исторію евреевъ, старались въ своихъ мысляхъ связывать отношенія между бѣдственнымъ положеніемъ евреевъ и бытомъ кореннаго населенія, отыскивать общія и частныя причины еврейскихъ невгодъ. Съ свойственнымъ молодости рвеніемъ они старались отыскивать ту цѣлительную воду, которая-бы благотворнымъ образомъ дѣйствовала на горести всѣхъ страдалцевъ вообще и евреевъ въ частности. Мысль этихъ юношей работала, умственные силы обогащались познаніями, нравственной любовью къ людямъ вообще и къ своему народу въ частности. Прошло не болѣе полугода существованія Kadimah'йцевъ, а «люди» одними своими обобщеніями сдѣлали уже больше, чѣмъ всѣ палестинцы своими пѣснями и рѣчами. Понятно, что явнымъ слѣдствіемъ у однихъ—были ясныя стремленія, направленные на борьбу со всѣмъ тѣмъ, что носить названіе горя и бѣдствія; у другихъ-же,—какіе то смутные, туманные миражи палестинскаго возрожденія. Что-же должно получиться въ итогъ, когда эти юноши встрѣтятся лицомъ къ лицу съ жизнью? Одни, съ ясно опредѣлившимися понятіями, примѣняютъ свою теорію на практикѣ; другіе-же скоро убѣдятся, что ѣхать въ Палестину не то, что говорить рѣчи или пѣть пѣсни, и если они не въ состояніи будутъ переработать все свое міросозерпаніе, то, побившись какъ рыба объ ледъ, опустятъ безнадежно руки и применуть къ тому легиону карманонабивателей, которыхъ такъ много и безъ нихъ. «Люди», отрицающіе всякую узкую односторонность, не отрицали вмѣстѣ съ тѣмъ пользы еврейской колонизаціи, полагая, что съ одной стороны физическій трудъ облагородитъ моральную сторону еврейской жизни, а съ другой—улучшитъ ихъ матеріальное состояніе. Не будетъ ничего удивительнаго, если юноша, воспитанный на основахъ челоуѣчности, — не въ силу національной узколобоности, а въ силу стремленія помочь людямъ въ нуждѣ — современемъ окажется полезнѣе для своихъ единовѣрцевъ, чѣмъ всѣ узконаціональные патриоты.

Оставался, какъ выше сказано, еще третій видъ еврейскихъ студентовъ. Это тѣ, которые называютъ себя поляками Мойсеева

исповѣданія, венгерцами и т. д. Эти люди, скрывающіе, по возможности, свою національность, тамъ, гдѣ это дѣлается невозможнымъ, объявляютъ себя принадлежащими къ той или другой (только не еврейской) національности, говоря, что они лишь евреи по религіи. По большей части эти господа такъ-же односторонни, какъ и Kadimah'ицы, только въ другую сторону, и потому антагонизмъ между этими двумя группами проявляется чрезвычайно рѣзко. Однако между этою послѣднею группою, въ массѣ мелочныхъ, своекорыстныхъ умишекъ, попадаются люди, болѣе или менѣе симпатичные: это тѣ, которые, будучи воспитаны вдали отъ еврейской массы, незнакомые ни съ еврейскою жизнью, ни съ языкомъ, не чувствуютъ себя въ силахъ выступить на борьбу съ общечеловѣческими страданіями, посвящаютъ себя служенію той націи, среди которой они родились. Такіе люди, признающіе себя въ душѣ хорватами или поляками, не постѣсняются сказать при случаѣ, что по происхожденію они евреи. Однако между вѣнскими студентами такихъ очень мало.

Какъ бы грязнымъ осадкомъ отъ всѣхъ этихъ группъ являются тѣ студенты евреи, которые открыто примыкаютъ къ антисемитическимъ кружкамъ буршей. Низменные цѣли этихъ господъ такъ наглядны и несложны, что ихъ можно установить въ нѣсколькихъ словахъ: эти господа надѣются своимъ ренегатствомъ примазаться къ какому-нибудь милліонеру въ родѣ Шенсрера, или же попасть въ такъ называемый «свѣтъ».

Въ заключеніе можно добавить, что господа палестинцы являются обыкновенно очень ловкими фразерами. До какой степени они любятъ фразы и избѣгаютъ дѣла, можно судить между прочимъ и потому, что эти господа не въ состояніи поддержать тѣ очень немногія газеты, которыя проповѣдуютъ ихъ излюбленную идею. Неудивительно: газетамъ нужно давать деньги, а гг. палестинцы щедры только на напыщенные и цвѣтистыя фразы.

Въ такомъ видѣ является въ настоящее время вѣнское еврейское студенчество, и можно смѣло сказать, что антагонизмъ въ его средѣ вызванъ исключительно односторонностью палестинцевъ.

Л. А. Даулевъ.

Открыта подписка на 1885 г.

на иллюстрированный журналъ литературы, поэтики и современной жизни.

„НИВА“

«НИВА» выходитъ еженедѣльно, т.-е. 52 номера въ годъ (болѣе 2000 гравюръ, рисунковъ и чертежей и 2400 столбцовъ текста) съ особымъ даровымъ ежемѣсячнымъ приложеніемъ

„ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“.

(до 500 модныхъ гравюръ и рисунковъ обѣя, 400 выкроекъ въ натуральную величину, 350 рисунковъ рукодѣльныхъ работъ, русскіе узоры, и пр. и проч.).

И МНОГИМИ ДРУГИМИ ПРЕМІЯМИ

и будетъ издаваться въ 1885-мъ году по той же программѣ, какъ и въ прошедшія пятнадцать лѣтъ.

Подписка приним. въ СПб., въ Конторѣ Редакціи, по Больш. Морской д. №9, Подписная книга за годовое изданіе „НИВЫ“:

Возь дост. въ С.-Петербур. 4 р.

Съ дост. въ С.-Петербур. 5 р. 50 к.

Возь дост. въ Москвѣ черезъ

Отдѣл. Конг. „Нивы“ у Н.

Печковской . . . . . 5 р.

Съ дост. въ Москвѣ и др.

гор. и мѣстеч. Имперіи. 6 р.

За границу . . . . . 8 р.

Неустанно преслѣдуя цѣль улучшенія беллетристической стороны изданія, приглашая для этого талантливейшихъ представителей современной русской литературы, которые всегда украшали и впродъ будутъ украшать страницы «НИВЫ», мы не менѣе того заботимся и о художественной сторонѣ изданія, помѣщая произведенія лишь лучшихъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ и авторовъ.

Здѣсь мы уважаемъ только имена писателей, произведенія которыхъ будутъ помѣщены въ „НИВЫ“ 1885 года:

Графъ Е. А. Саласъ, Я. П. Полонскій, Н. Н. Каравитъ, В. С. Соловьевъ, Д. В. Григоровичъ, Н. Д. Ахшарумовъ, В. И. Немировичъ-Данченко, П. Петровъ, П. П. Глѣбичъ, А. Я. Максимовъ, В. В. Желткова, Н. Морской, Н. Веригинъ (псевдонимъ), Н. Кириловъ, Н. Успенскій и мн. др.

Главное нашей преміи въ 1885 году будетъ большая олеографическая картина, напечатанная масляными красками, точно такого же формата, какъ и въ предыдущіе 1882—1884 гг. подъ названіемъ:

„ВЪНКИ“

Оригиналъ картины, написанной исключительно для «НИВЫ», принадлежитъ кисти знаменитаго художника В. И. Дюбоя, проф. Импер. Акад. Худ. Картина представляетъ сцену изъ русской народной жизни: бросаніе вѣсковъ въ воду въ Троицкіи день. Сцена въ лѣсу. Группа молодыхъ дѣвушекъ въ лѣдѣ, играя, плещется водою и бросаютъ вѣски на воду, загадывая на нихъ. Яркіе костюмы, роскошный пейзажъ, превосходное освѣщеніе,—все эт. выполнено съ совершенствомъ техники.

Оригиналъ картины и копія съ нея будутъ выставлены въ декабрѣ мѣсяцѣ 1884 года въ конторѣ Редакціи „НИВЫ“. Копіи будутъ выставлены также во всѣхъ губернскихъ городахъ Россіи.

С.-Петербургъ.

Издатель «Нивы» А. Ф. Маркъс.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

„КАВКАЗЪ“

на 1885 годъ (сороковой годъ изданія)

Въ 1885 году газета „Кавказъ“ будетъ издаваться подъ новой редакціей и по новой программѣ, выхода ежедневно, не исключая и понедѣльниковъ.

Программа газеты „Кавказъ“.

А. Официальная часть: Указанія и распоряженія правительства и мѣстныхъ властей.

Б. Неофициальная часть:

I.—Передовыя статьи. II.—Телеграммы. 1) Сѣвернаго телеграфнаго агентства. 2) Отъ собственныхъ корреспондентовъ. III.—Тифлисская жизнь.—Городская хроника: Отчеты о дѣятельности городского самоуправленія, ученыхъ, и благотворительныхъ обществъ и т. и. IV.—Кавказская жизнь: Корреспонденціи и сообщенія изъ разныхъ городовъ и мѣстъ Кавказскаго края. V.—Русская жизнь: Корреспонденціи и сообщенія изъ разныхъ городовъ и мѣстъ Имперіи. VI.—Заграничная жизнь: Корреспонденціи и сообщенія изъ за границы, преимущественно изъ сосѣднихъ съ Кавказомъ восточныхъ государствъ. VII.—Судебный дневникъ. VIII.—Изданія искусства. Театры: Русскій, Грузинскій, Армянскій и пр. зрѣлища. Музыка, Живопись, Скульптура, Архитектура и пр. IX.—Новости наукъ и промышленности. X.—Обзоръ Русской печати. XI.—Обзоръ иностранной печати. XII.—Телеграммы русскихъ и иностранныхъ газетъ. XIII.—Легендіи Замѣтки. XIV.—Критика и Библиографія. XV.—Смѣсь. XVI.—Справочный указатель.—XVII.—Объявленія (казенныя и частныя). XVIII.—Фельетоны.—1) Воскресный фельетонъ;—2) Русская Недѣля;—3) Иностранная Недѣля;—4) Картины Кавказской провинціальной жизни; 5) Кавказская промышленность; 6) Русская и иностранная журналистика; 7) Беллетристика: оригинальные и переводные повѣсти, рассказы, очерки, драматическія сцены, стихотворенія и т. п.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ достав. въ Тифлисъ.	По Имперіи.	По почт. союзу.
На годъ . . 11 р. 50 к.	На годъ . . 13 р. — к.	На годъ . . 18 р. 40 к.
„ 1/2 года. 6 „ — „	„ 1/2 года. 7 „ — „	„ 1/2 года. 10 „ — „
„ 3 мѣс. . 8 „ 50 „	„ 3 мѣс. 4 „ — „	„ 3 мѣс. . 6 „ — „
„ 1 мѣс. . 1 „ 50 „	„ 1 мѣс. . 1 „ 75 „	„ 1 мѣс. . 2 „ — „

Отдѣльныя номера продаются по 5 вop.

Редакторъ-Издатель М. М. Тебеньковъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1885.—ТРИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ—1885.

Редакторъ-Издатель П. Н. Полевой.

Въ 1885 году, годовые подписчики „Живописнаго Обозрѣнія“ получаютъ:

- I. 52 сменодѣльныхъ иллюстрированныхъ номера, каждый не менѣе двухъ большихъ листовъ печати, съ 5—6 рис. въ текстѣ.
- II. 12 ежемѣсячныхъ имень, въ 8 д., объемомъ 10—11 печатныхъ листовъ, убогостаго шрифта.
- III. 12 ежемѣсячныхъ номеровъ «Маринскихъ модъ».
- IV. Бесплатную премію—художественно исполненную олеографію, на выборъ изъ трехъ различныхъ сюжетовъ (одинъ пейзажъ и два жанра;—подробности въ № 1). Желающіе получить всѣ три картины доплачиваютъ къ подписной цѣнѣ еще 2 р.

Примѣчаніе. Во избѣжаніе порчи картинъ въ дорогѣ, предлагается гг. подписчикамъ перенести ихъ *страховыми посылками*—прочно упакованными и зашитыми въ холстъ, на полной отвѣтственности конторы, для чего за пересылку одной картины слѣдуетъ добавить 60 к., двухъ—80 к. и трехъ—1 руб.—Всѣмъ подписчикамъ, которые не сдѣлаютъ этого добавочнаго взноса, премія будетъ отправлена обыкновеннымъ бандерольнымъ способомъ, но, въ случаѣ пропажи или порчи ея въ дорогѣ, контора не можетъ принять за это на себя никакой отвѣтственности.

ПО Д П И С Н А Я Ц Ъ Н А .

Съ доставкою и пересылкою		Безъ доставки и пересылки.	
За годъ	8 р. — к.	За годъ	6 р. 60 к.
За полгода	4 р. 50 к.	За полгода	4 р. — к.

Подписка за границею: за годъ—12 руб., за полгода—6 руб.

Адресъ конторы редакціи: С.-Петербургъ, Николаевская ул., д. № 19.

Въ литературномъ отдѣлѣ принимаютъ участіе слѣдующіе литераторы: Н. А. Ахшарумовъ, П. Д. Боборичинъ, П. В. Быковъ, К. С. Баранцевичъ, И. Ф. Васильевскій, (Буква), П. П. Васильевъ, П. И. Вейнбергъ, П. А. Висковатовъ (профессоръ), П. И. Воскресенская, И. Ф. Горбуновъ, Г. О. Достунисъ (профессоръ), Л. Званаревъ, А. А. Иностранцевъ (профессоръ), В. А. Крыловъ, (Викторъ Александровъ), В. Крестовскій (писатель), А. В. Кругловъ, Н. И. Красновъ, В. Левинъ, Александра Львова, Н. С. Лясковъ, С. В. Максимовъ, М. Н. Малаховъ, Е. Л. Марковъ, Д. Д. Минаевъ, А. П. Митуричъ, Д. Л. Михаловскій, С. Я. Надсонъ, Д. Н. Островскій, Н. И. Плещеевъ, Е. П. Пеломаревъ, Л. Русинъ, А. Соколовъ, А. Г. Сахарова, Н. И. Сиваринъ, Л. X. Симонова, Н. И. Соборный (всеводинъ), С. Н. Терлигоревъ (Сергій Атава), П. Тройницкій, М. К. Цобрикова, Дм. Чертовъ, В. В. Чуйко, М. Н. Шелгуновъ, А. К. Шеллеръ (А. Михайловъ), В. И. Шимонио, В. Ю. Юрьевъ, А. Н. Яхонтовъ и многіе другіе.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1885 ГОДЪ.

„МИНУТА“

ЕЖЕДНЕВНАЯ
ПОЛИТИЧЕСКАЯ и ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА.

Какъ и въ прежніе годы, «МИ-
НУТА» будетъ выходить ежедневно
листами большаго формата (послѣ
праздниковъ полулистъ).

Цѣна на газету остается
прежня:

	Въ Пе- терб. съ дост.	Въ про- вицію съ пер.
Годъ	8 р. — к.	9 р.
Полгода	4 " 75 "	5 "
Три мѣсяца	2 " 60 "	3 "
Одинъ мѣсяць — "	" 90 "	1 "

Цѣна за границу въ годъ 15 руб.,
за полгода 8 руб.

ПРЕМИЯ. Подписчики (годо-
вые, не разсроченные) на газету
«МИНУТА», желающіе выпи-
сывать оба наши изданія, т. е.:
«МИНУТУ» и «КОЛОСЬЯ»,
пользуются уступкою въ *два
рубля* и платятъ: городскіе,
вмѣсто 16, *четырнадцать*, а
иногогородные, вмѣсто 17, *пят-
надцать рублей*.

Подписка принимается въ конторѣ газеты «МИНУТА» и журнала
«КОЛОСЬЯ», въ С.-Петербургѣ, уг. Б. Итальянской и В. Садовой,
д. Крафта.

Редакторъ-Издатель М. А. Баталинъ.

„КОЛОСЬЯ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ
НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

(выходитъ безъ предварительной
цензуры отъ 20 до 30 листовъ
въ мѣсяцъ).

Журналъ „КОЛОСЬЯ“ въ буду-
щемъ году, сохраняя свой преж-
ній характеръ и внѣшнее изляче-
ство, будетъ увеличенъ въ объемѣ
до размѣровъ большихъ журналовъ;

Цѣна на журналъ «Колосья»
слѣдующая:

На годъ (съ пересылкою и
доставкою) . . . . . 8 руб.
На полгода . . . . . 5 "

Отъ конторы. Принимая во
вниманіе желаніе многихъ новыхъ
подписчиковъ ичѣть въ своей до-
машней библиотекѣ журналъ съ
самаго его основанія, редакция
рѣшилась отпечатать второе изда-
ніе 12 книгъ перваго (1884) года,
которыя и будутъ высланы под-
писчикамъ немедленно по получе-
ніи подписныхъ денегъ, причѣмъ
за эти 12 книгъ называется плата,
значительно уменьшенная, а именою
3 руб. Льгота эта допускается
только для годовыхъ подписчиковъ,
прилагающихъ ТРИ рубля къ го-
довой платѣ 8 р. (всего 11 руб.).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1885 г.
НА БОЛЬШУЮ ЕЖЕДНЕВНУЮ, ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ОБЩЕСТВЕННУЮ
И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ,

„ЭХО“

существующую пятый годъ.

С.-Петербургъ. Невскій просп., домъ № 61.

Изъ большихъ ежедневныхъ газетъ—газета „Эхо“ самая дешера; тогда какъ годовая цѣна другихъ равняется 17 р., газета „Эхо“ стоитъ всего лишь съ пересылкою и доставкою 10 руб., разница громадная. (Допускается разсрочка платежа: для служащихъ — по третямъ, чрезъ ихъ казначеевъ; не служащихъ — чрезъ Главную Контору Редакціи „ЭХО“. ушачивается при подпискѣ 5 р., въ концѣ марта 3 р., а въ началѣ августа 2 руб.).

Не смотря на это, какъ могли убѣдиться наши читатели, редакція въ теченіи 1884 года употребила всевозможныя мѣры къ тому, чтобы сдѣлать содержаніе газеты полнымъ и интереснымъ, чтобы дать своимъ читателямъ возможно болѣе матеріала, не менѣе того, что даютъ другія большія газеты.

Значительно увеличившееся число подписчиковъ, явившееся результатомъ сдѣланныхъ улучшеній, даетъ намъ возможность, *сохраняя подписную цѣну въ наступающемъ 1885 году*, сдѣлать содержаніе газеты богаче, открывъ нѣсколько новыхъ отдѣловъ, въ числѣ которыхъ мы считаемъ необходимымъ обратить вниманіе на

ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННЫЙ ОТДѢЛЪ,
на ОТДѢЛЪ ПУТЕШЕСТВІЙ
и ВЕЛЛЕТРИСТИКУ.

Придавая громадное значеніе *внутренней жизни* нашего государства, редакція газеты „Эхо“ уже имѣетъ въ настоящее время во всѣхъ главныхъ городахъ Россіи *корреспондентовъ*, лично извѣстныхъ редакціи и на добросовѣстное отношеніе которыхъ къ своей высокой обязанности редакція можетъ положиться.

Изъ всѣхъ столицъ Европы и другихъ странъ редакція также имѣетъ самостоятельныхъ корреспондентовъ, которые, проживая долгое время за границей, прекрасно знаютъ мѣстную политическую и общественную жизнь.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1885 ГОДЪ НА

„ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ“

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ХУДОЖЕСТВЕННАГО АЛЬБОМА“.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно книжками отъ пяти до семи листовъ съ приложеніями и преміями: фотогравюръ, фототипій, фотоцинографій и акварелей. Программа журнала заключаетъ въ себѣ отдѣлы: беллетри-стическій, критику, фельетоны, смѣсь и статьи художественно-театральныя и художественно-промышленныя. Въ литературномъ отдѣлѣ участвуютъ: Н. Александровъ, Василевскій (Буква), Виноградовъ, Гибдичъ, Горбуновъ, Градовскій, графъ Голенищевъ-Кутузовъ, Крестовскій, Ля-сковъ, Лукьянъ, Минаевъ, Майковъ, Михневичъ, Немировичъ-Данченко, По-донскій, Случевскій, графъ Н. Л. Толстой, Глѣбъ Успенскій и многіе дру-гіе. Въ приложеніи: Айвазовскій, Богдановъ, Верещагинъ, Злати, Коше-левъ, Каразинъ, В. Маковскій, Мещерскій, Прянишниковъ, Рачковъ, Свѣ-домскій, Семирадскій, Суриковъ, Сухоровскій, Чижовъ, Шарлеманъ и мног. друг. Изъ иностранныхъ художниковъ: Анджели, Бугеро, Грюн-перъ, Дефрегеръ, Детайль, Каульбахъ, Максъ, Матейко, Мункачи, Мад-рацо, и многіе другіе. Каж. ый изъ номеровъ журнала будетъ состоять изъ одной фотогравюры и одной фототипіи, или же двухъ фототипій и одной фотоцинографіи. Кромѣ того редакция намѣрена дать продолженія года двѣ или три акварели, которыя будутъ даны вѣсто фотогравюръ. Та-кимъ образомъ Приложенія въ журналѣ составятъ въ продолженіи года альбомъ изъ 24 фототипій вѣстѣ съ фотогравюрами и акварелями и изъ 12 или 15 фотоцинографій.

ПРЕМИА НА 1885 ГОДЪ для годовыхъ подписчиковъ первый выпускъ большаго альбома галлерей Д. П. БОТКИНА (отъ 10 до 15 листовъ). Въ первый выпускъ войдутъ картины: Мейсонъ, Контэ, Жерона, Замакостъ, Детайля, Раццони, Милле, Раубе, Петенкофера, Алма-Тадемы, Вотье, Жака, Стевенса, Мейергема, Пугани, Брандта, Лесинга, Фроманто, Мад-рацо, Рикко, Де-Натиса, Гебгардта, Горасъ-Вервета, Эдельфельда, и Фор-туни. Вѣстѣ съ тѣмъ въ приложеніи къ журналу при каждомъ номерѣ будетъ выходить по листамъ весьма научная вѣстѣ съ тѣмъ крайне по-пулярная, читающаяся какъ романъ, „Исторія мимолетъ въ Итали“ Ж. Ко-энде, иллюстрированная разными способами. Въ настоящее время на 1885 г. редакціей уже приобрѣтены: 1) Альбомъ (акварелей) В. В. Самой-лова. (В. В. Самойловъ въ игранныхъ имъ роляхъ, самимъ авторомъ на-рисованный). 2) Шумскій въ его роляхъ. Рисунки артиста московскихъ Императорскихъ театровъ А. П. Ленскаго. 3) Картины и рисунки: В. Ма-ковскаго, Мещерскаго, Прянишкова, Сурикова, Свѣдомскихъ, Рачкова, Кошелева, Злати, Шарлеманя Анджели, Матейко и Грюндера. Въ заклю-ченіе редакція считаетъ долгомъ извѣстить подписчиковъ, что въ этомъ же году ею предпринимается изданіе Школы рисованія А. И. Мещерскаго. Под-писчики журнала при покупкѣ этой школы будутъ пользоваться скидкой одной трети съ объявленной цѣны.

Подписная цѣна на годъ 8 р. съ пер. и дост. премія 9 р., заграни-цу 10 р., на полгода 5 р. Служащимъ допускается рассрочка по третямъ за поручительствомъ казначеевъ. На десять экземпляровъ, доставленныхъ отъ одного лица, одинъ экземпляръ высылается безплатно.

Подписка принимается: Сиб., въ конторѣ редакціи: Стремлянная, д. № 3; въ конторѣ редакціи газеты «Новости» — Мойка, д. № 90; въ отдѣленіи конторы, Невскій, д. № 52; въ Москвѣ, въ книжномъ магазинѣ Мамонто-ва, въ астампныхъ Давидро и Осберга а также во всѣхъ книжныхъ и астампныхъ магазинахъ Петербурга и Москвы. Иногородные благоволятъ адресоваться исключительно въ контору редакціи.

Редакторъ-издатель Н. АЛЕКСАНДРОВЪ.

ОБЪ ИЗДАНИИ ВЪ 1885 ГОДУ ЖУРНАЛА
„ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ“
(ГОДЪ ПЯТЫЙ).

Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить по четвергамъ, въ размѣрѣ отъ 1 до 2 печатныхъ листовъ, по слѣдующей программѣ.

1. Статьи по вѣсѣмъ вопросамъ, вытекающимъ изъ теоріи права и судопроизводства.—II. Перечень, изложение и обсужденіе важнѣйшихъ распоряженій и узаконеній правительства.—III. Судебная хроника: а) отчеты о засѣданіяхъ въ судахъ, преимущественно Кавказскаго края, и б) особенно интересныя рѣшенія Кавказскихъ гражданскихъ судовъ по вопросамъ права и судопроизводства, вызваннымъ мѣстными особенностями края.—IV. Корреспонденціи юридическаго обозрѣнія.—V. Краткіе отчеты о новыхъ книгахъ юридическаго содержанія (Обзоръ юридической печати и библиографія).—VI. Смѣсь (разныя извѣстія). С. учанъ изъ судебной жизни и практикы.—VII. Тезисы текстнальное изложение кассаціонныхъ рѣшеній: а) деп. ртаментовъ сената и б) Тифлисской судебной палаты.—VIII. Извлечение изъ приказовъ о важнѣйшихъ назначеніяхъ по вѣдомству истицы.—IX. Судебный указатель. Резолюціи Тифлисской судебной палаты по дѣламъ апелляціоннымъ и кассаціоннымъ.—X. Объявленія—казенныя и частныя.

Выполнивъ, по возможности, свои прошлагодня обѣщанія предъ читателями, редакціи „Юрид. Обзор.“ постарается придать своему журналу въ будущемъ году еще большій интересъ, при содѣйствіи многихъ прежнихъ и нѣкоторыхъ новыхъ сотрудниковъ.

Кромѣ статей общаго юридическаго характера по вопросамъ гражданскаго и уголовнаго права, межевымъ, нотаріальнымъ, судебно-военнымъ и пр., а также о внутренней жизни наивазскихъ судовъ и о вопросахъ дня, въ 1885 г. будутъ помѣщены: грузинскіе законы царя Вахтанга, съ необходимыми предисловіемъ и примѣчаніями, и продолжены изслѣдованія законовъ: армянскихъ—по Мхитару Гошу, еврейскихъ—по Маймониду, мусульманскихъ, собственно Кавказскихъ народностей; ихъ адаты и пр.

У С Л О В І Я П О Д П И С К И :

Редакція и администрація журнала (для приѣма подписки, объявленій и розничной продажи)—Тифлисъ, Соколякская ул., д. кн. Меликова.

Подписная цѣна на журналъ съ доставкою и пересылкою: на годъ—10 р.; на 6 мѣс.—6 р.; на 3 мѣс.—3 р. 20 к.; на 1 мѣс.—1 р. 25 к.

Разсрочка въ платежѣ денегъ допускается—для годовыхъ подписчиковъ: при подпискѣ 4 р., въ мартѣ и апрѣлѣ по 3 руб., и для полугодовыхъ: при подпискѣ 3 р. и черезъ два мѣсяца еще 3 р.

Для гг. студентовъ—годовая плата 8 р.; полугодовая 5 р.

Желающіе приобрести журналъ за прѣжніе года, уплачиваютъ за 1881 г.—8 р. 20 к. и за всѣ послѣдующіе по 10 р. за годовой экземпляръ.

При перемѣнѣ адреса вносятъ 40 коп.

За объявленія, казенныя и частныя—строка пята 10 коп., $\frac{1}{2}$ страницы 3 р. 25 к., цѣлая стрѣн. 6 р. 50 коп.

Подписка и объявленія принимаются также въ Москвѣ и Петербургѣ, въ книжныхъ магазинахъ И. П. Анисимова

При доставленіи въ редакцію „Юрид. Обзор.“ экземпляра юридическаго сочиненія, о немъ будетъ данъ отчетъ и сдѣлана публикація.

Подписчики „Юрид. Об.“ имѣютъ право на получение, черезъ редакцію, свѣдѣній о положеніи ихъ дѣлъ въ Тиф. судеб. учрежд.—въ текстъ журнала безвозмездно, а письменныя и телеграфныя—по согласенію съ ред. журнала.

Редакторъ-Издатель С. Френкель.

Открыта подписка на 1885 г.

(съ 1 Января 1885 г. по 1 Января 1886 г.)

!! 3 р. въ годъ за 52 выпуска !!

САМОЕ ДЕШЕВОЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ ВЪ РОССИИ

„ЛАСТОЧКА“

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

подъ редакціею академика **Л. Е. Дмитриева-Кавказскаго.**

При заведываніи литературнымъ отдѣломъ **П. М. Вейнберга.**

Въ каждомъ выпускѣ не менѣе 16-ти страницъ текста, съ 4-мя большими и нѣсколькими малыми рисунками, исполненными только русскими художниками и воспроизведенными фансимиле, новымъ гелиотипическимъ способомъ. Въ журналѣ будутъ помѣщаемы романы, повѣсти, рассказы, стихотворенія, очерки и корреспонденціи извѣстныхъ современныхъ путешественниковъ. Отдѣлы наукъ и искусствъ, театр и музыка, Библиографія. Смѣсь. Объявленія. Въ изданіи принимаютъ участіе, въ качествѣ постоянныхъ сотрудниковъ, лучшія русскія художественныя силы, какъ по искусству, такъ и по литературѣ.

По своему изяществу, по своимъ художественнымъ достоинствамъ изданіе наше удовлетворитъ самымъ изысканнымъ требованіямъ, а по своей ничтожной цѣнѣ оно общедоступно.

Годовые подписчики получаютъ премію фансимиле съ акварели, по уплатѣ 1 руб. сер. (съ укавкой и пересылкою).

Въ числѣ сотрудниковъ журнала состоятъ: **И. Н. Божеряновъ, Н. Н. Вакуловскій, П. А. Висковатый, Д. В. Григоровичъ, кн. Н. Имеретинскій, А. В. Кругловъ, В. С. Лялинъ, С. В. Максимовъ, В. О. Михневичъ, С. А. Мусинъ-Пушкинъ, В. И. Немировичъ-Данченко, Я. П. Половскій, Н. Позняковъ, П. Я. Пасецкій, М. П. Соловьевъ, М. П. Смирновъ, Д. И. Стахѣевъ, Н. Н. Страховъ, С. Н. Тертигоревъ (Атава), кн. Д. Н. Церетелевъ и пр.**

В. А. Бобровъ, А. П. Боголюбовъ, Н. Г. Богдановъ, К. Б. Венигъ, В. П. Верещагинъ, П. Н. Грузинскій, Ф. С. Журавлевъ, Н. П. Загорскій, М. И. Зиновьевъ, М. А. Барякинъ, К. Ю. Клеверъ, баронъ М. К. Клодтъ, А. Д. Кившенко, А. П. Корзухинъ, П. П. Куріаръ, Л. Ф. Лагоріо, К. В. Лемохъ, А. Д. Литовченко, В. М. Максимовъ, Г. М. Мантзеръ, А. И. Мещерскій, А. М. Опекушинъ, В. Д. Орловскій, К. А. Савицкій, Н. С. Самокишъ, И. И. Творозжиковъ, А. I. Шарлеманъ, А. И. Шамининъ, Н. Шаховской, И. И. Шинкинъ, В. И. Якобій и пр.

Подписная цѣна съ пересылкою и доставкою:

На годъ 3 руб., на 6 мѣсяцевъ 2 руб., на 3 мѣсяца 1 руб.

Подписка принимается для иногороднихъ исключительно въ Главной конторѣ Редаціи журнала „Ласточка“—С.-Петербургъ, Вас. Остр., 19-я линія, № 4, а городская производится, кромѣ того, въ книжныхъ магазинахъ.

Гг. служащимъ можетъ быть сдѣлана разсрочка за ручательствомъ казначеевъ или начальниковъ.

Продолжается тоже годовая подписка съ 1 Июля 1884 г. по 1 Июля 1885 г., а новые подписчики на этотъ срокъ получаютъ всѣ вышедшіе номера.

Изданіе **Э. И. Маркусъ**, при Заведеніи Графическихъ Искусствъ. С.-Петербургъ, Вас. Остр., 19 линія, № 4.

О подпискѣ въ 1885 году

Н А

БОЛЬШОЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ГОДЪ 2-Й.

„КОЛОСЬЯ“

ГОДЪ 2-Й.

Несмотря на свое недавнее существованіе, журналъ „КОЛОСЬЯ“ приобрѣлъ уже настолько извѣстности въ публикѣ, что нѣтъ нужды говорить подробно о его направленіи и характерѣ. Достаточно сказать, что за первый годъ изданія редакция получила массу сочувственныхъ писемъ за введеніе журнала въ духъ болѣе литературномъ, нежели политическомъ и за давалась цѣлью сдѣлать журналъ по возможности разнообразнѣе, интереснѣе и полнѣе.

Въ истекшемъ году было помѣщено нѣсколько большихъ оригинальныхъ романовъ („Погасшая искра“, „Гдѣ счастье?“ и др.), болѣе десяти большихъ повѣстей („Антриса Уранова-Сандунова“, „На ложной дорогѣ“, „Невѣста Блага Генерала“, „Неудавшаяся королева“, „Невѣстная грѣшница“ и др.), болѣе пяти драмъ и комедій („Графъ Чалинскій“, „азбитая жизнь“, „Роковая ялтава“, „Северо Торелли“, и др.), нѣсколько большихъ поэмъ въ стихахъ „Буреломъ“, „Сергій Лирскій“, „Смертоносная гора“ и проч., и около 25 небольшихъ разсказовъ и очерковъ.

По отдѣламъ: научному, историческому и критическому и по текущимъ вопросамъ публицистики было помѣщено нѣсколько статей въ каждой книжкѣ.

Журналъ выходитъ безъ предварительной цензуры, въ объемѣ большихъ ежемѣсячныхъ изданій, отъ 20 до 30 печатныхъ листовъ каждыи мѣсяцъ (12 книгъ въ годъ).

Въ изданіи до сихъ поръ принимали участіе около 70 сотрудниковъ, имена которыхъ болѣе или менѣе извѣстны публикѣ. Мы не поименовываемъ болѣе выдающихся, будучи благодарны всѣмъ имъ одинаково.

Въ текущемъ году редакция намѣрена продолжать свое дѣло въ томъ же духѣ, какъ и теперь, стремясь дать публикѣ самый обширный разнообразный и полезный матеріалъ для чтенія. Изъ всѣхъ большихъ журналовъ за нынѣшній годъ ни одинъ не далъ такъ много оригинальной беллетристики, какъ „КОЛОСЬЯ“, которые вообще избѣгаютъ переводнаго балласта. При всемъ этомъ „КОЛОСЬЯ“ остаются самымъ доступнымъ по цѣнѣ журналомъ изъ всѣхъ другихъ большихъ ежемѣсячныхъ изданій.

Подписная цѣна на журналъ „КОЛОСЬЯ“ въ 1885 году:

На годъ (съ пересылкою и доставкою) . . . . . 8 р.

На полгода . . . . . 5 „

Отъ конторы. Принимая во вниманіе желаніе многихъ новыхъ подписчиковъ имѣть въ своей домашней библиотекѣ журналъ съ самаго его основанія, редакция рѣшилась отпечатать второе изданіе 12 книгъ перваго (1884) года, которыя и будутъ высланы подписчикамъ немедленно по полученіи подписныхъ денегъ, при чемъ цѣна за эти 12 книгъ назначается значительно уменьшенная, а именно 3 руб. Льгота эта допускается только для годовыхъ подписчиковъ, прилагающихъ ТРИ руб. къ годовому плату 8 р. (всего 11 руб.).

Подписка принимается въ Петербургѣ, въ конторѣ журнала „КОЛОСЬЯ“ (уг. Б. Садовой и Вл. Итальянской, д. Крафта), куда адресуются и письма изъ городовыхъ.

Редакторъ-издатель И. А. БАТАЛИНЪ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1885 годъ

на БОЛЬШУЮ ЕЖЕДНЕВНУЮ, ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ОБЩЕСТВЕННУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„РУССКІЙ КУРЬЕРЪ“

ГОДЪ ШЕСТОЙ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Съ доставкою въ Москвѣ:			Съ пересылкою въ города:		
На 12 мѣс. 8 р. 50 к.	На 6 мѣс. 4 р. 50 к.	На 12 мѣс. 9 р. — к.	На 6 мѣс. 5 р. — к.		
„ 11 „ 8 „ — „	„ 5 „ 3 „ 90 „	„ 11 „ 8 „ 50 „	„ 5 „ 4 „ 60 „		
„ 10 „ 7 „ 50 „	„ 4 „ 3 „ 25 „	„ 10 „ 8 „ — „	„ 4 „ 3 „ 70 „		
„ 9 „ 6 „ 75 „	„ 3 „ 2 „ 50 „	„ 9 „ 7 „ 40 „	„ 3 „ 2 „ 75 „		
„ 8 „ 6 „ — „	„ 2 „ 1 „ 90 „	„ 8 „ 6 „ 70 „	„ 2 „ 2 „ — „		
„ 7 „ 5 „ 25 „	„ 1 „ 1 „ — „	„ 7 „ 5 „ 90 „	„ 1 „ 1 „ 10 „		

За границу: на 12 м. 18 р., на 6 м. 10 р., на 3 м. 5 р. 50 к., на 1 м. 2 р. 20 к.

Подписка принимается въ конторѣ изданія: Москва, Москворѣцкій мостъ, домъ Н. П. Ланна; въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы, С.-Петербурга и другихъ городовъ и въ Парижѣ — *Rue Clement, 4, Adam* и въ комиссіонерной конторѣ *Agence Slave, Place de l'Opéra, № 4-я*.

Г. многогородіе благоволятъ адресоваться преимущественно въ контору изданія

„РУССКІЙ КУРЬЕРЪ“

Редакторъ-Издатель Н. П. ЛАНИНЪ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1885 г.

„Ю Ж Н Ы Й К Р А Й“

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ,

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕДНЕВНО.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	11 мѣс.	10 мѣс.	9 мѣс.	8 мѣс.	7 мѣс.
Безъ достав.	10 р. 50 к.	10 р. — к.	9 р. 25 к.	8 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. — »
Съ дост. на д.	12 » — »	11 » 50 »	10 » 75 »	10 » — »	9 » 10 »	8 » 20 »
Съ пер. иног.	12 » 50 »	12 » — »	11 » 25 »	10 » 25 »	9 » 50 »	8 » 50 »

	На 6 мѣс.	5 мѣс.	4 мѣс.	3 мѣс.	2 мѣс.	1 мѣс.
Безъ достав.	6 р. — к.	5 р. 40 к.	4 р. 50 к.	3 р. 50 к.	2 р. 40 к.	1 р. 20 „
Съ дост. на д.	7 » — »	6 » 30 »	5 » 20 »	4 » — »	2 » 80 »	1 » 40 „
Съ пер. иног.	7 » 50 »	6 » 60 »	5 » 60 »	4 » 50 »	3 » 20 »	1 » 60 „

Подписка принимается только съ 1-го числа каждаго мѣсяца. Допускается разсрочка платежа за годовую экземпляръ, но соглашенію съ главнымъ конторою редакціи.

Главная контора газеты въ Харьковѣ на Екатеринославской улицѣ въ д. Файнберга № 44-й принимаетъ подписку и объявленія; открыта въ будни съ 8-ми часовъ утра до 7-ми час. вечера, а въ воскресенье и праздничные дни съ 8-ми до 1 часу дня.

Отдѣленіе конторы на Московской улицѣ, въ д. Рубинштейна, при книжномъ магазинѣ Б. В. Хавкина; открыто въ будни отъ 9-ти часовъ утра до 6-ти часовъ вечера, а въ воскресенье и праздничные дни съ 8-ми до 1 часу дня.

ПЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

ПЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

ГАЗЕТА А. ГАТЦУКА.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ И
РЕМЕСЛЕННАЯ.

Въ 11-й годъ своего изданія, т. е. въ 1885 году, Газета будетъ выходить на прежнихъ условіяхъ, безъ предварительной цензуры и въ значительно улучшенномъ составѣ, въ объемѣ 2-хъ, 3-хъ листовъ въ недѣлю. Ежемѣсячно прилагаются особо Парижскія Моды, съ рисунками модъ и узоровъ, и 6 разъ въ годъ — по листу модныхъ выкроекъ, заключающему въ себѣ 4—5 выкроекъ полныхъ костюмовъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА «ГАЗЕТУ А. ГАТЦУКА» 1885 г.

Газета сообщаетъ подробно политическія и общественныя новости, распоряженія Правительства, новости торговныя и биржевыя, изобрѣтенія и открытія изъ области ремесель, искусствъ и наукъ.

Для легкаго чтенія помѣщаются повѣсти и рассказы преимущественно историческіе, стихотворенія, статьи научнаго содержания, интересныя общій интересъ и изложенныя въ общедоступной формѣ, а также критика, библиографія. Газета даетъ въ годъ болѣе 700 рисунковъ въ текстѣ. Въ ней принимаютъ участіе своими трудами лучшіе наши ученые художники.

ПРЕМИИ 1885 Г. 1) Крестный Календарь на 1886 г. на велевеновой бумагѣ. 2) Повѣсти и романы иностранныя (въ приложеніи къ номерамъ). 3) Иллюстрированныя драмы Шекспира (вып. 5-й—драма „Макбетъ“ въ прекрасномъ переводѣ С. А. Юрьева) и пр.

Новые подписчики могутъ, по особому заявленію съ ихъ стороны, получать безвлатно большую олеографическую картину, представляющую точное (съ натуры) изображеніе Священнаго Коронованія Ихъ Величествъ въ 1888 г.

Подписная цѣна на 1885 г.: безъ доставки на годъ 4 р., съ доставкой и пересылкою на годъ 5 р., на полгода (съ Января и Юля) 3 р., 1 мѣсяць 60 к.

За границу 7 р., на полгода 3 р. 50 к.

„Газету“ прежнихъ годовъ, съ 1875 по 1883 гг. (кроме 1880 и 1883) можно получать изъ редакціи по 3 руб. за томъ (годъ) съ пересылкою. Годовъ 1880 и 1883 не выѣтся уже ни одного экземпляра.

Адресъ: Москва, Никитскій бульварь, д. Гатцука.

Редакторъ-Издатель А. Гатцукъ.

1875

1876

1877

1878

1879

THE BORROWER WILL BE CHARGED
THE COST OF OVERDUE NOTIFICATION
IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO
LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST
DATE STAMPED BELOW.

CANCELLED

JUL 25 1986

BUN ZWIZENER

W. DIETN
CAN BOOK DUE
NOV 14 1997
JUL 20 1986
6368018

